

ЗВЕЗДА

Востока

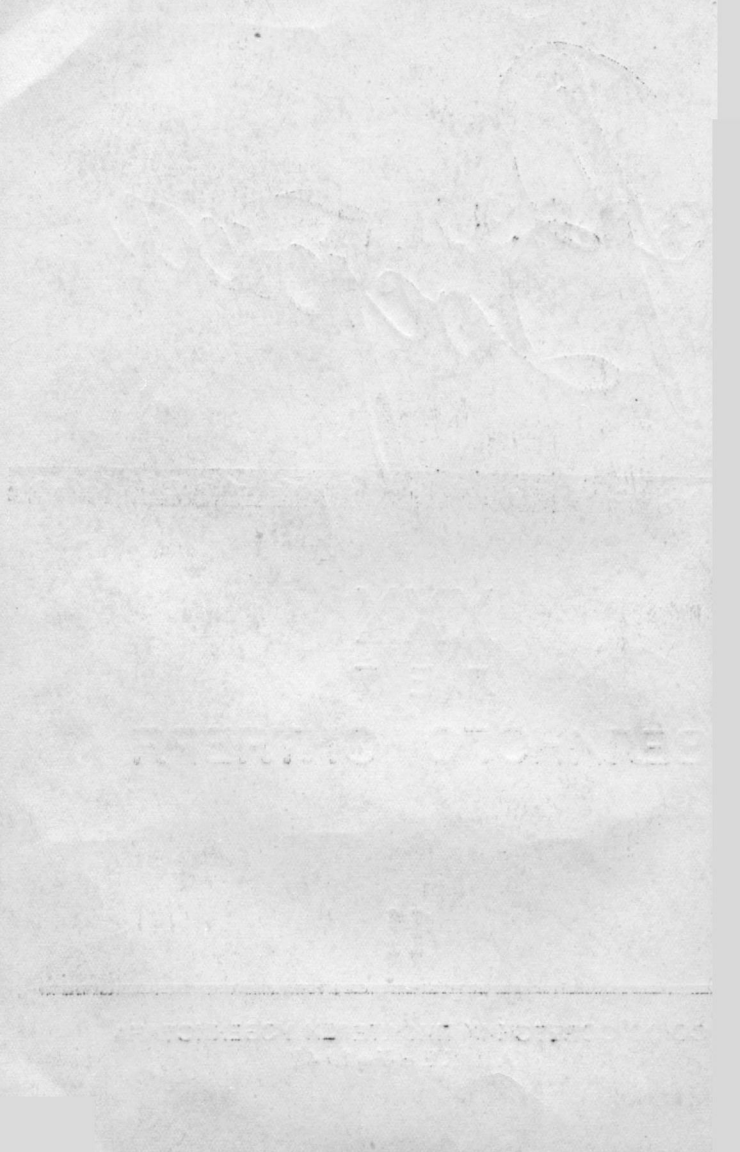
XXX

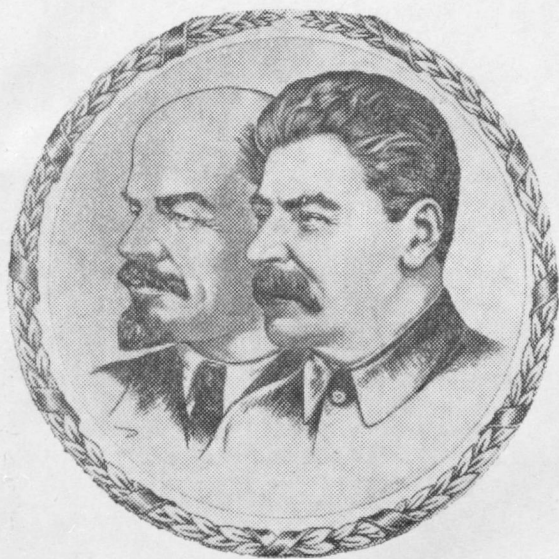
Л Е Т

ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

11

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА
ТАШКЕНТ ♦ 1947

ЗВЕЗДА

Востока

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Л И Т Е Р А Т У Р Н О -
Х У Д О Ж Е С Т В Е Н Н Ы Й
И О Б Щ Е С Т В Е Н Н О -
П О Л И Т И Ч Е С К И Й
Ж У Р Н А Л

ОРГАН СОЮЗА

СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

№ 11 Объединенное изд-во „Правда Востока“ и „Кзыл Узбекистан“ 1947

УЙГУН

ПОСТУПЬ ВЕКОВ

Музыкальная драма

(Литературный вариант)

УЧАСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Айвар Хайдаров — инженер, начальник строительства го-
ловной плотины.

Мунаввар-хан Халдарова — гидротехник.

Славский, Николай Павлович — главный инженер.

Уста-Джалял } — сипайчи.

Парии Саркяр } — сипайчи.

Саодат — бригадир.

Турсун }

Адалъ } — колхозницы, участницы строительства.

Хасият }

Сабир-джан } — строители.

Кадыр-джан }

Шерали — бригадир.

Мардан-ата — сказитель.

Член правительства.

Начальник строительства.

Маруся — механик деррика.

Петька — шофер.

Доктор.

Сестра.

1-й инженер.

2-й инженер.

Ширин.

Фархад.

Махин-бану.

Фарьяд.

Визирь.

Хисров.

Стражи.

Слуга.

Дворцовая девушка.

Инженеры, руководители, начальники участков, строители,
принцы, военачальники, стражи, слуги, дворцовые девушки, тан-
цовщицы, музыканты, народ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Берег Сыр-Дарьи. На переднем плане гора Фархала, вдали — ущелье Ширин. Видны развалины Замка Ширин*. За ними, поднимаясь вверх, тянется цепь гор. Суровая зима 1943 года. Все вокруг покрыто снегом. Взметая к небу тучи снежной пыли, свирепствует ветер. Внизу течет Сыр-Дарья. Страна пуста, слышен только вой ветра и шум реки. В эту грозную мелодию вплетается резкая, нервная музыка. Гремного погода издали доносятся звуки хора. Песня все усиливается. Через сцену, по-военному, ряд за рядом, со знаменами и портретами вождей, с кетменами, допатами, кирками, носилками проходят колхозники-строители.

Народ: Нас вождем позвал, нас позвала отчизна —
И мы пришли, сыны страны своей.
Наш вольный труд украсит нашу землю
Цветеньем пышным, россыпью огней.

Отважны мы, надежно слово наше,
Мы гордость времени, мы родине верны.
Пришла сюда, чтоб светом озарилась
Земля родимой радостной страны.

Нам вождем сказал: прибавьте к свету света.
Осуществите Ленина завет.
Пусть целый свет на подвиг ваш дивится,
Пусть Сыр-Дарья даст свет на целый свет.

Цветами, светом край родной украсим.
Так вождем велел, велела так страна...
Пускай дастаном станет наша клытва,
Пусть яркой песней зазвенит она.

Народ проходит. Хор постепенно стихает. Группами и в одиночку идут отставшие. Буран затрудняет их движение. Входит Мунаввар. Она очень устала, еле передвигает ноги. Со стороны ущелья появляется Анвар. Мунаввар поскользнулась. Подоспевший Анвар поддерживает ее.

Анвар: Осторожней...

Мунаввар: (безразлично) Спасибо.

Анвар: (показывая вниз) Смотрите — бездна! Нужно быть осторожной... Скользко!

Мунаввар: Ничего. Да мне сейчас и по до страхов...

Анвар: На вас свалилось несчастье?

Мунаввар: На войне погибли два моих брата. *(Плачет)*.

Анвар: Не плачьте. Слезами не поможешь горю. Не плакать мы должны, а мстить врагу.

Мунаввар: *(перестав плакать)* Правда. Я молила: пошлите меня на фронт! А они на фронт не послали, а вот сюда направили...

Анвар: И хорошо сделали. Ведь и здесь бой, и здесь фронт. Если мы закончим в срок Фархадскую ГЭС, дадим заводам энергию, дадим свет — это будет сокрушительным ударом по врагу!

Мунаввар: Правда... Простите, где мне найти здесь инженера Анвара?

Анвар: *(улыбаясь)* Этот человек, если я не ошибаюсь, стоит перед вами.

Мунаввар: Вай! Так это вы?

Анвар: Я самый...

Мунаввар: Если так... *(Достает бумагу и передает Анвару.)* Меня к вам направили.

Анвар: *(прочитав письмо)* Очень хорошо! Гидротехник... Мунаввар-хан... Очень хорошо!..

Со стороны реки вместе с группой инженеров и техников появляется Славский.

Славский: Анвар, куда-то вы запропали? *(Увидев Мунаввар.)* А... Вы нашли здесь приятное общество... *(Инженеры улыбаются, Мунаввар и Анвар смущены.)* Ничего... Ничего! Молодость! *(Инженерам.)* Вы отправляйтесь. Я подойду после. Да, недостатки, о которых шла речь, нужно учесть, и проекты тщательно исправить. *(К Анвару.)* Это ваша знакомая?

Анвар: Только сейчас познакомилась. *(К Мунаввар.)* Это — главный инженер, Николай Павлович *(К Славскому.)* Это — гидротехник Мунаввар-хан...

Мунаввар: Халдарова.

Славский: Очень хорошо... очень хорошо! *(Шутливо.)* Только работа здесь трудная, выдержито ли? А?

Мунаввар: *(улыбаясь)* Ничего! Я уже привыкла к трудностям на Северном Ташкентском канале.

Славский: О!.. Значит, вы еще не видели трудностей... Можно ли сравнить Северный Ташкентский канал с Фархадской ГЭС! Это же все равно, что сравнивать муху со слоном! Такого строительства в Узбекистане еще не было. Мы собираемся обуздать эту своевольную реку. Мы хотим создать Узбекский Днепргоэс! *(Смотрит вниз на реку.)* Будет тяжело. Очень тяжело будет... Взгляните, какая стремительность течения! Точно стрела, выпущенная из лука!.. Тяжело будет. Ведь силы наши и техника — в бою!.. Но мы взнуздаем ее! *(К Мунаввар.)* Как по-вашему?

Мунаввар: Обязательно взнуздаем, товарищ главный инженер.

Славский: Да!.. Обязательно взнуздаем! Вот здесь и взнуздаем! Здесь будет возведена главная плотина! *(К Анвару.)* Да, товарищ инженер, самая горячая и самая тяжелая работа будет на твоём участке. *(Шутливо.)* Справишься? А?

Анвар: Обязательно... при вашей помощи.

Славский: Помощь сама собой. Но надо приучаться и к самостоятельной работе. Да, да!.. Будьте смелее! Будьте энергичней! Если споткнетесь где, поддержим, падать будете — поднимем. (*Летит под руку Анвара и Мунаввар.*) Ну, друзья, пошли в штаб.

Уходят. Появляются Уста-Джалаля и Парни Саркяр.

Саркяр: Уста, куда это вы привели меня, в конце концов? Это же такие места, птица пролетит — крылья обожжет, человек пройдет — ноги сожжет!

Уста: А вы что думали, в гости к принцессе Ширин попадете?

Саркяр: Э-э, знай я, что это такое, я бы не пришел! Смотрите, какой холод, бой-бой! Прожил столько лет, а такого холода не видал!.. Хай-хай! Смотрите, ветер какой!.. Вот-вот человека унесет!..

Уста: А кто вас неволил? Вы же сами на колхозном собрании били себя в грудь и заявляли себя охотником — и я, мол, на Фархад поеду.

Саркяр: Э-э, в тот день мне прямо замстило. На собрание я запоздал. Пришел, когда уже все было сказано и вызывались охотники ехать. А перед этим я краем уха слышал — мол, кто хочет помочь йигитам на фронте, пусть идет на Фархадское строительство. Вот, когда раис спросил: „Кто желает ехать?“ — перед глазами моими встал единственный сын мой Салиджан, что сражается на войне, я и выкрикнул: „Я желаю!“

Уста: А теперь раскаиваетесь?

Саркяр: Раскаиваться я не раскаиваюсь, только, оказывается, я тогда не понял.

Уста: Тут ничего непонятного нет. (*Показывает вниз, на реку.*) Взмнуздаем реку и построим электростанцию!

Саркяр: (*поражен*) Вот эту реку? Сыр-Дарью?

Уста: Да... да...

Саркяр: Не-ет, эту реку не взмнудать, Уста, не взмнудать!

Уста: Почему? Что она, заговорена?

Саркяр: Заговорена она, нет ли, не знаю, только ее не взмнудать! В давно минувшие времена сколько палванов пытались, — и не взмнудали, сколько ханов старались, — и не смогли. Белый падишах раз попытку делал — и не сумел!

Уста: Думали вы, думали и в конце концов додумались сравнить нас с ними, Саркяр! Хвала вашему выбору! Мы — кто и они — кто?! Десяток белых падишахов, сотня ханов и тысяча палванов против одного нашего силача-колхозника — ничто! Сказано — взмнудаем реку, — и взмнудаем!

Саркяр: Эй, седобородый! Как же это вы взмнудаете! Взгляните, как она мечется, что взбешенный дракон или что рассерженный лев! Или ворожбой думаете взять?

Уста: Мы не колдуны, чтоб ворожить. Будем работать по-военному. И взмнудаем. Разные машины придут, их пустим в дело. И взмнудаем.

Саркяр: Что-то я никак не могу этого в толк взять...

Уста: Знайте, Саркяр, что в голове этого дела сам Сталини-ата стоит! А если Сталин в голове встанет, найдется ли такое дело, чтоб до конца не было доведено, а, Саркяр?

Саркяр: Понял теперь! Теперь поверил! Если в голове дела Сталин стоит, то ясно — взнуздаем! Что ж, пошли, Уста.

Уходят. С толпой девушек появляется Саодат.

Хасият: Эй, девушки, а где же Сабир-джан?

Саодат: Ойе, нет его! Где же он? Когда проходили ущелье, был он?

Турсун: Как бы в ответе не остаться, ведь живой человек потерялся!

Адаль: Может, ветер унес? *(Девушки смеются)* Чему смеетесь? Какие могут быть шутки! Смотрите, какой ветер, — и унесет!

Саодат: Не тревожься, Адаль-хан. Посмотрите вокруг, поищите! Он, видно, заблудился.

Адаль: Где же найти его! Его будем искать, — и сами растоемся!

Саодат: Тогда подходите, давайте все вместе крикнем.

Адаль: Верно, давайте!

Девушки: *(зовут)* Сабир-джан! Хо!.. Сабир-джан! Сабир-джан! Хо... Сабир-джан!

Издалека слышится голос Сабира.

Сабир: Хо... Дод!.. Погибаю!

Адаль: Вот, говорила я! Идемте!

Адаль и еще две-три девушки уходят.

Турсун: *(смеется)* А у вас небось сердце переворачивается, Саодат-хан. Мол, возлюбленного ветер унес.

Саодат: *(улыбаясь)* Как может живого человека ветер унести? Заблудился он.

Девушки со смехом приводят Сабир-джана. Он весь в снегу.

Хасият: Вот, поймали потерявшегося Фархада. *(Смеется.)*

Саодат: *(девушкам)* Нечего тут смеяться. *(К Сабиру.)* Куда вы запропастились?

Сабир: Ветер снес. *(Девушки смеются.)* Я чуть не погиб, а им смешно!

Саодат: *(сдерживая смех)* Перестаньте смеяться! Перестаньте, говорю, девушки! *(Не выдержав, смеется сама. Девушки хохочут.)* Довольно! Как же это ветер мог снести вас?

Сабир: Я только было поставил ногу на берег, а вихрь подхватил меня и снес. Я и покатился в сай. Со страху язык мой и „дод“ не мог выговорить. Я даже вас не смог позвать. Хорошо,

что зацепился за какой-то камень, а то как раз в куски разбился бы. *(Девушки смеются.)*

Входит Кадыр

Кадыр: Сестрицы, Фархад — это самое место?

Сабир: Да. Что ты тут делаешь, братишка?

Кадыр: А вы что делаете?

Сабир: Я приехал работать на Фархад.

Кадыр: Вот и я тоже.

Сабир: И ты?! Сколько же тебе лет?

Кадыр: Четырнадцать.

Сабир: Ты еще мал, братишка. Иди домой и посылай своего отца. Для здешних дел отец твой больше подойдет.

Кадыр: А если отец на войне?

Сабир: Вот как?.. Все равно, братишка, отправляйся домой. Здесь тебе трудно будет. Что тебе делать здесь!

Кадыр: Потом увидите. *(Уходит.)*

С мотыгой и киркой на плече, в сдвинутой на затылок куньей шапке, с раскрытой грудью, не обращая внимания на ветер, напевая, входит Шерали.

Шерали: Коль я с алмазною тешой —
Что устоит передо мной?
Эй, с изумрудною водой,
Дай, Сыр-Дарья, дорогу, дай!

Взмахну, ударю — камни в прах!
Скалу дроблю в единый взмах.
Когда теща в моих руках —
Дай, Сыр-Дарья, дорогу, дай...

Коль гикну я, коль закричу,
То солнце в бегство обращу.
Нет дела мне не по плечу.
Дай, Сыр-Дарья, дорогу, дай!

Турсун: Хвала Йигиту!

Шерали: *(заметив девушек)* Салам вам, хорошие девушки! Салам, красавицы!

Девушки: *(кланяясь)* Салам!

Саодат: Салам Йигиту с львиным сердцем! Сами вы откуда будете?

Шерали: Из Алтын-Куля, хлопкороб я.

Турсун: Как ваше имя, хороший Йигит?

Шерали: Шерали. *(Девушки удивлены.)*

Саодат: Вы тот самый, алтын-кульский славный хлопкороб. Шерали?

Шерали: Он самый, хорошая девушка.

Саодат: Мне давно хотелось познакомиться с вами.

Шерали: *(протягивая руку)* Что ж, познакомимся! Как вас зовут?

Саодат: Саодат.

Шерали: Саодат из Чинабада?

Саодат: *(улыбаясь)* Угадали.

Шерали: И я давно желал повидать славную сборщицу Саодат.

Сабир: *(встает и, напевая, удаляется.)*

Упорхнул мой соловей. С кем воркует он сегодня?

Ах, в огне тоски моей я до тла сожжен сегодня!..

Шерали: Видно, я неприлично веду себя, — друг ваш закручинился и ушел, сгорая от ревности...

Саодат: Какое мне дело до ревности каждого илаксивого! Я прибыла сюда не друга искать, а чтоб зажечь свет Фархадской ГЭС, чтоб просторы Мирзачуля цветами покрыть!

На горе Фархад появляется Мардан-ата. Ветер развевает полы его халата и белоснежную бороду. Он говорит тем, что внизу:

Мардан: Добро пожаловать, сталинское племя! Россыпи бриллиантов, неисчислимые сокровища, великие тайны и чудеса уже тысячи лет ожидают вас. Добро пожаловать, славное поколение, могучее племя!

Девушки: Кто это? Дервиш? Или воскресший Фархад?

Иигиты: Или это привиденье?

Мардан-ата, грузно ступая, медленно сходит с горы.

Мардан: И не Фархад я, и не привиденье. Я певец! Мечты многих поколений живут в моем сердце, повествования многих сотен лет хранятся в моей голове!

Саодат: А сказку о Фархаде и принцессе Шириш вы знаете?

Мардан: Знаю.

Все окружают старика.

Девушки: { Расскажите, расскажите, атаджан! ¹

Иигиты: {

Мардан: Потерпите, придет время, расскажу.

Издали слышатся звуки хора. Все прислушиваются.

Мардан: Народ идет Фархадгас строить! Сколько гордости, сколько силы в их голосах! Это народ — врага в прах обративший народ. Это народ — из рук великого вождя Ленина вино свободы испивший и чудеса создающий народ.

Хор, приближаясь, усиливается. Через сцену снова, ряд за рядом, проходят строители.

¹ Атаджан — отец, батюшка.

Народ: Нас вождем позвал, нас позвала отчизна —
И мы пришли, сыны страны своей.
Наш вольный труд украсит нашу землю
Цветеньем пышным, россыпью огней.

К хору присоединяются и те, что были на сцене. Все проходит. Хор постепенно удаляется и смолкает. И снова слышны только дикие голоса природы.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Прошло два дня. На склоне горы Фархала начальники штабов, руководители строительства. Здесь же стоят Анвар и Мунаввар. Внизу, готовые приступить к работе, построившись рядами, стоят строители. Свирепствует буря. Покрывая вой ветра, слышится голос диктора.

Голос диктора: Колхозники! Сменив шелковые халаты на рабочие одежды, вы вступили в великую борьбу! Схватив древнюю Сыр-Дарью за горло, вы хотите поднять ее с тысячелетнего ее ложа. Вы хотите направить ее по пути, который изберете сами. Вы хотите приказать ей служить советской стране. Чтобы честно выполнить свой долг перед великим Сталиным, перед Родиной, выше поднимайте знамя труда! Большевики! Крепче перевяжите пояс вашего рвения!

Голос диктора смолкает. Торжественная тишина.

Саодат: Товарищ инженер, можно ли создать отдельную женскую бригаду?

Анвар: (улыбаясь) А почему же нельзя? Конечно, можно!

Саодат: Мы уже создали такую бригаду. (Показывая на девушек.) У каждой из нас есть близкие на войне. И мы решили работать по-фронтовому и тем помочь нашим братьям.

Анвар: Очень хорошо, приветствую!

Саодат: И еще одна просьба! Шерали-палван создал гвардейскую бригаду йигитов. Мы, комсомолки, вызываем эту бригаду на социалистическое соревнование! (Аплодисменты.)

Народ: Балли!¹ Хвала вам! Молодцы!

Шерали: Мы согласны. Ваши условия?

Саодат: Выполнение дневной нормы на пятьсот процентов!

Шерали: Принимаем. (Аплодисменты.)

Уста: А не потянутся ли и нам с вами. Саркяр?

Саркяр: Я как раз и собирался вас вызывать, Уста!

Уста: А не боитесь, что я одолею вас?

Саркяр: Э, ничего! Если и одолеете, так вы, Уста. (К Анвару.) Сынок, я тоже вот соседа моего, Уста-Джалыла призываю.

Уста: (улыбаясь) На что, на плов?

¹ Балли — браво, здорово.

Саркяр: Да, на плов! Эй, кто на плов!

Анвар: Ваши условия?

Саркяр: (к Уста-Джалялу) На сколько, Уста?

Уста: Вызываю не я, а вы, вы и должны сказать.

Саркяр: (подумав) На сто пятьдесят!

Уста: Не умаляйте вашего рвения, Саркяр. Этого мало, — двести!

Саркяр: Хорошо. Пусть так и будет записано! (Все одобрительно смеются.)

Кадыр: Можно мне сказать, товарищ инженер?

Анвар: Так?

Кадыр: (показывая на Сабира) Я вон того дяденьку вызываю на соревнование.

Сабир: (беспокойно) Кого? Нет, нет... Это не подойдет!

Анвар: Почему?

Сабир: Э-э, в конце концов, нужно, чтобы равный с равным! Как же я буду играть в соревнование с этим мальчиком?

Кадыр: Не спешите, дяденька, прежде на дело покажите...

Голоса: Верно, сахару ему в рот! Поддел!

Сабир: (вспыхивая) Хоп! Твои условия?

Кадыр: Выполнять дневную норму на триста процентов и до окончания строительства овладеть двумя новыми специальностями.

Сабир: Хоп! На перевыполнение задания я согласен. А что значит овладеть двумя новыми специальностями?

Кадыр: Потом узнаете.

Сабир: Мне, кажется, только и дела будет, что разгадывать загадки этого мальчика!

Кадыр: Не сворачивайте на другое, говорите ясно — принимаете мои условия или нет?

Анвар: Да, нужен ясный ответ.

Сабир: (недовольно) Хоп, принимаю.

Аплодисменты. По склону горы всходит группа инженеров строительства. Среди них Славский, начальник строительства, невец Мардан и член правительства. Народ встречает их аплодисментами.

Начальник строительства: Товарищи! Сегодня — десятое февраля 1943 года — один из славных дней в истории узбекского народа. Сегодня начнется строительство Фархадской ГЭС. Сейчас на протяжении всей тридцатикилометровой трассы приготовились и ждут сигнала шестьдесят семь тысяч богатырей. Перед началом работы отец хочет сказать два слова.

Аплодисменты.

Член правительства: Товарищи! Вы счастливые люди. На вашу долю выпала честь выполнить славную историческую задачу. Трудом вашим будут разрешены две великих проблемы: вы зажжете лампочки Фархадской ГЭС и дадите воду Мирачульской степи. Вы

заставите цвести степь, как мечтала Ширин, и осветите ее Фархадским светом. (Аплодисменты.) Это чудо, это счастье, о котором народ мечтал тысячи лет! Это sogno новых кишлаков, тысячи гектаров лугов, садов, это — миллионы тонн нового хлопка и зерна. Новое оружие против врага, новый порох, новые снаряды. Это — тысячи новых машин для колхозов. Кто хочет, чтобы еще больше цвела наша родина, кто хочет, чтобы стало еще более могучим наше Советское государство, кто хочет, чтобы не осталось ни одного врага на нашей родной земле, кто хочет, чтобы наши батыры вернулись с победой, пусть не жалеет сил! Каждая победа на фронте славного труда будет помощью нашим батырам на фронте военном. Час победы близок! (Аплодисменты).

Начальник строительства: (взглянув на часы) Приготовьтесь, товарищи! Сейчас будет сигнал. (Торжественная тишина. Немного погодя издали слышится могучий взрыв. Это сигнал к началу работы. Раздаются звуки карнаев, сурнаев, барабанов.) Ну, богатыри, за работу!

В торжественном молчании строители, ряд за рядом, приступают к работе. Звуки ударов кетменей, лопат, кирок, ломов, музыка.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Берег реки. Лунная весенняя ночь. Небо усеяно звездами. Внизу течет нечистая Смыр-Дарья. Видна гора Фархад. Вдали панорама строительства главной плотины. Свет прожекторов, факелов, фар автомобилей. Гул машин. Гул экскаваторов. Там и здесь слышатся возгласы работающих, песни, смех. Работает ночная смена. Мунаввар сидит на большом камне на берегу и любуется рекой. В руках у нее букет тюльпанов.

Мунаввар: По волнам реки, сверкая, нити жемчуга плывут.
Эту радость, этот жемчуг дал нам наш свободный труд.

Мы рассыпем этот жемчуг в Мирзачульских цветниках,

Новый светлый рай построим на обоих берегах.

Так пускай в скалу Фархада врежут наши имена,
Чтоб строителей плотины знали в будущих веках.

С букетом цветов входит Анвар. Мунаввар хочет подняться.

Анвар: Не двигайся. Ты так красиво сидишь. Точно так, наверно, сидела когда-то на этом берегу Ширин.

Мунаввар: Фархад где-то замечтался и Ширин очень долго пришлось сидеть здесь.

Анвар: (улыбаясь) Пять минут. Неужели они показались Ширин такими долгими?

Мунаввар: Для Ширин теперь без Фархада каждая минута кажется годом.

Анвар: Прости. Я замечтался, собирая цветы.

Мунаввар: *(принимает цветы)* Может, и правда Ширин здесь ждала своего Фархада...

Анвар: Но она, бедная, столько слез пролила в ожидании...

Мунаввар: И правда, прислушаешься, и кажется, что из глубины реки слышится горький плач Ширин и вопли Фархада... Смотрите, река похожа на слезы! Будто это не вода, а слезы невольников, скопившиеся в течение тысячелетий.

Анвар: Нет, это не слезы, а растопленный жемчуг!

Мунаввар: Нет, это дракон, тысячи лет охранявший полную тайн сокровищницу. Такой дракон, — тысячи поколений пытались, а ни одной жемчужины не смогли взять из его пасти!

Анвар: А теперь дракон этот усмирен нами! *(Смотрит на раскинувшуюся вдаль панораму строительства)* Взгляни, какая замечательная картина! Эти места со дня сотворения мира такой красоты не знали... Скалы, не поддавшиеся кирке Фархада, под вашими ударами тают, словно лед под лучами солнца! Дивлюсь я мощи нашего народа!

Анвар и Мунаввар идут берегом реки и удаляются. Собирая цветы и напевая какую-то песенку, входит Парри-Саркяр. Он смотрит вслед удаляющимся Анвару и Мунаввар и утвердительно качает головой, не переставая напевать.

Саркяр: Красавица, ты моя единственная...

Входит Уста-Джалял.

Уста: Новости!

Саркяр: Что еще за новость, Уста?

Уста: Когда из уст шестидесятилетнего старика слышишь "Красавица моя", разве это не новость?

Саркяр: Это ведь так только, песня...

Уста: Что вы тут делаете, повабыв про сон?

Саркяр: Собираю цветы.

Уста: Вот и еще новости!

Саркяр: Что это вам сегодня везде мерещатся новости, Уста?

Уста: Разум мой никак не может постичь, как это — человек достиг таких лет и собирает цветы?

Саркяр: Не удивитесь, Уста, я спешу восполнить то, что не было суждено мне в молодости.

Уста-Джалял задумывается. Вдали со смехом, кто под руку, кто бегая вперегонки, проходит толпа девушек и парней. Старики смотрят на них с завистью.

Уста: *(задумчиво)* Не суждено было в молодости... В том-то и дело, Саркяр, что не было у нас самой молодости...

Саркяр: Уста, говорю, немножко поторопились мы с вами родиться. Теперь бы только жить, а мы уже состарились. Хай аттанг!.. Да. Вот и приходится спешить...

Уста: А я думаю, что это он, будто, помолодел в последние дни? А оказалось, тому есть причина!

Саркяр: Этот труд, эта стройка кого не омолодит, Уста? (*Показывает на панораму строительства*) Взгляните, бой-бой! Эту картину Сократ увидал бы, и тот рот раскрыл бы. Неужели и в самой деле мы сами такие дела свершили, Уста?

Уста: А как же!

Саркяр: Подумаю я, — очень мы сильны, а, Уста!

Уста: Потому мы и немца согнули, что сильны.

Саркяр: Э-э, оставьте немца. Он получил по заслугам. (*Показывая на стройку.*) Вы про это вот скажите! Спасибо родителю того, кто задумал это дело! (*Пауза.*) Приходилось вам слышать, Уста, что перед началом работы кое-у-кого были сомнения... Сказки это, реку взнуздать нельзя! — шипели они.

Уста: Къль не ошибаюсь я, мне такно слова и от вас приходилось слышать.

Саркяр: Э, не обо мне речь... Говорил, потому что не понимал. Я говорю про тех, кто и понимал, а сомневался.

Уста: Про тех надо говорить, что они, понимая, не понимали.

Саркяр: Как надо понимать эту ваша загадку?

Уста: Смысл моих слов такой: те люди учились, понимали все, а вот силу народа понять не смогли. Они думали: мы древний народ тех времен, о которых говорится в сказке о Фархаде и Ширин. А оказалось, мы не тот народ теперь! Верно, мы и раньше были узбеками и сейчас узбеки. Только между теми узбеками и этими большая разница. Теперешние узбеки уже не те несчастные, нищие узбеки, что растили сады, а сами не знали вкуса плодов, сеяли хлеб, а сами голодали, сеяли хлопок, а сами оставались голыми, не те узбеки, по спинам которых гуляли камчи ханов! Теперешние узбеки — это люди, что, получив свободу, нашли свое счастье, свою дорогу, которых сам Ленин благословил и ведет которых сам Сталин! Теперешние узбеки — это узбеки, что возмужали под крылом русского народа, что, построивши великую реку — Большой Ферганский канал, пустили славу о себе по всему белому свету! И вот те, что не понимают смысла этого, что не знают силы народа, — ничего не понимают!

Саркяр: Так, Уста, так... Что сказали бы эти неверащие, если бы посмотрели теперь эти места? Разве не опозорились бы они, увидав эти сооружения?

Уста: Еще будет время им позор принять. Мы ведь еще не взнуздали реку. Перевяжите покрепче пояс своего старания, самые трудные дела только сейчас предстоят нам, Саркяр.

Саркяр: Да, одну новость чуть не забыл. После работы прилег я, чуть смежил глаза. Просыпаюсь, ваша милость спит. Посчитав время удобным для себя, я поднялся и, прикончил четверть завтрашней нормы.

Джалаял: Вон как? В таком случае и у нас есть новость. В то самое время, как вы чуть вздремнули, я поднялся и прикончил половину нормы. Слышал я, как и вы потом поднялись.

Саркяр: Вон что, ну — вы! Не сплоснали, не сплоснали и вы тоже, Уста!

Уста: Пойдемте, Саркяр. Хотя и не наш черед, а поработаем немного. При луне на прогулки ходить, цветы собирать — дело юлодых.

Уходят. С песней входит Саодат, в руках у ней цветы, на голове венок из цветов.

Саодат: Сердце в пламени томится — мой любимый не пришел.

Слезы, слезы на ресницах — мой любимый не пришел.
Случай — слабая надежда. Лишь цветы отрада мне.
Сердце бьется пленной птицей — мой любимый не пришел!

Лишь теперь я знаю правду. Милый обманул меня.
Ах, душа моя в темнице. Мой любимый не пришел.

Входит Шерали.

Шерали: Не терзайся. Я с тобою, нежный друг души моей.
Все сбылись мои мечтанья — я твой нежный соловей.
Был я истомлен разлукой. О, приди, мой друг, ко мне.
Ты мечта моя, тюльпан мой, ясный свет моих очей.
Ты цветешь тюльпаном нежным, роза на твоих
будрах.

Ты цветник мой драгоценный, ты сама всех роз
нежней.

Саодат: Если б розой не была я, не пришел бы ты ко мне.

Не к бутону ль уст румяных прилетел мой соловей?

Оба: Пусть любовь вовек не гаснет. Если изменю любви,

Пусть окрашу эту землю кровью жиркою моей.

Саодат: Что ж вы заставляете ждать? Или мы провинились,
отобрав у вас знамя?

Шерали: Прошу прощения. Дела оказались, я и задержался
немного.

Саодат: Теперь, сколько ни старайтесь, знамя все равно не
вернете.

Шерали: Вчера оно было у нас, сегодня у вас. Сахару вам
в рот, преклоняемся перед вами. Только, если поднажмем, завтра
оно снова будет у нас!

Саодат: И не надейтесь! *(Со смехом бросает цветы в Шерали и убегает. Шерали бежит за ней. С криком и смехом, гоняясь друг за другом, появляются девушки).*

Турсун: Довольно, довольно! Не буду больше!..

Адаль: Будете еще так говорить? Будете?

Турсун: Нет, нет! Эй, девушки! С этих пор я никогда не
буду говорить, что Адаль-хан полюбила Сабир-джана.

Девушки смеются. Адаль наступает на Турсун.

Адаль: Опять, опять?!

Турсун: *(еле сдерживая смех)* Не буду, не буду, сказала же!
Довольно! Довольно! Подожди. Хэй, девушки, идите-ка сюда. *(Де-*

девушки собираются вокруг Турсун.) Слышали вы новость о Сабир-джане?

Девушки: Нет, нет! Что еще случилось?

Хасият: Опять ветер унес или по реке уплыл?

Турсун: Нет, еще интереснее! Сегодня в обед Сабир-джан пошел в землянку и собрался прилечь в каком-нибудь тихом местечке. Туда заглянул, сюда заглянул, нигде нет тихого места. И вот смотрит, а поодаль... знаете у той богатирской машины железная бадья?

Хасият: Да, да...

Турсун: Увидел он эту бадью и думает: „Сейчас перерыв, Маруся ушла на обед. Пока она ходит, я немного подремлю, никто мне здесь не помешает“. И забрался в бадью. Все это видел Кадырджан и решил пошутить над ним. Взял, повертел какой-то там винт у машины, и бадья поднялась до самых небес. Поднял он бадью, а сам убежал. Сабир-джан напугался и как закричит на весь свет. Тут все собрались и здорово посмеялись над ним. Так и пришлось сидеть Сабир-джану, как обезьяне в клетке, пока Маруся не пообедала. *(Девушки хохочут.)*

Турсун: *(всматриваясь вдаль)* Вай, вон и сам он сюда идет. А с ним Маруся.

Хасият: Похоже, теперь он уже Марусе голову кружит.

Турсун: Уже вскружил. Петька-шофер увидит, глаза ему выдерет. Ой, и верно, они сюда идут. Давайте спрячемся. О чем они будут говорить?

Девушки прячутся за камни. Входят Сабир-джан с Марусей.

Сабир: Ну, соглашаетесь?

Маруся: *(улыбаясь)* А если не согласусь?

Сабир: Я уеду с Фархада.

Маруся: Если решили, уезжайте.

Сабир: Нет, вы не шутите! До каких пор в конце концов этот мальчишка будет обгонять меня! Я знаю, в бадье к небесам меня подкинул тоже он. *(Маруся улыбается.)* Вы не смейтесь. Раз вы его научили справляться с этой машиной, научите и меня! Другого выхода нет.

Маруся: Хорошо. Приходите завтра, а пока — хайр! *(Собирается уходить.)*

Сабир: А... куда вы? Я провожу вас?

Маруся: *(смеется)* В этом нет надобности, провожатый у меня есть. *(Уходит.)*

Сабир: Хорошая девушка, счастья ей найти, только плохо, что Петька у ней есть. *(Девушки со смехом выскакивают из засады.)* Охо, да тут все пэри в сборе! Бой-бой, в глазах рябит!

Турсун: Не обманывайте себя, у всех у нас есть свои Петьки.

Хасият: Поздравляем. Слышали мы, что вам сегодня в железной бадье удалось покататься?

Турсун: Он на земле девушки себе не нашел, так на небо решил полететь, на пэри женаться.

Сабир: Да, если кто-нибудь из вас не отдаст мне сердца, придется на небо лететь.

Входит Кадырджан.

Кадыр: Вы и меня захватите, дядя.

Сабир: Ага, вот и малыш, что причиной смеха явился. Эй, почему это ты со мной шутить вздумал? Чего ты хочешь?

Кадыр: *(смеется)* Потом узнаете.

Сабир: Берегись! Если еще раз вздумашь пошутить, дело плохо может кончиться...

Турсун: Он может тогда на небо улететь, а нас здесь оставить.

Входят Саодат и Шерали.

Шерали: Кто тут собирается на небо лететь? Пусть передаст от нас привет ангелам.

Смех. Входят Анвар с Мунаввар.

Анвар: Охо, вы до сих пор не спите. Ведь время уже за полночь!

Шерали: Можно ли спать в такую ночь, товарищ инженер!

Анвар: Целый день работали, надо же и отдыхать, Палван.

Саодат: А разве игры и смех не отдых?

Анвар: Ну, если веселиться, то давайте как следует.

Девушки и парни: Давайте, давайте! Игры, игры! Концерт устроим.

Анвар: А кто будет руководить? Хотя, вот Сабир-джан, он на работе не очень проворен, зато поговорить горазд! *(Девушки смеются.)*

Все: Хорошо, хорошо!

Сабир: *(принимая серьезный вид)* Если так, садитесь! *(Все усаживаются.)* Концерт молодых строителей главной плотины Фархадстрой объявляю открытым!

Турсун: Что это — собрание, чтобы объявлять его открытым!

Сабир: Просьба не мешать! Очередной номер... С чего мы начнем?

Голоса: Ляптары! Песни! Игры!

Сабир: Хоп! Согласно вашей просьбе все это будет. Среди нас есть русские, украинцы, таджики, татары. Значит, концерт наш будет богатым.

Шерали: Эй, не затягивай, говорун.

Сабир: Хоп! Первым номером будет ляпар между бригадами Шерали-палвана и Саодат. Просим!

Аплодисменты. Девушки во главе с Саодат становятся по одну сторону, парни во главе с Шерали-палваном — по другую.

Парни: Запев ляпара изумруд и мрамор и алмаз,

Платочек увлажнен слезой, скатившейся из глаз.

Фархады мы, пришли сюда к стоящим здесь Шярин.

Ах, ваши брови и глаза околдовали нас.

Девушки: За счастье родины легло немало храбрецов.
Силач Фархад дробил скалу на тысячи кусков.
Что ж, нашей воли не спросив, заторопились вы,
И о томлениях любви поете с первых слов?

Парни: Мы возле вас, как мотыльки, кружим и тут и там.
Для вас мы рады жертвой стать, хоть режьте пополам.
Над нашей властны вы судьбой, но сладок этот плен,
Корите нас, браните нас, приказывайте нам.

Девушки: За каплей—капля, говорят, и море может стать,
Коль нет воды, то может сад на степь похожим стать.
Чье слово с делом не в ладу, тот реки слез прольет.
Тому подругой дорогой совсем негоже стать.

Парни: Всю жизнь вам преданность хранить готов из нас
любой.
Любой из нас готов для вас расстаться с головой.
Но будет на земле для вас несбывшихся надежд,
Коль с вами на Фархадской ГЭС веселый справим той.

Девушки: Конец ляпара изумруд и мрамор и алмаз,
Мы сами рвем в саду цветы и рвем их не для вас.
Вам знамя потерять пришлось. У нас оно теперь.
Не потому ли о любви поете вы сейчас?

Возгласы, аплодисменты, смех. Входит Мардан. Молодежь окружает его.

* Шерали: Пожалуйте, Мардан-ата! Расскажите нам сказку о Фархаде и Ширин. Сколько раз вы уже обещали.

Все: Расскажите! Просим!

Мардан: Хорошо, расскажу. *(Мардан усаживается на большой камень на берегу реки. Молодежь располагается в кружок вокруг старика. Мардан начинает говорить — неторопливо, серьезно).* В стародавние времена, в стороне Мирзачуль, на берегу Сыр-Дарьи, в горах Фархада жила царь-девица по имени Ширин.

Когда Мардан начинает рассказ, свет понемногу меркнет и затем гаснет.

Занавес.

Летний замок Ширин. Высокая веранда. Вдали, как и в первом действии, видны Сыр-Да-ья, гора Фархала, ущелье Ширин. Дальше тянется цепь гор. На золоченой кровле, устремив восточный взор свой вдаль, лежит печальный Ширин. Танцовщицы в шелковых одеждах исполняют плавный танец. Одна одна пытки танцовщицы раз десять принцессе остаются тщетными: Ширин делает знак рукой, и танцовщицы с поклонами уходят. Входят девушки с лютнями. Звуки нежной музыки понемногу нарастают. Но и это не может развлечь Ширин. Она делает знак рукой. Девушки с лютнями с поклоном выходят. Тихо входит Махин-бану.

Махин-бану: Что за кручина у тебя на сердце, моя принцесса? Что надо сделать, чтобы развеялась твоя душа?

Ширин: Мне покой нужен, покой мне нужен, тетушка!

Махин-бану: Принцы тебя заждались, дай ответ им.

Ширин: Пусть все они вернутся по своим следам. На сердце моем не кручина о любимом, а забота о стране моей.

Снаружи слышится шум.

Фарьяд: *(снаружи)* Пусти! У меня к принцессе челобитная есть!

Страж: *(снаружи)* Вернись! Принцессе нет дела до ничего!

Фарьяд: Дорогу дай!

Страж: Уходи!

Фарьяд: Не гони! Я посланец народа!

Страж: Уйди прочь!

Махин-бану: Гони его. Принцессе покой нужен!

Ширин: Пусть войдет, и коль есть челобитная, пусть говорит!

Входит Фарьяд. Он в лохмотьях. Лицо его выражает смятение и муку. Вслед за Фарьядом входят и стражи.

Фарьяд: Принцесса, я подданный твой. Одеждой моей не презгуй и, приняв за привиденье, не гони из дворца.

Ширин: Говори, бобо¹, в чем твоя жалоба?

Фарьяд: *(окидывая взгляд покои)* Это золото, эти изумруды, серебро, эти рубины, бриллианты, яхонты, эти ковры, эти шелка, атлас, дворца твоего вся краса и великолепие, величие его и пышность, все, все это плоды труда нашего, сил наших!

Махин-бану: Не болтай, о жалобе своей говори!

Ширин: *(к Махин-бану)* Окажите терпение!

Фарьяд: Имя мое Фарьяд², язык мой горек. Коль справедлива будешь, слова мои стерпишь, принцесса.

Ширин: Говори, бобо, говори все, что есть у тебя на сердце.

Фарьяд: Украшения эти — завеса на глазах твоих. Не ведаешь ты о положении подданных. У тебя всяких лакомств без счета, а народу утолить голод хлеба нет. Ты во дворце красное вино пьешь, а от жажды кровью плачут твои подданные, на твоих плечах сияют шелка, атлас, народ же твой в лохмотьях, нищ, гол! В ушах твоих сверка от бриллиантов, а у народа на ресницах блестят слезы!

¹ Бобо — девушка.

² Фарьяд — дословно вопль.

Ширин: Довольно! Остановись. В сердце мне не кидай пламень.

Фарьяд: До каких же пер эти страдания, эти муки? До каких пор мы будем жить нищими? Коль тебе страна, народ не надобен, похороны их заживо в Мирзачульской степи!

Ширин: Довольно, бобо, остановись, молю тебя!

Фарьяд: Знаем мы, ты разумная, умом ты сильна, проницательности твоей на все хватит, но народу какая польза от твоего ума, от проницательности твоей, твоих достоинств, коль не слышишь ты его воплей, коль не можешь облегчить его судьбу?..

Ширин: Скажи народу моему: в ё, что есть у меня из богатств, пусть идут и берут. Для народа открыта моя казна!

Махин-бану: Опаматуйся, принцесса моя!

Ширин: Это моя воля!

Махин-бану: Посмешищем не стань на весь свет! Скажи, когда и какой шах богатства свои своими же руками губил? Было ли когда такое?

Ширин: Зачем мне богатства, казна, коль не годятся они народу про черный день!

Фарьяд: Не надобна народу твоя казна.

Ширин: Причина?

Фарьяд: Сколько ни корми из рук, птица сыта не будет! На сколько дней хватит твоего добра? Пять дней будем сыты, десять дней, а затем? Снова та же голодная жизнь?

Ширин: Тогда скажи, чего желает мой народ?

Фарьяд: Живой воды!

Ширин: Живой воды?

Махин-бану: Сказки! Невозможное, невыполнимое желание!

Фарьяд: От безводья в развалинах наши кишлаки. От безводья выгорели пастбища. От безводья на страну нашу надвигается беда. Пески душат поля и сады! Воды дай нам! Коль это в твоих силах, народ водой улагодвори!

Махин-бану: Перед тобой не мираб, а принцесса!

Фарьяд: Мираб принцессы дороже для народа. Мирзачулю мираб надобен, а не шах!

Стража обнажает мечи, Махин-бану разгневана.

Махин-бану: Укороти язык свой!

Ширин: Не троньте его! Слова этого старца справедливы! Мечи свои опустите в ножны! Уйдите! *(Стражи опускают мечи и с поклоном уходят.)* Тяжкую заботу обрушил ты на мою голову, бобо!

Фарьяд: Доля народа не легче твоей, принцесса!

Ширин: Живая вода! Живая вода! Где же она — народа моего мечта? Отец, коль ты потребовал от меня невозможного, то сам же и путь мне укажи.

Фарьяд: Из Сыр-Дарьи в Мирзачуль выведи воду!

Ширин: А можно ли?

Фарьяд: Попробайся, принцесса. Начни только, народ готов служить тебе! *(Ширин погружается в задумчивость. Слышится шум,*

крики). На улице народ собрался. Что скажешь? Что отвечу я народу?

Ширин: Иди, слава народу, я согласна! (Фарьяд выходит. Ширин задумывается, затем, словно найдя решение, оживает). Оповестите гостей, пусть войдут. Я приоденусь и выйду к ним.

Выходит. Свет гаснет. В темноте слышен голос Мардана — он продолжает свой рассказ.

Голос Мардана: Слава о принцессе Ширин прошла по всем семи поясам земли. Прослышав о ее красоте и достоинствах, со всех концов земли стали съезжаться принцы. Но никого из них принцесса Ширин не приняла, даже видеть никого не захотела. И вот в один из дней...

Появляется свет. Сцена та же. В самом разгаре пир. Среди влюбленных в Ширин принцев находится и Фархад. Музыка, танцы. Входит слуга.

Слуга: Принцесса Ширин оказала честь!

Среди гостей оживление. Входит Ширин, за ней следуют Махин-бану и визирь. Все встречают ее поклоном. Ширин, Махин-бану, а за ними и остальные усаживаются по своим местам.

Махин-бану: Добро пожаловать, дорогие гости!

Гости: Доброго здоровья, принцесса!

Визирь: Уши склоните, принцы, влюбленные! Из любви к принцессе вы прибыли сюда из далеких и близких мест, переваливая горы, переправляясь через реки, минуя степи. Теперь принцесса ставит вам условие: кто хочет добиться союза с ней, пусть покажет тою смелость и в Мирзачульскую степь воду выведет из реки!

Среди гостей поднимается ропот. Слышатся возгласы: "Тяжелое условие!", "Трудное дело!", "Ничего не выйдет!", "Неосуществимая мечта!". С места встает Фархад.

Фархад: Принимаю условие принцессы!

Ширин только теперь увидела Фархада. Она в сильном волнении.

Ширин: О боже!

Принцы: И мы готовы выполнить условие!

Визирь: Коль так, добрый путь вам, гости! Не теряйте времени. Пусть испытает свое счастье каждый влюбленный!

Все поднимаются. Фархад и Ширин не могут сторвать друг от друга взглядов. Все выходит. Остаются Фархад и Ширин.

Ширин: Добро пожаловать, батыр мой, султан мой! Как имя твое? Откуда ты, дорогой гость мой?

Фархад: Имя мое Фархад, родом я с Восхода солнца. В надежде на союз с тобой прибыл я издалека. Без тебя мир для меня — виндан, без тебя несчастье — жизнь, принцесса!

Ширин: Условие мое уже ведомо стало народу. Как я могу отказаться от слова? Выполни условие, заставь цвести степь, и узы счастья соединят нас тогда навеки.

Фархад: Кто слова своего не сдержит, не человек тот. Счастливо оставаться, принцесса. Коль условия твоего не выполню, не Фархад я.

Фархад уходит. Свет гаснет. Снова слышится голос Мардана.

Голос Мардана: Чтобы добиться любви принцессы Ширин, все влюбленные принцы приступили к работе, но никто из них вывести воду из Сыр-Дарьи в Мирзачуль не смог. Шли годы. Народ испытывал жестокие муки, но о воде не было никаких вестей...

Свет. Сцена та же. Ширин сидит печальная.

Махин-бану: Много лет прошло, но все напрасно, мукам не видно конца. Теперь уже видна бесполезность попыток. Приостанови дело, принцесса!

Ширин: Коль остановится работа, остановится и мое дыхание. Нет жизни мне, коль живой воды не будет!

Махин-бану: Не умножай мук своих и народа, моя принцесса!

Ширин: Коль не будет воды, не будет и покоя народу. Коль не будет воды, в руины обратится страна наша! Коль не будет воды, разрушится царство мое!

С поклоном входит слуга.

Слуга: Фарьяд прибыл.

Ширин: Пусть войдет.

Слуга выходит. Входит Фарьяд.

Ширин: Не уставать вам, бобо!

Фарьяд: Долгой жизни тебе, госпожа моя!

Ширин: Какие вести?

Фарьяд: На этот раз еще горше моя весть. Отказавшись от твоей руки, все принцы бросили арык. Только один Фархад остался. В народе голод, болезни начались.

Ширин: Что я слышу, о боже!

Фарьяд: Предупреждай бедствие, принцесса!

Ширин: Я уже все роздала из моей казны. Больше у меня ничего не осталось.

Фарьяд: Если так, средства от недуга нет.

Махин-бану: Скажи, Фарьяд, из этого дела выйдет ли прок?

Фарьяд: *(тяжело вздохнув)* Принцесса моя! Туманом заволокло разум мне. Этого дела не может постигнуть и мой ум. Пять лет терпел богатырский народ, пять лет на арыке пот проливал. Но чаша терпенья его переполнилась. Теперь, потеряв надежду, в поисках воды жизни, в поисках хлеба, несчастный народ из Мирзачуля бежать начал.

Ширин: О горе!

Плачет. Входит визирь.

Визирь: Я с доброй вестью, прищесса!

Махин-Бану: Какая весть? Говори скорей! Скорей говори!

Визирь: По имени Хисрав прибыл один волшебник. Из Сыр-Дарьи в Мирзачуль в один день воду сумеет вывести, говорит. Только, говорит, стоит ли еще принцесса на своем слове? Коль в степь воду выведу, станет ли она в тот же день моей женой?

Ширин: *(в ужасе)* О боже!

Визирь: Коль согласна она, говорит, пусть даст знать, в эту же ночь я выведу воду из реки.

Махин-бану: Соглашайся!

Визирь: Соглашайся, принцесса моя!

Ширин: Черное счастье мое, несчастная я! Что же будет с Фархадом?

Фарьяд: Судьбе своей покорись, принцесса! Непостоянной не будь, на слове своем стой, соглашайся! *(Ширин, не отвечая, плачет.)* Ради рабов, голодных, разутых, из за воды слезы проливающих, ради страны, ради народа — соглашайся!

Ширин: Я согласна, видно, такова судьба моя! Пусть я несчастной буду, но народ мой, племя мое пусть счастливым будет вечно. Идите, скажите Хисраву, — пусть волшебство свое, силу свою показывает.

Все выходят. Ширин печально поет.

Мне подобную в томлении, в скорбной доле, где найти?

Равную со мною в нашей злой доли, где найти!

Стан мой согнут горьким горем, очи льют потоки слез.

Соловья, как я, в несчастьи и в неволе, где найти?

Муку умножает мука, боль разлуки жжет меня.

Испеление от этой вечной боли где найти?

Где найти такие силы, чтоб насилье стерли в прах.

Чтоб гнетущее тиранство раскололи... Где найти?

Свет гаснет. Снова слышится голос Мардана.

Голос Мардана: Коварный Хисрав хитростью решил добиться Ширин, Ширин с Фархадом, Фархада с Ширин решил разлучить. Отдавшись на волю судьбы, Ширин согласилась на условия Хисрава.

Свет. Снова та же сцена. Лунная ночь. Вдали, сверкая, из Сыр-Дарьи течет в степь вода. Окруженная служанками, Ширин любитесь водой. Снизу доносится шум толпы.

Народ: Вода! Вода! Живая вода! Живая вода! Пусть вечно живет принцесса Ширин! Ом мин!

Ширин: Из Сыр Дарьи в Мирзачуль вода пришла! В честь этого пусть будет большой пир!

Служанки с поклоном уходят. Ширин всматривается в текущую вдали воду.

Вот она, народа светлая мечта! Теперь водой насытятся жаждущие, цветами покроется Мирзачуль. Теперь уйдет из нашей стра-

вы пужда и улыбнется народу моему счастье... Только, о горе, это счастье подарял нам пришлый волшебник! О! Почему этой чести, этого счастья бедный Фархад не достиг? О чудесная, лунная ночь! Народу радость... мне же горе принесла ты! О волшебная, о восточная лунная ночь! Ты разлучила меня с Фархадом!

Входит Махин-бану. Вслед за ней входят и рассаживаются музыканты, танцовщицы, служанки. Слуги приносят вино и сладости.

Махин-бану: В каждом доме, в каждом уголке начался пир. Радость не вмещается в сердцах!

Ширин: Очень хорошо... очень хорошо, тетушка!

Махин-бану: Что с тобой, принцесса моя? Облако печали опустилось на цветущее твое лицо.

Ширин: Нездоровится мне, видно... Вы начинайте пир, а я отдохну немного.

Ширин уходит. Вместе с визирем входят гости. Среди них, окруженный вельможами и военачальниками, Хисрав. Все рассаживаются.

Махин-бану: Добро пожаловать, дорогие гости!

Хисрав: Доброго здоровья вам, принцесса! *(Обводит взглядом сидящих, ища Ширин.)* Мне кажется, принцессы нет здесь. Или она мной брезгует?

Махин-бану: Вовсе нет! Одевается она, немного погода выйдет.

Хисрав: *(грубо)* Украшенья-разукрашенья, одеванья-переодеванья не нужны!.. И без них мы влюблены в Ширин!

Вельможи и военачальники Хисрава смеются. Махин-бану эта шутка не нравится.

Махин-бану: Потерпите...

Хисрав: *(грубо)* Я нетерпелив, принцесса! А может Ширин ожидает меня в своей опочивальне? Пойду-ка я к ней!

Гости смущены. Махин-бану разгневана.

Махин-бану: Такой поступок ваш будет ли согласен с приличиями?

Хисрав: Добро, ладно! Пусть выходит, только поскорей! Ну-ка, viva! Начинайте пир, принцесса!

Махин-бану делает знак. Начинается пир.

Из внутренних покоев вбегает служанка. Она в смятении.

Служанка: Принцесса... Принцесса... Ширин испила яду!..

Махин-бану: О горе мне! О моя Ширин!

Все в смятении. Махин-бану и несколько служанок бегут во внутренние покои.

С улицы вбегает слуга.

Слуга: Где принцесса? Где принцесса?

Визирь: О чем весть? Говори!

Слуга: Услышав о свадьбе принцессы Ширин, Фархад убил себя кинжалом!

В зале смятение.

Визирь: К несчастью — еще несчастье! К смерти — еще смерти!
Снаружи слышится голос Фарьяда.

Фарьяд: Принцесса! Принцесса! Предательство! *(Входит Фарьяд, за ним вооруженный народ. Фарьяд к Хисраву).* Предатели! Приблудная собака! Обманщик! Держите его! Вязжите ему руки!

Хисрав и его приближенные обнажают мечи. Мечи обнажают и нукера Ширин. Короткий, но жоркий бой.

В битву вмешивается народ. Приближенные Хисрава гибнут. Хисрав схвачен и связан. Выходит Махин-бану.

Фарьяд: Где госпожа моя? Где Ширин? Где она?

Тяжкое молчание. Все ожидают ответа Махин-бану.

Махин-бану: Ширин скончалась, оставив нас сиротами!

Махин-бану плачет. Слышится печальная музыка.

Фарьяд: Прощай, госпожа моя! Прощай, дочь, принцесса моя! Прощай, тебя не забудут поколения! Не сумели мы отбить тебя у смерти. И причина этой смерти вот эта собака. *(Все с ненавистью смотрят на Хисрава. Фарьяд, обращаясь к Махин-бану).* Вы не ведали о коварстве этого колдуна? *(Показывая вдале).* То, что виднеется, — не вода. Это рабостянные обманщиком цыновки. Сила в лунную ночь, они казались очам нашим водой.

Махин-бану: Проклятый колдун! На виселицу его, собаку! *Нукеры уводят Хисрава. Печальная музыка усиливается. На ее фоне слышится горестный монолог Фарьяда.*

Фарьяд: Счастья искали мы, с несчастьем столкнулись. Пира хотели, а случились поминки. Радость — думали мы, грудь же нашу заполнило горе. Жизнь желали мы, а смерть нас схватила за горло. Много старались мы, но не решили загадки. Много старались мы, но узел остался неразвязанным. Ответьте же мне, какое поколение, какое время разрешит вековую загадку? Ответ дайте, эй, где же счастливая земля, где она? Откуда течет живой воды источник?

Свет тускнет и затем гаснет. В темноте снова слышен голос Мардана.

Мардан: Престарелый Фарьяд, коль счастья ищешь ты, приходи сюда! Света коль ищешь, цветов ищешь, приходи сюда! Через вершины веков перевали и сюда приходи, коль живую воду ищешь ты! У нас течет живой воды источник! Это мы — сталинское племя — вековую загадку разрешили. Это мы землю водой обогатили. Это мы реки цепями сковали, цветниками сделали пустыни и степи. Сокровища разыскивали в горах. Это мы мир светом озарили, мы —

победители! Сюда идите, несчастные, обездоленные! Сюда идите, живой воды жаждущие! Сюда идите, рабы, голодные, нищие! Здесь жизнь! Здесь счастье!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Головная плотина. Январь 1944 года. Все покрыто снегом. Холод. Буран. На переднем плане палатка штаба. В палатке стол, стулья, железная печка. С левой стороны палатки—дверь, выходящая наружу, с правой дверь, выходящая в медпункт. На заднем плане заметно уменьшившаяся гора Фархада. За сценой шум реки и грохот сбрасываемых в воду камней при взрывах, возгласы. Слышится непрерывный гул работающих экскаваторов и грузовых машин, в это время слышны взрывы на скальных работах. С одной стороны сидит журавлиной цепочкой, кто с носилками, кто с камнями, непрерывно движутся строители. Они проходят по уложенному в берег понтонному мосту, сбрасывают свой груз в реку и снова возвращаются. В палатке доктор, сестра, Мардан и Кадыр. Мардан пьет чай. Сестра перевязывает руку Кадыра.

Голоса снаружи: Быстрее, быстрее! Осторожней! Опродывай! Быстрее! Ха, баракалля! Яша!

Кадыр: *(задумчиво Мардану)* Когда вы рассказывали сказку о Фархаде и Ширин, была весна, а сейчас уже зима. А я все помню вашу сказку. Куда бы я не пошел, куда не взглянул, перед моими глазами Ширин. Вот и сейчас, будто, стоит она позади палатки. А Фархад, Фарьяд! Они мне даже ночами снятся. И будто это не река ревет, не буран воет, а Фарьяд кричит. Очень интересную сказку рассказали вы, ата.

Мардан: Да... сказка интересная... Фарьяд спрашивал, кто одолеет реку. Мы отвечаем ему своими делами.

Сестра: *(кончит перевязку руки)* Вот и все...

Доктор: *(Кадыру)* Теперь день — два не выходите на работу.

Кадыр: *(вскакивает с места)* День—два не выходить на работу?! Когда начинается самое интересное? Когда будут перегораживать реку?!

Входит Сабир джан, он зябко дует на руки и склоняется к печке.

Доктор: Рана разболится, и вы можете стать калекой.

Кадыр: Э, руку, что не годится в такое время, лучше отрезать!

Быстро уходит. Доктор кричит вслед.

Доктор: Э! больной! Эй, Кадыр-джан! Постой! *(Смеется)* Вот беспокойный!

Мардан: *(улыбается)* Огонь, огонь! *(К Сабир-джану)* И сегодня проиграли в соревновании?

Сабир: Да, никак не могу угнаться за этим мальчишкой, никак! Я изучил одну специальность, а он уже три... Сейчас он бурильщик, взрывник. *(Улыбается)* Хороший малый... Я и сам дивлюсь ему.

Мардан: *(указывая в сторону реки)* Как идут дела? *(Протягивает Сабиру пилу с чаем.)*

Сабир: *(принимая чай)* Река, похоже, скоро не смирится. Очень она жадная. Кажется, что за последние пять суток мы опрокинули в нее пять гор.. А ей хоть бы что!.. Жрет и жрет... уносит и уносит... Собираются железные треноги сбрасывать. Может, железом обуздают ее.

С левой стороны входит Славский с несколькими инженерами. За ними появляется Анвар.

Славский: Так, рогатки готовы?

Анвар: Готовы, Николай Павлович, вас ждем.

Славский: Очень хорошо!

С огромным камнем на плече, напевая, появляется Шерали.

Шерали: Коль я с алмазною тешой,
Что устоит передо мной?
Эй, с изумрудною родой,
Дай, Сыр-Дарья, дорогу, дай!

Все с интересом наблюдают за ним.

Анвар: *(улыбаясь)* Постоянно так... поет и поет. Ни усталости не знает, ни сна. Уже пять суток работает непрерывно.

Славский: Настоящий Фэрхад! *(Шерали сбрасывает с плеча камень в реку и возвращается)*. Позови его.

Анвар: Шерали!

Шерали: *(подходит)* Салам, товарищ инженер!

Славский: Салам, салам! Не уставать вам, Палван!

Шерали: Доброго здоровья, отец!

Славский: *(шутливо)* Как же это так — до сих пор вы не смогли перепрудить реку?

Шерали: Да, река немного упрямится...

Появляется Саодат, на плече у ней камень, не меньший, чем был у Шерали. Все удивлены.

Славский: *(к Шерали, показывает на Саодат)* А они не отстают от вас, а?

Шерали: Мать ее по ошибке девушкой родила... На самом деле она настоящий йигит...

Саодат: *(сбрасывает с плеч камень в реку. Затем оборачивается к Адаль и Хасрият, которые вслед за ней несут камни на носилках.)* Быстрее, быстрее! Что вы там ползете!

Девушки ускоряют шаг, почти бегут.

Славский: *(смеется)* Товарищ бригадир, что вы так торопите людей?

Саодат: Салам, товарищ инженер! *(Подходит к нему)* Если камни не сбрасывать беспрерывно, никакой пользы не будет. Нужно камни лавиной сыпать и измором взять реку.

Славский: *(всматривается в усталое лицо Саодат)* Река-то вас уже заморила, кажется...

Саодат: *(расправляя стан)* Пыгается...

Славский: Пять суток без сна, без отдыха..

Саодат: (улыбаясь) Вот запрудим реку, потом сразу и отдохнем...

Славский: Ну, пошли.

Все уходят вслед за ним к реке.

Сабир: Идемте, отец, посмотрим. Железо собираются скидывать в реку.

Марджан с Сабир-джаном выходят из палатки и проходят на берег. Появляются Парни-Саркяр и Уста-Джалял.

Саркяр: Что они хотят делать?

Сабир: Железо хотят сбрасывать в реку.

Саркяр: Аттанг! Вот бы сипай!

Уста: Что подделаешь, не соглашаются!

Саркяр: (останавливая проходящую мимо Мунаввар) Доченька! (Вынимает из-за пазухи конверт.) Почитай-ка вот это письмо, из дома пришло.

Мунаввар: (открывает конверт и читает письмо) Работавшему на Фархаде отцу нашему... скорей возвращайтесь. Насчет Сали-джана... (Мунаввар умолкает)

Саркяр: (взволнованно) Насчет Сали-джана? Что они пишут насчет Сали-джана? Что случилось с Сали-джаном? Читай, доченька, читай!

Мунаввар: (взволнованная, запинаясь) Насчет Сали-джана... черная... нет-нет... Насчет Сали-джана...

Саркяр: Что, черная весть?! (Мунаввар плачет, Парни-Саркяр растерянно смотрит на Уста-Джаляла.) Что же мне делать? Это был сад мой, опора моя! Что же мне делать теперь, Уста? Уста: Терпите... терпите..

Марджан: Так, видно, было начертано судьбой, Саркяр. (Делает знак Уста Джалялу, чтобы тот ушел Саркяра.)

Уста: (к Парни-Саркяру) Идемте. (Поддерживая, уводит его.)

Саркяр: Единственный сын, а? Что же мне теперь делать, Уста? Уходят. Мунаввар утирает слезы и спускается вниз. Снизу слышится шум, голоса.

Голоса: Ну, взяли! Ну, поднимайте, поднимайте! Ну, ну! Осторожней! Тише, тише! Осторогайтесь. Ну, ну! Давай, давай! (Слышно, как в реку падает что-то тяжелое. Пауза.) И это бросайте! Ну, давайте! (Снова слышен тяжелый всплеск воды. Пауза.) Бросайте! Сразу обе бросайте! Ну! (В сопровождении начальника строительства входит член правительства. Они тоже останавливаются на берегу и смотрят вниз). Ну, ну! Разом! Хоп! (Снова слышится тяжелый всплеск. Тишина. Хмурый, появляется Славский, за ним Анвар и другие.)

Член правительства: Не уставать вам!

Славский: Доброго здоровья! Пожалуйте!

¹ Аттанг — жалко, как жалко!

Член правительства: Не выходит?

Славский: Не выходит... Унесла..

Анвар: Завертела как игрушечную мельницу.

Славский: Две тонны оказались легкими.

1-й инженер: Нужны рогатки весом самое малое в пять-шесть тонн. Нужна подъемная машина.

Начальник ст-ва: Где же мы возьмем подъемные машины?

Славский: В этом вся беда. Война...

Член правительства: А с сипаами ничего не выйдет?

1-й инженер: Если с железом ничего не выходит, то что может выйти с деревом!

Член правительства: (Анвару) Позовите-ка стариков. Посоветуемся с ними. (Анвар уходит)

Начальник строительства: Пройдемте в палатку. (Все проходят в палатку штаба).

Член правительства: Неужели не сможем перекрыть?

Славский: Перекрыть-то сумеем...

Член правительства: Когда же?..

Начальник строительства: По плану — срок двадцать дней...

А прошло пока только пять...

Член правительства: Вся страна смотрит на вас. Вчера товарищ Сталин звонил. Спрашивал, когда запрудим реку. Что мы ответим товарищу Сталину? Не можем справиться, скажем, не под силу нам? Скажем, давайте нам железа, подъемных машин? (Никто не отвечает. Входят Анвар, Уста-Джалял, Парпи-Саркяр.) Заходите! Живы здоровы ли?!

Уста: Слава аллаху! Сами здоровы ли, отец?

Член правительства: (заметив состояние Парпи-Саркяра) Что с вами, Саркяр? Нездоровится или устали?

Саркяр: (сквозь слезы) Сын... Единственный сын был у меня... Погиб... на войне... (Тяжелое молчание).

Член правительства: Это достоверно?

Саркяр: (растерянно) Старуха в письме пишет..

Член правительства: Может это... ошибка... На фронте часто случается... Мы проверим.

Саркяр: (оживляясь, обрадованно) Да будет по вашему слову! Может и в самом деле это ошибка, а, Уста?

Уста: Ничего удивительного...

Саркяр: Ошибка! Верно! Верно, это должна быть ошибка! Ведь один единственный сын, недавно письмо от него было!.. Ошибка!

Член правительства: Вот взнуздаем реку, построим Фархадскую ГЭС, а к тому времени и война кончится и йигиты вернутся.

Саркяр: Да будет по вашему слову, отец! Пошли, Уста, к реке! (Направляется к двери.)

Член правительства: Не торопитесь, отец! (Саркяр останавливается.) Мне надо с вами посоветоваться. Река ни камням, ни железу не поддается.

Уста: А дереву должна поддаться. Камни и железо — они скользкие... не держатся... А дерево неровное... мягкое... Оно и цепляется. И Нарын, и Кампыр-рават, и Кара-Дарью мы сипаями переторазивали. *(Общее оживление.)*

Славский: Это верно, боюсь только, что сипай для Сыр-Дарьи будут легки.

Член правительства: А разве тяжелыми их сделать нельзя?

Уста: Почему нельзя, можно! Больше леса потребуется, только и всего...

Член правительства: *(оживляясь)* Лесу найдем, сколько потребуется! А как скоро можно приготовить сипай?

Уста: Три-четыре дня.

Член правительства: Очень хорошо! *(Начальнику)* Создайте для них все условия!

Начальник ст-ва: Всем обеспечим!

Член правительства: *(Славскому)* Что вы скажете, Николай Павлович?

Славский: Эги старики многое знают...

Член правительства: *(улыбаясь)* В голове у них хранится опыт тысячелетий. *(Хлопая по плечу стариков.)* Это народные инженеры!

Славский: Это живые университеты!

Член правительства: Если так, я pošлю телеграмму товарищу Стадину, что река будет перекрыта за неделю. Не подведете?

Уста: Не подведем! Посылайте! Ну, пошли, Саркяр! *(Уходят.)*

Член правительства: *(довольный)* Замечательные люди!.. Золотые люди! *(Меняя тон)* А Саркяра жалко. Бедняга...

Свет гаснет и затем снова загорается. Люди все так же цепочкой снуют друг за другом, перечесывая камни в реку. Буран. В штабе Мунаввар, доктор, сестра. Мунаввар что-то пишет.

Доктор: Сколько уже сброшено камня?

Мунаввар: *(заглянув в сводку)* Пятнадцать тысяч кубометров.

Доктор: Охо!.. Пятнадцать тысяч кубометров камня! Это не шутка! Если вместе свалить, целая гора получилась бы!

Входит Славский.

Славский: Не пришли еще?

Мунаввар: Сейчас придут.

Славский: *(шутливо)* Ну, как, можно сравнить Фархадгас с Северным Ташкентским каналом?

Мунаввар: *(смеется)* И по спрашивайте. Здесь новый мир!..

Славский: Верно, верно. Это создание нового мира...

Входят Анвар, Уста-Джалал, Парпи-Саркяр, Шерали, Саодат.

Анвар: Вот, Николай Павлович, пришли..

Славский: Очень хорошо! Ну, как сипай?

Уста: Готовы.

Саркяр: Мы, товарищ инженер, очень большие сипай сдела-

ли. Таких со дня сотворения мира никогда не делалось. Каждый в двенадцать-тринадцать метров! А весом... (К Анвару.) По сколько, вы сказали?

Анвар: Полторы-две тонны.

Славский: Хорошо. Как вы собираетесь их ставить?

Анвар: Посоветовавшись с мастерами, мы решили так: ставить будут сразу две бригады — одна во главе с Саркяром — с правого берега, другая — во главе с Уста — с левого. На середине реки бригады встретятся. Сипаи мы намерены ставить в два ряда. В каждом ряду по двенадцать сипаев, а всего двадцать четыре. Остальные будут в запасе, на всякий случай.

Славский: (довольный) Прекрасно! Значит, все в порядке!

Анвар: Только вот с бригадами пока не улажено. (Показывает на стариков.) Мастера считают, что для установки сипаев могут годиться только крепкие, здоровые йигиты...

Саодат: А мы что, меньше работаем, чем йигиты?! Йигиты работали на земляных работах, мы тоже. Они носили камни — мы тоже. До каких пор вы будете нас принижать?

Уста: Доченька, вас никто не принижает. Вы не меньше других работаете, с аспливой жизни вам! Только это дело вам не подходит. Тут надо в воду опускаться. А вода холодная, зима... река быстрая...

Саодат: Все равно.

Шерали: Саодат-хан...

Саодат: (прерывая Шерали). И вы тоже? Хотите, чтобы мы от этого дела в стороне остались, чтоб вы потом на весь свет прокричали: мы, мол, йигиты, реку перегородил, — не так ли?

Шерали: (смеется) Так.

Саодат: (вспыхивая) Напрасно надеетесь! (Славскому) Товарищ инженер, если можно, пусть в это дело ни один мужчина не вмешивается. Мы, комсомолки, сами справимся!

Все, кроме Саодат, смеются. Саодат сердится.

Шерали: (все так же шутливо) Вы девушки, как принцесса Ширин, только приказывайте, а мы, йигиты, как Фархад, реку перегородим. Ваш приказ, наша работа. Мы потрудимся, а вы потом порадуетесь. Забота будет наша, а слава ваша!

Саодат: Мы не принцессы, чтоб сидеть во дворце и отдавать приказы... Мы — комсомолки!.. Сказано — йигиты в воду, и мы в воду, они в огонь, и мы в огонь!

Анвар: Вот все время так. Если йигиты захотят на ветках порезвиться, то они на листьях желают.

Славский: (улыбаясь) Что ж, это хорошо.

Саодат: (довольная) Яшанг, товарищ инженер! (Бежит к двери)

Славский: Подождите, это еще не все! (Саодат отстраняется) Спирт вы пили когда-нибудь?

Саодат: Нет, что вы? Никогда в рот не брала!

Славский: А тут надо будет выпивать время от времени по сто грамм.

Саодат: И граммa не стану пить!

Славский: В таком случае не будете работать на установке сипав.

Саодат: (удивленно) Почему?

Славский: Не выпивши спирта, в воду лезть нельзя, простудитесь.

Саодат: Вы шутите?

Славский: Никаких шуток. (К Анвару) На установке сипав будут работать мужчины.

Саодат: Мне надо посоветоваться с девушками...

Анвар: Дело не в спирте. Все, можете идти.

Саодат: (смушенная) Хорошо. (Уходит)

Славский: А вы, Шерали Палван! Насчет спирта у вас можно не спрашивать? Или и вы тоже в рот не брали?

Шерали: Не-ет, почему! Мы из тех ребят, что в один присест по литру, по два опрокидывали и затем по ветру прогуливались!

Все смеются.

Славский: (к старикам) А вы?

Саркяр: (встре́пенувшись) Нет, нет! Мы и без спирта полезем в воду. Мы привыкли. Что вы скажете, Уста?

Джалал: Этот человек до таких лет дожил и ни разу спирта в рот не брал... Ему через каждые полчаса надо будет давать по мялке бекмеса... А что до меня, — лучше спирт...

Саркяр: (удивленно) Уста!

Уста: Ну, пошли!

Все направляются к двери.

Саркяр: (к Мунаввар) Доченька, на то наше письмо ответа еще нет?

Мунаввар: Нет, еще рано... Фронт далеко... Не беспокойтесь, я верю, сын ваш жив...

Саркяр: Да будет по слову твоему, доченька. Я и сам думаю, что он жив. Ведь единственное дитя! Жив он! (Уходит.)

Мунаввар: (ему вслед) Бедный старик...

Выходит наружу. На берегу собирается народ. За сценой внизу усиливается шум. Оттуда слышатся громкие голоса.

Голоса: Ну, р-раз-ом! Взяти! Ну! Осторожней! Сходи в воду! В воду! Быстрее, быстрее! Ну! Потихо! Ну, ну! Пошла, пошла! (Слышен тяжелый всплеск.) Стой! Берегись! Попесло! Попесло!

Внизу шум. Среди стоящих на берегу волнение.

Голоса: Попесло, попесло! Кого это? Саодат!

Все бегут вниз. Шум у реки усиливается. Входит Шерали с потерявшей сознание Саодат на руках. Оба они мокрые. Шерали вносит Саодат в палатку. Вслед за ними в палатку входят Анвар и Мунаввар.

Доктор: (показываясь из смежной комнаты) Сюда! Сюда давайте!

Шерали проносит Саодат в медпункт и тут же возвращается. Мунаввар с доктором проходят к Саодат. Анвари Шерали в волнении ждут результата.

Голос доктора: Жива! (Анвар и Шерали с облегчением вздыхают) Быстрее переоденьте ее! Массаж сделайте, спиртом! Доктор и Мунаввар выходят. Вслед за ними выходит и сестра. Она берет из ящика спирт, отливает. Оставив бутылку со спиртом на столе, выходит.

Анвар: Как, повреждений нет?

Доктор: Трудно сказать... Она без сознания. Видно, ударилась о камень... На виске рана.

Анвар: Воспаления легких не было бы.

Доктор: (увидав Шерали) Эйе, раздевайтесь скорей! Оденьтесь в сухое! Простудитесь!

Шерали: Обо мне не беспокойтесь, доктор, со мной и злой дух ничего не сделает! (Указывает в смежную комнату.) Ее поберегите! (Берет со стола спирт и наливает в пилалу.)

Доктор: Что вы делаете? Это же чистый спирт! Обожжет!

Шерали: Не беспокойтесь! Я мокрый, не загорюсь. А если и загорюсь, побегу и кинусь в реку, вот и потушат. Теперь я позастоящему рассердился на эту реку. Пусть обижаются на себя! Теперь или я схвачу ее за горло, или она меня!

Поспешно выходит. Оставшиеся удивленно переглядываются. Из смежной комнаты слышен голос Саодат.

Саодат: Шерали! Шерали! Где же Шерали? Ах, зачем я не послушалась инженера!.. Шерали!..

Мунаввар: (проходит к Саодат) Успокойтесь! Успокойтесь, Саодат-хан! Шерали на реке.

Саодат: Хорошо, что не унесло его...

Сестра: (из смежной комнаты) - Опять потеряла сознание...

Анвар: Хорошенько присматривайте за ней, доктор.

Выходит. За сценой снова поднимается шум.

Голоса: Ну! Х-ха! Поднимай! Х-ха! Бросай! Шерали, будь готове!

Шерали: (за сценой) Ну! Бросайте в воду! Ну, Сабир-джан! Ничего с тобой не случится! Понесет — я тут. Давай!

Слышится тяжелый всплеск.

Голоса: Держи! Крепче держи! Не поддавайся, Шерали! Не поддавайся! Хо, баракалли! Остановилась! Ур-ра! Остановилась! Кидайте камни! Камни кидайте! Быстрой,строй! Держи-и, Шерали! Держи, сахару тебе в рот! Молодец, сумел! Бросайте вторую! Ну! Х-ха! Молодец! Х-ха! Ну!

Свет гаснет, затем снова загорается. Работы на реке продолжаются. За сценой шум, крики, приказы. Свирепствует буря. В палатке доктор и сестра.

Сестра: Уже пять дней, как начали ставить сипай. За пять суток ни на минуту не смолкает шум!

Доктор: Скоро все закончат. Устанавливают последний сипай.

Сестра: Зачем вы отпустили Саодат?

Доктор: Покоя не давала мне. Милый доктор, хоть последний день, говорит, дайте поработать! Ничего. Пусть поработает.

Голоса: Ну-ну! Готово! Бросайте! Х-ха! *(Слышится тяжёлый всплеск.)* Держись, Шерали! Не подкачай, Саодат! Балли Саркяр! Яшанг, Уста! Камни! Камней! Камни накидывайте! Х ха! Бросайте, молодцы! Вот теперь видно уже! Видно! Река обуздана! Ур-ра! Ур-ра!

Появляются начальник строительства, Славский, Анвар, Мунаввар, Парпи, Уста-Джалал, Шерали, Саодат (с повязкой на голове). Вслед за ними бежит толпа народа. Все поспешно проходят в палатку. Все мокрые, давно не бритые.

Начальник строительства: (Анвару) Садись, пиши! Москва, Кремль. Товарищу Сталину. Родной отец наш, вождь и учитель, товарищ Сталин! Мы, строители Фархадской ГЭС, выполняя ваше задание, обуздали своенравную Сыр Дарью! Осуществлена давняя мечта народа, легенда стала былью.

За сценой радостный шум: трубят карнай, сурнай.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Фархадская ГЭС. С правой стороны трибуна. Площадь празднично украшена. Со всех сторон сходятся разодетые, веселые строители. Слышатся песни, смех.

Анвар: Народ радуется.

Славский: Радует, потому что видит плоды своих трудов... Ну, как Анвар, на Аму-Дарьинское строительство поедешь?

Анвар: Обязательно! *(Улыбается.)* Если душа привыкла, она и в огне не сгорит, говорят... Мы теперь привыкли к большим делам.

Со стороны ГЭС появляется Кадыр.

Славский: Ну, товарищ техник, как дела?

Кадыр: В порядке, Николай Павлович!

Славский: Когда собираешься отправляться на учебу?

Кадыр: *(улыбаясь)* Вот зажгу лампочки Фархадской ГЭС и отправлюсь. Только отец мой, кажется, огорчен этим.

Славский: *(удивленно)* Отец же твой погиб на фронте?

Кадыр: *(вздыхая)* Да... После этого мы с Парпи-Саркяром как отец с сыном стали.

Входит Сабир-джан.

Сабир: Николай Павлович, я слышал, что и на Аму-Дарье будет строиться ГЭС. Вы не забудьте и о нас. Мы теперь с любимым делом можем расправиться. На Фархадской ГЭС мы усвоили

не меньше, как семьдесят два разных мастерства: тут вам и деррик, тут вам и экскаватор, тут вам и бурение — все нам теперь по силам, все мы можем!

Славский: Как можно забыть о мастерах, вышедших из школы Фархадской ГЭС? Теперь — где большое строительство, там и вы.

Сабир: Яшанг, отец! Идем, Кадыр-джан!

Уходят. Издалека слышится песня Шерали. Славский с Анваром слушают, улыбаясь.

Шерали: Я нашел свой сад чудесный — мне супруга Саодат. Я нашел светильник мира, осветивший мир Фархад. О, Фархад, с Шириной своею в сад мой дивный приходи. Он прекраснее Эрама, мой цветущий пышный сад. Всех, кто ищет воду жизни, я прошу ко мне притти. Сладок мой источник райский, слаще всех земных усад.

Мой наставник — вождь великий, беспредельно счастлив я.

Муки, горя нет в помине, нет несчастий, нет утрат.

Славский: Не дождавшись начала праздника, вы уже праздник себе устроили, Палван?

Шерали: Эй-ха, саям, Николай Павлович!.. Прощение прошу. Я чуточку подзарядился. *(Улыбаясь)* Но вы и на льняное зернышко к сердцу близко не принимайте. Вот Анварджан свидетель — я не из тех йигитов, что пьют лишнее. Верно, сегодня малость выпито... Но тому есть причина... Невестка ваша¹, как это говорится... разрешилась...

Славский: Вот как! Поздравляю!

Анвар: Поздравляю!

Шерали: *(с поклоном)* Куллук, кулук!...²

Славский: Сын? Дочь?

Шерали: Не говорите — сын или дочь, говорите — Фархад или Ширин?

Славский: Хорошо, Фархад или Ширин?

Шерали: Ширин.

Славский: *(улыбаясь)* У вас Ширин, а у вас, Анвар, Фархад — значит сватами будете! *(Смеются.)*

Шерали: Первое дитя — первое счастье. Вот и пришлось немного выпить за первое счастье.

Славский: За такое счастье, сколько не выпей — мало! *(Смеются.)*

Анвар: Как Саодат-хан, здорова?

Шерали: Спасибо, здорова. *(Задумчиво.)* Николай Павлович! Меня со вчерашнего дня не оставляет одна мысль... Фархад и Ширин хотели перегородить эту реку, но погибли сами... и в па-

¹ Т. е. моя жена

² Куллук — благодарю.

мать о них осталась только сказка. А мы и реку взнуздали, и сами выросли. На Фархадской ГЭС сотни Шириц, сотни Фархадов родилось... И памятником о нас (*показывает на ГЭС*) вот эта правда останется. Ну и скажите, Николай Павлович, учитель вы мой, — имеем мы право радоваться, гордиться этим?

Славский: Тысячу раз!

Шерали: А знаете, почему во времена Фархада и Шириц мечта народа не осуществилась? Я думал-думал и нашел. Потому что в то время советской власти не было... Не было ленинско-сталинской партии!.. (*Славский и Анвар смеются*). Нет, правда!

Славский: Верно!..

Шерали: Балли, учитель! А теперь, прошу прощенья, я еще раз наведуся к Саодат хан.

Славский: И от нас привет ей передайте.

Шерали: Спасибо, спасибо.

Удаляется с песней.

Мой наставник — вождь великий,
беспрельдно счастлив я,
Муки, горя нет в помине, нет несчасть,
нет утрат.

Входит Кадыр.

Кадыр: Вас зовут там.

(*Славский с Анваром уходят. Входят Уста и Саркяр. Они оба приодеты. Кадыр, уходя, к Саркяру*) Почему вы не одели бекасамовый¹?

Саркяр: Сойдет и этот, сынок, стоит ли принаряжаться?

Кадыр: Сегодня стоит, сегодня наш праздник, отец.

Саркяр: Хоп, сынок, хоп, одену, одену! (*Кадыр уходит*). Счастье ему найти, он словно родной сын мне. Добрый... Только вот услышал, что он в Ташкент собирается, и чуть стало грустно.

Уста: Чего ж вам печалиться, не на войну же он едет, а на учебу... Пусть учится. Пусть будет ученым.

Саркяр: Так оно так...

Уста: Речь приготовили?

Саркяр: Какую речь?

Уста: Эй, вам разве не говорили? Вас приглашают речь сказать вот с этой трибуны!

Саркяр: (*испуганно*) Что вы страхи разные рассказываете? Не пугайте человека, Уста!

Уста: С каких это пор вы стали таким боязливым? Человек такую великую реку взнуздать не побоялся, а тут боится сказать с трибуны три слова!

Саркяр: Скажут, — еще десяток таких рек перепружу, а что до речи — никак не могу.

Уста смеется. Входят член правительства, Славский, Анвар, начальник ст-ва, гости.

¹ Бекасамовый — полушелковый, имеется в виду халат.

Член правительства: (старикам) Не уставать вам! Баракалла! Ну, пошли... На трибуну!

Саркяр: (растерянно) Нам бы можно и не ходить!..

Член правительства: Что такое? Вы же старшие на этом тое! Вы старшие в народе, идемте!

Саркяр: (растерянно оглядываясь) Уста?..

Уста: Идем!

Все направляются к трибуне. Площадь заполняется празднично разодетыми строителями, гостями.

Начальник ст-ва: Товарищи! Торжественный митинг, посвященный пуску Фархадской ГЭС, объявляю открытым (Аплодисменты.) Товарищи, несмотря на трудности войны, мы с вами с честью выполнили задание товарища Сталина. Сегодня Фархадская ГЭС даст первый ток стране! (Аплодисменты). Слово нашему руководителю.

Член правительства: Товарищи! Сегодня даст ток Фархадская ГЭС. Это сооружение — гордость и слава нашего народа. Оно — свидетельство его мастерства, отваги, рвения и мощи. Для узбекского народа Фархадстрой был великим испытанием. Наш народ отлично выдержал это испытание. Но это только первая сдобная лепешка из только что подошедшего теста. Великий поход за воду, за свет только начинается. Впереди — Кара-Дарья, Нарын, Аму, Зеравшан и еще много других великих дел. А сколько еще пустынь ждут воды! А сколько еще богатств, скрытых под землей! Сколько не открытых кладов в горах! Узбекский народ, еще крепче перевяжи пояс своего рвения. Бодро вперед! К новым великим победам! Вдохновительнице нашей в любом деле, нашей партии тысяча спасибо! Помогающему и поддерживающему нас русскому народу — тысяча спасибо! Спасителю человечества, вождю нашему и учителю Сталину — тысяча спасибо! (Аплодисменты. Возгласы: „Ура!“ „Опцу нашему, Сталину спасибо.“ Вспыхивает свет. Над зданием ГЭС появляются световые портреты Ленина и Сталина.)

Занавес

Перевел с узбекского Н. Ивашев.

СТАЛЕВАР

Поэма

I

Караван

Шум и гам целый день в небольшом кишлаке,
В тесной улице сбились десятки машин.
У тандыров старушки хлопочут всю ночь,
Сотни вкусных лепешек пекут для мужчин.
Небольшой кишлачок у преддверья песков
Никогда многолюдья такого не знал.
День и ночь караваны уходят в пески,
В те места, где доныне никто не бывал.
На воротах колхоза огромный плакат,
Словно радуга, ярко на солнце горит:
„Добрый день вам, дробители скал, храбрецы!
Вы идете, чтоб ярость пустыни смирить.“
Снарядившись в дорогу, подтянут и строг
На колхозную площадь идет Шамурад.
Ведь недаром сегодня решил комсомол,
Что на стройку пошлет самых стойких ребят.

* * *

А в полночи новый ушел караван,
Пыль стеной поднялась из-под сотен колес,
На одной из машин уезжал Шамурад,
Покидая надолго родимый колхоз.

Эту черную,
 солнцем сожженную степь
 Проклинает в легендах и сказках народ
 В раскаленное сердце сыпучих песков
 Караванных дорог и путей не ведет.
 Птица в небе не машет широким крылом,
 Не звенит,

 не смеется в лощинах вода.
 На поля хлопкороба из этой степи
 Суховейным огнем приходила беда.
 Говорят, заблудившись в дремучих песках,
 Смелчаки без следа пропадали навек.
 Эту черную степь, как лихого врага,
 Много долгих веков проклинал человек.

* * *

Но вчера
 ровно в полночь
 пришел караван,
 Девяносто машин перешли Сыр-Дарью,
 Покоряя тебя, беспощадная степь,
 Растоптали свирепую славу твою.
 К серым скалам Фархада пришел караван,
 До заката луны,

 до рассветных лучей.
 А кругом дикий ветер свистал, бушевал,
 Дикий ветер пустыни—огня горячей.
 Словно тур озверелый
 иль яростный дав
 Ветер бился с размаха в подножье скалы,
 Поднимая до неба,

 до призрачных звезд
 Серый полог песчаной, крутящейся мглы.

* * *

Ни травинки вокруг,
 только камень один.
 Отшлифованный ветром пустыни гранит.
 Что есть силы ударил в скалу Шамурат,
 Но бессильно кирка над гранитом звенит.
 На губах, на зубах, на ресницах песок,
 Буря вновь затевает в пустыне игру.
 Раздраженно батыр поплевал на ладонь:
 „Эх, зачем я приехал в такую дыру!
 И зачем я кетмень променял на кирку,

Золотые поля

на глухие пески.

Разве плохо работать в родном кишлаке?

Знай, выращивай хлопок —

живи без тоски.

Все родное, свое,

все знакомы тебе,

Весь колхоз как одна боевая семья.

Не порвать ли путевку да двинуть назад,

Из проклятого места

в родные края."

* * *

Шамурад оглянулся —

колючий песок

Буря тучей швырнула навстречу ему,

И шалаш его ветхий, из старой кошмы,

Опрокинув, умчала в песчаную тьму.

Ночь.

Пустыня.

Костер.

И сидят у костра

Люди разных профессий,

любых возрастов.

Разожгла оживленной беседы огонь

Сводка с фронта, о ходе боев за Ростов.

А в солдатской шинели чернявый джигит,

Что провел караван сквозь пустыню до гор,

Закурил папироску, уселся плотней

И о начатой стройке повел разговор.

О заводе-гиганте, что вырастет здесь,

В самом сердце пустыни, у сумрачных скал,

И о том, как впервые узбек-сталевар

Будет плавить здесь первый узбекский металл.

Но не верил горячим словам Шамурад.

Он на камень холодный прилет головой,

Думал горькую думу, печально вздыхал,

Недовольный работой, людьми и собой.

Недовольный собою поднялся, вошел

В освещенный костром и беседою круг.

И джигиту чернявому прямо к лицу

Протянул пару грубых, натруженных рук.

Вот, товарищ Пулатов, лишь руки одни

Привезли мы сюда, чтобы строить завод.

Нет машин,

нет землянок,

столовых,

ларьков,

А коль нет ничего, и работа нейдет.
Ты послушай, начальник, что я говорю.
Как на месте пустом нам завод создавать?
Нужно было заранее все подвезти,
А затем уж народ на работу сзывать".
Кое-кто поддержал:

„Верно парень сказал.“
Но в ответ, словно выстрелы, были слова:
„Что там верно...“

„Болтун!..“

„Паникер!..“

„Дезертир!..“

„Рано начал скулить,
поработай сперва!“

А Пулатов свои отшвырнул костыли,
Поднял руку,
И в хлынувшей вновь тишине
Звал рабочих на штурм,
как бойцов офицер,
Говорил о победе,
о завтрашнем дне.

III

Трудовое утро

Все уснуло в холодной ночной тишине.
Злой лежал Шамурад. И под утро лишь сон
Воспаленные очи батыра смежил.
И увидел себя в одиночестве он.
Будто в жаркой степи ветер воет, ревет,
А кругом беспросветная, черная ночь.
Только ветер и ночь,
и горячий песок,
И никто Шамураду не может помочь.
Душно. Нечем дышать. Обессилел батыр.
И нога не своя и рука не своя,
А из черного мрака вползает на грудь,
Извиваясь, тяжелая злая змея.
И не может отбросить ее Шамурад,
Он не в силах бежать, даже крикнуть невмочь,
И в холодном поту бьется оземь батыр,
А кругом беспросветная, черная ночь.
Вдруг какие-то звуки, нахлынув волной,
Разогнали кошмарный, удушливый бред.
И очнулся батыр, оглянулся кругом,
Темнота,
но змеи на груди его нет.
Ноет бок от лежанья на жестких камнях.

Полной грудью вздохнул и вскочил Шамурад.
Вспоминая дорогу в родимый кишлак,
На могучие плечи накинул халат
И пошел по обратной дороге, домой,
Проклиная в душе ненавистную степь,
А какие-то звуки широкой волной
То стихали, то вновь начинали звенеть.
Сквозь волну этих звуков идет Шамурад,
Полусонный и злой,— все еще не поймет,
Что его разбудил и кошмар разогнал
Шум работы, кипевшей всю ночь напролет.
А когда в предрассветном сиянии зари
Шамурад увидал все величие работ,
И людей, что трудились, усталость презрев,
Он смутился, на лбу его выступил пот.
Он увидел, как в землю вгрызается сталь,
Как пустыня меняет свой древний наряд.
Погрозил кулаком сам себе Шамурад,
Обругал сам себя и...

вернулся назад.

IV

Первая победа

На площадке строительства грохот и гам,
Непрерывно рычит и скрежещет пила,
Из землянок по осыпи стелется дым,
И веками дремавшая степь ожила.
Заревел аммонал, раздирая гранит,
Взрывом скомканы древние склоны горы.
Разгружаются сразу десятки машин
И задорно стучат вперебор топоры.
У решет, просеивая зернистый песок,
Суетятся бухарцы веселой гурьбой.
Неизвестно откуда сюда прилетев,
Стайка пчелок звенит в высоте голубой.
А от стен Дальверзина стальные пути
Трое суток ползли по пескам напрямик.
На четвертые сутки большой эшелон
Из Ташкента в пустыню привез паровик.
Светлым праздником стал этот радостный день,
День, когда до Фархада дошел паровоз.
Инструменты и книги, одежду и рис
Из родного Ташкента в пустыню привез.
Далеко по пустыне гремело „ура“,
Разливалось в песках и взвивалось ввысь.
Словно стая чудесная сказочных птиц,
Над веселой толпой тибетейки взвились.

А затем эшелоны один за другим
На строительство шли беспрерывно весь день.
И гудки паровозов, как эхо в горах,
Раздавались среди заново созданных стен.

* * *

Светает. Но утренней нет тишины.
То скрежетом стали, то песней звеня,
Бушует строительство. Черная степь
Встречает рождение нового дня.

По гребню откоса идет Шамурад
С тяжелым обломком скалы на плечах.
И капелька пота, стекая со лба,
Сияет алмазом в рассветных лучах.

Одна только капля, но в блеске ее
Сверкает грядущее мертвых песков.
Священною станет любая земля,
Омытая потом и кровью людской.

А в это же утро в далеком бою
В размытую многими ливнями грязь,
Из груди, пробитой немецким свинцом,
Советского воина кровь пролилась.
Так потом и кровью советский народ
Без устали строит победу свою,
Чтоб встал среди пустыни узбекский мартен,
Чтоб враг был разбит в беспощадном бою.

V

Ты создатель города стали

Сегодня окончена выкладка стен,
И с птицами вровень, на самом верху,
С пятью мастерами стеклит Шамурад
Высокие окна в огромном цеху.
А цех-великан горделиво стоит,
Вершину горы заслоня собой.
И гулкое эхо по залам пустым
То смехом, то песней звенит вперебой.
Работой своей поглощен Шамурад,
Он в новое дело ушел с головой,
И даже не видел, что, к цеху свернув,
Пулатов с машины сошел легковой.
И русская девушка с русой косой

С Пулатовым рядом по цеху идет.
Привет вам, друзья.

Как работа?"

— Как штык!

Но все же Пулатов нашел недочет.

А кто у вас старший?"

— За старшего я.

Навстречу начальству шагнул Шамурад.

Здесь окнам, как солнцу сиять бы, а ты

На них наложил по десятку заплат."

— Товарищ Пулатов! Стекло берегу

И в дело пускаю обрезок любой...

Да ты экономь, но с умом, а не зря.

Ведь ты скопидомом стал, мой дорогой.

Ты город, рождающий сталь, создаешь.

Не будь же скупым..."

Покраснел Шамурад.

А русская девушка смотрит, и ей

Причину смущенья его не понять.

Уехали.

Тотчас велел Шамурад

Обрезки стекла заменить не скупясь.

Сквозь яркие стекла в сияющий цех

Полдневное солнце смотрело смеясь.

* * *

Толпится народ у железной стены,

И всяк на нее, как на чудо, глядит.

Повыше, чем тополь, крепка, тяжела,

Из цельнооткованных сварена плита.

Такая громада века проживет,

Да только не здесь бы ей нужно стоять.

Узнав про ошибку,

ругался главинж —

Такую машину

придется ломать."

А нужно сломать и построить опять,

Всего лишь на несколько метров правей.

Приказ инженера встревожил народ,

Поднял до сигнала десятки людей.

Но вдруг Шамурад удивил весь народ

Спокойным уверенным тоном своим:

— Тут месяц работы, а может быть два.

Нам дорого время. Ломать погодим.

В ответ усмехнулся печально главинж:

"Опасность большая."

Вскипел Шамурад:

— Нет, выйдет... За то, что мы стену спасем,

Своей головой поручиться я рад.
Но мало кто верил в удачу его.
Весь день на строительстве шел разговор,
И только лишь ночью заслуженный сон
Прервал до утра затянувшийся спор.

* * *

Поутру у стены хлопотал Шамурад.
Он с бригадой своей не заснул до утра.
Он спешит, но часы, как минуты, бегут,
И рубашка от пота, хоть выжми, мокра.
Но увидел собравшийся утром народ,
Что треногами крепко стена подперта,
И надежные тросы протянуты к ней,
Как гигантские ребра большого шатра.
И четыре мотора готовы тянуть,
И прорыта траншея, подбиты катки:
Проверяя готовность, глядит Шамурад,
Чуть прищурив глаза.

Вот движеньем руки
Он команду подаст, и моторы рванут,
Дрогнув, тронется медленно с места стена.
Может... тросов стальных паутину порвав,
Всей стотонною тяжестью рухнет она?!
Разможжит Шамурада и вдавит в песок.
Все молчат.

Затаили дыхание.

Вдруг

Шамурад, как противника наземь валя,
Дал команду движением стиснутых рук.
Заревели моторы,

и плавно стена

По каткам заскользила быстрей и быстрей.
И в указанном месте опять замерла,
Подчиняясь настойчивой воле людей.
Загремело „Ура!..“

И не сразу узнал
Шамурад, что такое случилось с ним вдруг,
То под небо взлетая, то падая вниз
На десятки надежных и ласковых рук.

VI

Да, я буду сталеваром

„А, дружище!

Входи. Я давно тебя жду.“
(Оторвался Пулатов от писем и дел).
Мягкий бархат обивки погладив рукой,

Шамурад осторожно на кресло присел.
Что ж, дружище,

строительство кончено в срок,
Скоро выдаст завод свою первую сталь.
Ты привык к Беговату, ты строил его,
Неужели тебе с ним расстаться не жаль?
Вот и мастер вчера о тебе говорил.
За учебу возмись,

подучись,

а потом

Будешь сам сталеваром."

Вскочил Шамурад:

— Что вы! Что вы! И думать не надо о том.
Разве справлюсь я!

Я ведь колхозник простой.

В городах,

на заводах

нигде не бывал.

Нужно долго учиться и многое знать,
Чтобы плавить такой благородный металл.
Мой отец и мой дед знали только одно —
Мягче землю взрыхли да водой напой.
Сталь же, это металл...

"Да, такой, как ты сам,

И такой вот, как руки стальные твои,
И как девушка, та вот, что с русой косой,
Новый мастер с Урала... Ты знаешь ее.
Вот она-то и хочет тебя обучать,
И тебе передаст все искусство свое".
Покраснел Шамурад и потупил глаза.
Словно в сердце Пулатов ему заглянул,
Словно тайную думу его разгадал,
И о чем-то секретном чуть-чуть намекнул.
Ярко в памяти встал этот солнечный день:
Цех огромный, на окнах десятки зачат,
И высокая девушка с русой косой,
И ее чуть насмешливый, пристальный взгляд.

"Ну, так что же?" — Пулатов к нему подошел. —
"Соглашайся,

потом не раскаешься, друг.

Здесь мы создали первый узбекский мартен,
Здесь и должен родиться узбек-металлург."
Замолчали.

Минута прошла в тишине,
Слышно, сердце в груди Шамурада стучит.
Крепко руку Пулатову стиснул батыр:
— Буду я сталеваром.

Согласен.

Учи...

У мартена

Если в чрево мартена швырнуть паровоз,
Целиком всю громаду поднять и швырнуть,
Не качнется ни разу, не дрогнет гигант,
Даже пламени рев не ослабнет ничуть.
Все растопит его вулканический жар,
Человеческой волей навек покорен.
У мартена впервые стоит Шамурад,
Ярким отблеском пламени весь озарен.

А горячая лава в мартене рычит,
Словно дэвы с шайтаном там начали бой.
Но бессильна вся дикая ярость огня,
Перед русскою девушкой с русой косой.
А Мария склонилась над пультом, и вот
Ток в рубильниках молнией яркой блеснул.
От движенья машины, от взмахов колес
Раскатился по цеху грохочущий гул.
И машина, умелой своей пятерней
Многотонного танка обломки поддев,
Подкатившись к мартену, заржавленный груз
Опустила в бездонный пылающий зев.
Через синие стекла глядит Шамурад
На Марию,

на сталь, что в мартене кипит.

И бессильным ребенком считает себя
По сравнению с девушкой мощный джигит.
А когда из мартена кипящую сталь
В первый раз он для пробы достал черпаком,
И неистовый жар опалил его грудь,
Показалось, что все запылало кругом.
Дрогнул вдруг Шамурад, ослепленный огнем,
Оглушенный огнем, обожженный огнем,
Заспешил, но Марии внимательный взгляд
Как сигнал, как приказ задержался на нем.
„Слушай, парень, со сталью не надо спешить,
Не пугайся ее, а работай смелей.
Своей собственной ярости в плавку добавь,
А коль нужно, так собственной крови долей.
Эта сталь броневая

на танки пойдет.

С чистым сердцем ее и без робости лей.
Видишь — газа излишек, бесится металл.
Да не трусь!

Сталь не любит трусливых людей.”
Хмурит брови, скрывая смущенье, батыр,
Лишь морщинка на лбу и пряма и жестка.

Пляшет пламя в мартене, и лава кипит
Горячее огня и белей молока.

Пламя,

пламя...

Но молча глядит Шамурад
Сквозь стекло на режущий в мартене пожар.
Губы шепчут, как клятву:

„Привыкну.

Пойму.

Буду самой высокой руки сталевар.“

VIII

Разговор в чайхане

Хорошо в чайхане, после жаркого дня,
Отдыхать от работы вечерней порой.
„Эй, чайханщик!

Не спи Веселей подавай!
Новый чайник кок-чая тащи, дорогой.“
— Ну и жажда у вас. Это пятый уже.
„Разве пятый?

А мне еще хочется пить.
У мартена за восемь часов напечет,
Так что жажду не скоро сумеешь залить“.
И восторженно стал говорить Шамурад
О профессии новой, о счастье своем:
„Знаешь, сталь нашей плавки — особая сталь,
Мы ее всю до капли на танки сдаем.
Не легко целый день у огня простоять,
Тут и дюжину чайников выпьешь до дна“.
И чайханщик кивает седой бородой:
— Верно, верно, батыр,

сталь на танки нужна.

А батыр, чай душистый налив в пиалу,
Подает старику:

„Угощайтесь, отец.
А найдется свободное время, прошу,
Заходите взглянуть на одно из чудес.
Познакомлю вас с мастером.

Лучше его —
Хоть весь мир обыщи,
не сумеешь найти.“
— Очень стар этот мастер?

„Какое там стар!
Это русская девушка лет двадцати.
Словно топорь стройна, а крепка как джигит,
Ей покорен кипящий в мартене металл.
Говоря между нами, такой красоты

Я от роду ни разу еще не видал.
Щедро знания свои мне она отдает,
Я на все получаю толковый ответ,
Но не знаю, решусь ли когда-нибудь я
У Марии спросить самый главный секрет.
Шамурад замолчал.

А старик на него,
Усмехаясь, взглянул из-под сивых бровей:
— Нету роз без шипов,
без страданий любви,
Будь смелей, сталь не любит трусливых людей.

IX

Любовь

В новорожденном городе улица есть,
А на улице той замечательный дом.
Он строителем создан с любовью, с мечтой,
Чтобы радостно было живущему в нем.
Тянет в окна зеленые лапы чинар,
И листва с тихой лаской шуршит по стеклу.
Блики яркого солнца веселой семьей,
Как котята, лежат на тесовом полу.
Город стали, заботливый, нежный отец,
Для любимого сына построил тот дом.
Чтобы первенец,

первый узбек-сталевар,
Без заботы и горя жил в домике том.
Шамурад-сталевар

у большого окна
Погруженный в глубокую думу сидит.
В тихих сумерках вечера тонет пред ним
Спящий город. Чуть слышно листва шелестит,
Сотни лампочек в сумерках, как светлячки,
И пикады трескучую песню поют,
Но не видит вечерних красот Шамурад,
Погруженный в глубокую думу свою.
Он провел нынче первую плавку один.
Безупречно батыру служил агрегат.
Улыбнулась Мария ему одному:
„Поздравляю.

Спасибо тебе, Шамурад.“
И смутился пред девушкой юный джигит,
Но ехидная мысль как кнутом обожгла:
„Вдრ г заметит, что я покраснел, как юнец.“
Да спасибо, укрыла вечерняя мгла.
А сейчас у открытого настежь окна
Шамурад, замечтавшись, сидит недвижим.

И возлюбленной образ, смеясь и маня,
Из вечернего мрака встает перед ним.
„О Мария, ты словно в огне родилась.
Ты владыка над ним,
ты купаешься в нем.

Ты добра и прекрасна,
как роза, чиста,
Но зачем мое сердце зажгла ты огнем?
Но зачем ты, как цепью, сковала меня,
Поселила мне в сердце и радость и боль?
Эту радость и боль безответной любви
Не засыплет песок,
не зальет алкоголь.“

И печально глядит Шамурад в темноту,
Не находит решения к задаче простой.
Как осмелиться вымолвить слово „люблю“
Этой девушке...

мастеру с русой косой.

X

Вызов на соревнование

Шли горячие дни непрерывной чредой.
Как сливаются в речку десятки ручьев,
Так сливались в недели и месяцы дни,
Унося с собой славные даты боев.
Сталь, что плавил, про отдых забыв, Шамурад,
Шла к Берлину,

ломающая немецкую сталь.
И цветущего мая ликующий день
Днем победы,

днем солнечной радости стал.
Вывел в чистое море отчизны корабль
Мудрый Сталин,

Великой страны рулевой.
И салюта московского радостный гул
Неумолчно гудит над весенней землей.
В побежденной пустыне, у сумрачных скал,
Корпусами вершину горы заслонив,
Город стали ликует,

смеется,
поет,
По пескам море яркого света разлив.
И сегодня доволен собой Шамурад,
Он с любым незнакомцем обняться готов.
Завтра утром он выплавит первую сталь
Не для танков.

О нет!

Для простых тракторов.

Из родного колхоза дошла к нему весть:
Ждет колхоз тракторов,
Ждут машины поля.

Стал милей во сто крат Шамураду завод,
И вот эта.

И омытая потом, земля,
И спокойный, размеренный грохот машин,
И бессонные ночи в бессонных цехах,
И Мария...

Сегодня он обнял ее,
Поздравляя с Победой... У всех на глазах...
Но не смог свое сердце раскрыть Шамурад,
Не сумел о любви рассказать сталевар.
Ох! Огонь, что в очах у Марии горит,
Жжет сильнее, чем в мартене пылающий жар.
Нет, не в силах о прошлом забыть Шамурад.
И до смерти, наверно, ему не забыть,
Как впервые к мартену подручным он встал,
Как Мария его начинала учить,
Как все знания свои отдавала ему,
Не яввила в беде.

А, как мудрый наставник, его провела
По дорогам крутым до вершин мастерства.
О такой не расскажешь всего никогда,
Хоть запой соловьем.

хоть кармаем реви,
Разве можно к ней вдруг подойти, постоять
И простыми словами сказать о любви!

* *

В тихий солнечный день небывалая весть
Весь завод всколыхнула своей новизной.
Седовласый старик и безусый юнец,
Услышав эту весть, потеряли покой.
Удивлялся народ: чтобы вдруг ученик
Принял вызов учителя.

И друзья поражались: вызов на бой!
 Может, шутит Мария, Скажи, Шамурад,
 Неужель ты согласен? играет с тобой.

Ни один сталевар не сумеет побить... Марию никто,
Шамурад усмехнулся:

— Ну что же, друзья,
Завтра утром увидим. О чем говорить?

Про себя же подумал:

„Пословица есть:
„Только смелому в руки победа идет“.
Состязанье с Марией научит меня,
Как вести на работе мгновениям счет,
Как сверх нормы давать первосортную сталь.
Ну, а если удастся ее победить,
Я тогда к ней как к равной смогу подойти
И осмелюсь о чувствах своих говорить.“

* * *

Улыбаясь, взглянул на друзей Шамурад:
„Только смелому в руки победа идет..
И готовый к упорной, хорошей борьбе,
Он мечтал о Марии всю ночь напролет.“

XI

Победа

В дни кровавых сражений и славных побед,
В дни, когда людоед под Москвою стоял,
Плавил сталь для отпора лихому врагу
Седовласый,

 проверенный в битвах Урал.
Было трудное время,

 но плавилась сталь,
Под трещанье зениток,

 под вопли сирен.
И на помощь Уралу

 из мертвых песков
Младшим братом

 поднялся узбекский мартен.

От уральских огней в нем зажегся огонь,

Ведь не даром в тяжелое время прислал,

Оторвав от себя,
 чтоб друзьям пособить,

Сталеваров своих
 седовласый Урал.

* * *

...Клокочет, кипит первосортная сталь.
Вспотел Шамурад, но задорно речист.
„Эй, там...“

 На машине...
 Огня не жалея...

Дай газа побольше...
 Не спи, машинист!“

... Клокочет, кипит первосортная сталь.
Прошло уже семь...

уже восемь часов...
Примолк Шамурад, он спокоен на вид.
Он нынче все бросил на чашку весов.
... Клокочет, кипит первосортная сталь.
Уж девять пятнадцать, как плавка идет...
Чье выше искусство?

Чья воля сильнее?
Кто первенство в споре упорном займет?
Весь город в волнении.

..Ну, кто же кого...
Уж девять и сорок...

Полжизни не жаль
За то, чтоб узнать, чей мартен впереди.
... Клокочет, кипит первосортная сталь.
Еще пять минут...

И Марии рука
На ручку мартена спокойно легла.
Закончена плавка,

кипящая сталь
По желобу в ковш клочкотала — текла.
И два сталевара, закончив борьбу,
Руки друг другу с улыбкою жмут.
Пока побежден Шамурад,

но ведь он
Отстал от Марии лишь на пять минут.
... Клокочет, кипит первосортная сталь.

* * *

После смены с Марией ушел Шамурад.
Ночь над городом стали вступала в права.
Тихо листья шептались, звенела вода,
Мягко стлалась под ноги Марии трава.
Молча шли они рядом,

а каждый хотел
Рассказать о хорошем, заветном своем.
Много дней у мартена стояли они,
Но впервые сумели остаться вдвоем.
Шамурад осторожно повел разговор,
Вдруг Марию по отчеству важно назвав,
Про мартен и про плавку...

И вдруг замолчал,
Опьяненный душистым дыханием трав.
Вспомнил: „Счастье не падает в руки с небес,
Если хочешь его, так сумей, завоюй“.
Сам не помнил потом, как осмелился он...
Как горячие губы обжег поцелуй.

Как Мария впервые его обняла,
Как все стало понятным и ясным вполне,
Как, обнявшись, смеялись и пели они,
Как мечтали о завтрашнем радостном дне.
И Мария сказала:

О том, что ты здесь,
Я еще на Урале узнала. Давно.
— Что ты... Как это можно?..

Быть может, во сне.
А, быть может, мне вешнее сердце дано.
— Ну, а если бы здесь ты меня не нашла,
Что б ты сделала, Машенька?..

Стала б искать,
И нашла бы. А если б не встретились мы,
Я в мечтах бы такого сумела создать.
Ну, пойдем, мой любимый,

тебя я нашла,
Знать не даром мне сердце давало зарок.

Косы русые, черные кудри волос
Шевелил предрассветный степной ветерок.

Перевел с узбекского В. Мильчаков.

„ДВА ЧИНАРА“

Р о м а н

Продолжение¹

Канизяк

На утро Сыдык-джан вскочил птицей. Он отложил до завтра поездку на плотину и весь день провел дома, причем за весь день даже не присел: обмел навес и каждую из мазанок от многолетней копоти, очистил двор от соломы, щепок и всего, что казалось неприглядным для глаза; зарыл старую помойную яму и выкопал новую; подправил навесы калитки, смастерил Хашим-джану лук и наделал ему порядочно стрел из камыша.

Перед вечером, когда он собрался на улицу, тетушка Анзират, будто зная, что у него нет денег, запросто, как родному, протянула ему несколько тенгга на бритье. Сыдык-джан принял деньги без всякого стеснения, словно ему предстояло получить откуда-то крупную сумму и словно оба они — и он сам, и старуха — хорошо знали об этом, и само собой разумелось, что взятое будет возвращено с лихвой.

Вечером от возвратившейся с поля Канизяк Сыдык-джан узнал, что его определили на работу в ее звено. Он отнесся к этому так, будто происшедшая перемена вовсе не явилась для него неожиданной, и на следующий день, даже не спросив, где и что делает звено, с рассветом отправился на работу вместе с Канизяк.

Звено входило в одну из хлопководческих бригад. Звеньевым здесь был шестидесятилетний Закир-ата, тот самый, что, противясь затее Урман-джана обучить всех грамоте, в первый день занятий в школе ликбеза явился туда верхом на прутике и с детской сумкой через плечо. Закир-ата, испытав Сыдык-джана на окучке хлопчатника и увидев, что он в этом деле проворен и ловок, похвалил его: „Добро, спасибо твоему родителю“, — затем, словно без этого новичок не считал бы себя по-настоящему членом звена, хоть и с большим трудом, тут же принялся записывать имя Сыдык-джана в тетрадку. По тому, как старик, будто совершая особо важное дело,

¹ См. „Звезда Востока“ № 1, 2—3, 5, 6 и 8.

то и дело сляпывая карандаш, хмурил брови и строго поглядывал то на Сыдык-джана, то на других, было видно, что главное для него заключалось не в оформлении нового члена звена, а в том, чтобы показать свою грамотность. Сыдык-джан, однако, терпеливо стоял перед звеньевым, ожидая окончания записи, и легко вздохнул, когда увидел, что старик вывел последнюю букву.

На поверку Сыдык-джан оказался еще проворнее, чем полагал Закир-ата, и еще старательнее, чем тот ожидал от него, и уже через три-четыре дня обратил на себя внимание всего звена. Он, как говорится: „Жил хуже пса, зато ходил, что мирза“, — несмотря на трудности, был доволен своей жизнью. И только две вещи омрачали его душу и вызывали у него чувство стеснения: душу омрачало то, что в этом же звене работал Таджи-бай, стесняло же его пребывание в одном дворе с Каниязк.

Таджи-бая Сыдык-джан не влюбил с первой же встречи, и день ото дня тот казался ему все более противным. Его раздражало каждое движение этого человека, похожего, по словам тетушки Анзират, на вороватого кота: тоненький, не подстать комплекции, заискивающий голосок его, почти не сходящая с губ притворная улыбка, привычка, разговаривая, смотреть не в глаза человеку, а куда-то в живот и даже то, что во время еды он всегда низко наклонялся над чашкой и широко раскрывал рот, еще не поднес к нему ложки.

Пребывание в одном дворе с Каниязк стесняло Сыдык-джана потому, что оно вынуждало его быть с ней в постоянном общении, а это могло дать повод людям подозревать дурное. Ему очень не хотелось, чтобы люди подозревали его в неблагоприятном поведении; при одной мысли об этом перед ним всегда вставала Зияда-хан-апа, и на лбу его выступал холодный пот. Он поэтому по возможности избегал Каниязк, выходить на работу и возвращаться с работы старался отдельно; когда она смеялась, он хмурился, отвечал на ее вопросы коротко и сам, кроме как дома, никогда с ней не заговаривал.

Соринка непременно в береженный глаз метит, говорят: однажды Сыдык-джан попал из-за Каниязк в очень неловкое положение. Как-то утром, когда работа была в самом разгаре, к ним в звено пришел Урман-джан. Председатель обошел участок, осмотрел хлопчатник, сорвал один поврежденный червяком лист, показал его Закиру-ата, затем, окинув взглядом прополотые грядки, вдруг подошел к Таджи-баю и как закричит: „Мотыги не нашлось тебе! Мотыги, говорю!“. Все обернулись в его сторону. Урман-джан между тем выхватил из рук Таджи-бая кетмень, ударил рукояткой о ствол тутового дерева, сломал ее и, не сказав ни слова, прошел на участок соседнего звена. До этого времени никто никогда не видел Урман-джана до такой степени рассерженным и не слышал, чтобы он повысил на кого-нибудь голос, и потому люди остались в большом недоумении. Таджи-бай же стоял и бессмысленно ухмылялся. Все стало понятным, когда Закир-ата пошел к тутовому дереву и поднял сломанный кетмень: кетмень оказался очень маленьким — дей-

ствительно, не больше мотыги. Не зная, что сказать, Закир-ата долго смотрел то на кетмень, то на Таджи-бая, затем, сердито затрясши бородой, выругался: „Хез, хезчлак!“ и, размахнувшись, швырнул кетмень к ногам толстяка. Тут вмешалась Канизяк. „Бесстыжий человек! Сгореть такому человеку!“ — громко, во всеуслышание сказала она. Таджи-бай перестал ухмыляться и так хмуро взглянул на молодую женщину, что та невольно попятилась и спряталась за спину Сыдык-джана. Сыдык-джан, полагая, что все хорошо знают об отношениях Таджи-бая с Канизяк, почувствовал себя очень и очень неловко. Ему казалось, что все посматривают на него и думают: „Э-э, оказывается, она от Таджи-бая уже переметнулась к Сыдык-джану“. Кто-то из присутствующих фыркнул, кто-то насмешливо кашлянул раза два. И смешок этот, и покашливание относились к Таджи-баю, Сыдык-джан, однако, принял это на свой счет.

В продолжении всего дня Сыдык-джан не переставал хмуриться, работа валилась у него из рук. Пораздумав, он в конце концов твердо решил, пока „этот прыщ не разросся в большой чирей“, удалиться от Канизяк и как можно скорее. Единственным и самым верным выходом в данном случае было переселиться от тетюшки Анзират куда-нибудь в другое место. Чтобы поговорить на этот счет, Сыдык-джан в тот же день вечером пошел к Урман-джану.

У двери навеса, уступая ему дорогу, посторонилась какая-то женщина. Внутри, под навесом, оказались еще две женщины: одна — средних лет, рябая — стоя говорила что-то Урман-джану, другая — косоглазая молодка — молча сидела на корточках у входа. Заметив Сыдык-джана, рябая тотчас же умолкла.

— Хоп, хоп, — стараясь подбодрить женщину, проговорил Урман-джан, показывая Сыдык-джану место. — Говорите, что же вы! Еще кто там есть? Зовите ее.

Женщина, оставшаяся снаружи, вошла и присела на корточки рядом с косоглазой молодкой. Вошедшей было около двадцати двух лет, бросались в глаза ее очень маленький подбородок, круглый нос при низкой, почти незаметной переносице и непомерно выпуклый лоб. При виде такого резкого отличия в чертах всех трех женщин Сыдык-джан еле сдержал себя, чтобы не рассмеяться, и незаметно взглянул на жену Урман-джана. Тохта-ниса, видимо, догадавшись о значении этого взгляда, улыбнулась и низко склонилась над шитьем.

— Хош, уши мои обращены к вам, — проговорил Урман-джан.

Женщины переглянулись. Рябая поспешила к своим товаркам и тоже опустилась на корточки. Никто из них не проронил ни слова.

— Хош, говорите, — повторил Урман-джан.

— Если говорить, — начала рябая женщина, мельком взглянув на своих товарок, — так в первую голову насчет козы... Нишан-бай, хоть он и кривоногий, а за скотом присматривает хорошо. Хорошим бригадиром оказался, лучше тысячи здоровых.

¹ Хез, хезчлак — безбородый, баяба.

При Урман-али скот газеты читал, а как стал бригадиром Нишан-бай, скот сразу поправился. Телят, у которых раньше и промычать сил не было, теперь не удержат человеку... Только на коз все дивятся: почему нишанбаева коза сразу трех привела, а у других колхозников козы по-одному, самое большее по-два родят. Брехня, что нишанбаева коза трех привела. Одного она привела. Остальные два колхозные.

Урман-джан был удивлен: разговор на этот счет уже поднимался раньше, все было проверено и оказалось напраслиной. Почему же снова заговорили об этом, да еще сразу целых три человека пришли с жалобой. Урман-джан знал, что у рябой были нелады с Нишан-баем, и потому обратился к двум молодкам:

— Это уже один раз проверялось, выходит, снова надо проверить?

— Снова проверить, — воскликнула рябая.

Молодки промолчали. Дивясь их молчанию, Урман-джан опять обратился к ним:

— Значит, проверить? Вы тоже насчет козы пришли?

Рябая, однако, успела опередить с ответом своих товарок:

— Да, все мы в первую голову насчет козы пришли, — торопливо заговорила она. — А потом Канизяк... И насчет Канизяк-хан тоже...

Выговорив „хан“, женщина презрительно вскинула голову.

Сыдык-джан метнул взгляд в сторону говорившей, потом в сторону Урман-джана и затем перевел взгляд на двух молодок. Обе молодки — видно, они только и ждали, когда речь зайдет о Канизяк — перебивая друг друга, застрекотали:

— Канизяк, видишь ли, звеньевой будет...

— Что, у нас люди перевелись?

— Нивесть откуда появилась, приبلудная...

— Подохнуть ей, а не задаваться...

— Что, кроме нее людей не нашлось?..

— Подождите, подождите, — поднял руку Урман-джан. — Прежде насчет козы давайте к одному краю придем: значит, пусть снова проверят?

— Да, пусть проверят, — подтвердила рябая.

Обе молодки, снова перебивая друг друга, затараторили:

— Да, пусть проверят.

— И насчет козы пусть проверят и насчет Канизяк тоже.

— В первую голову насчет Канизяк, накажи ее аллах.

— Проверят, а потом уже на звено назначают.

Урман-джан понял, что главное тут вовсе не в козе, а в Канизяк.

— Хорошо, — сказал он, — дело с козой будет проверено. Если у вас будет что на этот счет, скажете потом. Ну, а теперь насчет Канизяк. Только говорите по-очереди, не все сразу. Кто вам сказал, что она назначается на звено?

— Мы и так знаем! — выкрикнули разом все три женщины.

— Приходится только дивиться женщинам: если сегодня я о

чем-нибудь подумаю, то завтра обязательно услышу об этом от кого-нибудь из них. Упи их, наверное, у меня внутри.

— Хоп, так у кого же Канизяк сжала недозревший ячмень?¹ — обратился он к двум молодкам.

— А хоть бы и ни у кого не сжала, — зашпешила с ответом крутолобая. — Не годится она на звено. Вай, с какой стати ей на звене быть!..

— Прежде всего вот что, — сказал Урман-джан. — О том, чтобы ее в голове звена поставить, пока и разговору никакого не было. Хотя со звеном она может вполне справиться, стоит того. Или не стоит? Много у нас в колхозе женщин, чтобы, как она, душой болели за колхозное дело? Считаю число... Спросите у Закира-ата. У бригадира спросите... Она с тетушкой Анзират червей растила и помните, сколько килограммов шелка дала с одной коробки?.. Это же польза колхозу. Сколько листьев она на своей голове переносила, ни разу у меня ни коня, ни ишака не спросила. И вместе с тем она и на поле в работе первая. Сама хоть с иглоу, а за некоторых кутасоподобных йгитов за двоих сработает. И язык хлопца понимает. Сейчас она права! рука Закира-ата. Если бы в колхозе все женщины были такие, эх-хе...

Некоторое время все молчали. Первой заговорила косоглазая.

— Вы правду говорите, Урман-джан-ака, — бротно сказала она, глядя в землю, — многие дела Канизяк по праву людям. Правда и то, что в прошлом году, когда делили доходы, многим даже мужчинам было стыдно перед ней. Все это правда, и всем это по праву, только за ней есть дела, что и не нравятся людям. Молодая, озорная. Очень озорная... и молодая...

Молодка говорила медленно, с трудом подбирая слова, будто жевала их. Круголобая не вытерпела:

— Что ты шамкаешь, говори прямо. Говори, — распутная. Да, распутная! А если на звено станет и всех женщин, скажи, с пути сбьет...

Сыдык-джан опустил глаза. Урман-джан же — он, видно, знал, что этим должно было кончиться — усмехнулся.

— Одна она? — спросил он. — Если она одна может столько женщин с пути сбить, то женщины, видно, сами только и ждут этого. Так, что ли? Нет, на самом деле, наверное, не так. Конечно, не так. И на вашем месте я бы вовсе не избегал ее, а наоборот, старался быть к ней поближе: „Ну-ка, мол, кто кого переломит — распутная или путная?“ — Урман-джан помолчал. — Я это для примера говорю... Канизяк распутная, говорите. А кто вам сказал, что она распутная? Я, например, не знаю о ее распутстве. Кто ее видел с кем-нибудь? Кто слышал о ней что-нибудь?

— Э-вай! — воскликнула косоглазая молодка. Она посмотрела при этом на председателя, но один глаз ее, казалось, был устремлен на Сыдык-джана, и тот испугался: „Сейчас и меня подденет“. —

¹ Поговорка. Употребляется в смысле „насолить чем-нибудь“.

Вай! — повторила молодка. — А кто же не слышал? Кто не слышал, как она собирала колоски с Таджи-баем ака?

— А еще с кем она колоски собирала?

Косоглазая от волнения ничего не могла вымолвить. Сердце Сыдык-джана дрогнуло: „Сейчас скажет, а кто, мол, не знает, что она, бросивши Таджи-бая, спуталась с новым вигитом!“ — подумал он.

— А что, этого мало? — вскипая, вступила в разговор крутолобая молодка. — Подумать только — с женатым человеком!.. Если тех, кто с холостяками перешептываются, потаскухами зовут, так та, что с женатым перемигивается, из потаскух потаскуха. Разве этого мало? Увидав такую, и сука застыдится, что она женского пола.

Потому ли, что ей стало стыдно, что, увлекшись, она наговорила при Урман-джане непотребного, то ли потому, что она была одного пола с такой женщиной, молодка вдруг расплакалась.

— Вот тебе и раз! — удивился Урман-джан. — Что за беда? И твой муж на нее глаза таращит?

— Пусть только потаращит! Только потаращит! — сердито выкрикнула молодка, утирая о колено глаза.

— Хоп, если вся распутность Канизяк только в том, что она вместе с Таджи-баем колоски собирала, так про это я вам сам расскажу. Это дело мне хорошо известно. Я знаю, какой разговор между ними был, и чем этот разговор кончился. Канизяк все мне рассказала, ничего не скрыла. Она разумная молодка, оказывается... Да, разумная, — повторил он. — Что за разговор был между ними, и чем этот разговор кончился, я вам не скажу. Не могу сказать. Это чужая тайна. Не подумайте чего-нибудь такого — не Канизяк, а Таджи-бая тайна. Я никогда не говорил вам неправды и никогда не обманывал вас, верьте мне — Таджи-бай даже руки Канизяк не коснулся. И говорить о ней, что она распутная — это напраслина. Да, напраслина.

Женщины были обескуражены. Сыдык-джан же, наоборот, блаженствовал, словно поклеп, так решительно опровергнутый Урман-джаном, относился не к Канизяк, а к нему самому. Теперь его очень интересовало, что подразумевал Урман-джан, когда упоминал о какой-то тайне Таджи-бая, и он делал на этот счет разные предположения, из которых самым верным, как ему казалось, было предположение, что Таджи-бай съел от Канизяк пощечину.

— Я на вас вины не кладу, — продолжал между тем Урман-джан, — Канизяк молода, голова у ней не завязана, она свободна, спрашивать с нее некому. И вы, хоть знаете, что она никакая не испорченная, настолько уверили себя, что все равно не сегодня — завтра, а она станет такой, что уже сейчас все в ней, от усьмы на бровях до улыбки, кажется вам непристойным... Я знаю, вас беспокоит не столько то, что она может стать в голове звена, сколько то, что она живет здесь. И вы, не будь разговора насчет звена, все равно нашли бы другую причину, а ко мне все-таки пришли бы. Не так ли?

Женщины молчали.

— Молода, — продолжал Урман-джан, — никого у ней нет... Оте с матерью умерли, когда она была еще девчонкой. Сама она из этих мест. Выросла в Намангане. Что она там делала, как жила — не знаю, не проверял. Во всяком случае, если бы она стала на скользкую дорожку, сюда бы не приехала, а если бы и приехала, то в работе так не старалась бы. Ее потянуло к могиле отца-матери. Она посчитала, что мы все можем заменить ей отца-мать, братьев-сестер, поняла, что здесь может найти свое счастье, и осталась... Что же теперь делать? Сказать — ты, мол, пришлая, была распутной или завтра станешь такой, — и оттолкнуть от себя? Оттолкнуть и бросить под ноги какой-нибудь свинье в человеческом образе? Так надо сделать, по-вашему? Если мы увидим на дороге заржавленный гвоздь, мы его сразу же поднимем, мол, пригодится, хоть он и заржавленный, положим его в карман, так почему же мы живого человека должны на улицу выбрасывать? Я еще раз скажу: за Канизяк я ничего худого не замечал. А если на нее случаем и села какая-нибудь лысая муха, все равно выбрасывать ее на улицу я согласия своего не дам. Это напрасное старание. Напрасное. Если в чай упадет муха, мы чай выплеснем, верно, но почему же из-за мухи не выплескиваем супа? Почему? Неужели живой человек имеет меньше пены, чем заржавленный гвоздь или чашка супа?

— Мы и не говорим, чтобы Канизяк выгнать из колхоза, — отозвалась косоглазая молодка, явно сдавая. — Она сама виновата: с нами не подится, дружит только с русскими на водокачке. Откуда же нам знать, что у ней на уме...

— А почему она с вами не водится? Почему она, хоть и языка не знает, водится с русскими женщинами? Человек, как хлопчатник, к солнцу тянется, только солнцем для него служит доброта и внимание другого человека. Если Канизяк, даже не зная языка, тянется к русским, значит, она от них добро видит. Думаете, русские женщины не знают, что Канизяк молода, что она одинока? Знают. Или, может быть, они мужей своих не умеют ревновать? Умеют. Или ревность только для узбеков выдумана?

Женщины, особенно две молодки, явно были смущены. Урман-джан заметил это и решил прикончить, повернуть разговор на другое.

— Хорошо, перейдем к основному, — сказал он таким тоном, словно разговор о Канизяк произошел так, между прочим. — Насчет коз проверим заново, только шуму пока не поднимайте.

Женщины сразу оживились. Каждая из них, особенно две молодки, старалась побольше выложить сомнений и подозрений насчет козы, показывая тем самым, что они только и пришли ради этого.

Когда женщины собирались уходить, Сыдык-джан тоже поднялся и направился к двери первым.

— А ты что же встал? — остановил его Урман-джан. Посторожившись, Сыдык-джан дал дорогу женщинам. Женщины вышли.

— Ты по какому-нибудь делу приходил? — спросил Урман-джан. Сыдык-джан смутился.

— Нет... это самое... Когда школа откроется, Урман-джан-ака? Мне бы тоже поучиться...

Урман-джан пристально взглянул ему в глаза.

— Ты только за этим приходил?

— Да...

— Осенью откроется... Что, за сынишкой не соскучился?

— Нет, Урман-джан-ака.

— А мать хочешь проведать?

— Нет, попозже...

— Зайди завтра к Игамберды, он тебе выдаст бязи на штаны с рубахой. Сошьет пусть тетушка Анзират. А что здесь было горено, пусть здесь и останется.

Сыдык-джан попрощался и вышел.

Ему было весело. Он был доволен за Канизяк, хотя и сам хорошо не знал, потому ли он был доволен, что та не ступила на дурной путь, или потому, что не поддавалась Таджи-баю, а, может быть, даже и отпустила ему пощечину. Всею дорожку до самого дома он шел во весь голос, словно единственное, что до сих пор угнетало его, были слухи о распущенности Канизяк.

Тетушка Анзират уже была в постели. Канизяк полоскала и развешивала белье.

— Вы и петь мастер, оказывается, Сыдык-джан ака, — поднимая голову от таза, сказала она, — где вы так долго задержались?

— А сами вы где были? — ответил вопросом на вопрос Сыдык-джан. — Мы долго выглядывали вас с тетушкой. Еда остыла. Вы здорово запоздали. Давайте-ка, вы полощите, а я буду развешивать, — неожиданно предложил он.

— Вай, что вы! Стидно. Мужчина...

— Пока совестно станет, я успею развесить. Давайте.

Канизяк — она видно устала — больше не противилась.

— Вам, похоже, очень весело, — заметила она, подавая корзину с отжатым бельем. — Прежде, чем развешивать, встряхивайте.

Засучив рукава, Сыдык-джан приступил к делу.

— А что мне грустить? Отчего мне грустить? Весело мне, да. Весело. Гу-у-лять будем, пля-сать будем, в добром здравии мы проживать будем... Проживать будем... Да, мне весело.

Канизяк кивнула в сторону тетушки Анзират — потише, мол — и занялась своим делом. Сыдык-джан работал с большим старанием и проворством. Ему очень хотелось сейчас же узнать, что было между Канизяк и Таджи-баем и что именно Урман-джан называл тайной Таджи-бая, и он в каждом слове Канизяк старался найти зацепку, чтобы заговорить об этом. Канизяк, наоборот, была мало разговорчива и на все его вопросы отвечала коротко. Взяв из ее рук последнюю штуку белья, Сыдык-джан скрутил ее, стараясь как можно лучше выжать. Канизяк вскрикнула:

— Ой, ой, порвете! Я и так знаю — вы сильный.

Сыдык-джан тут же прицепился к этому слову.

— Хотя и сильный, а с вами мне не сравняться, — сказал он в

полной уверенности, что Канизяк дала пощечину Таджи-баю и что тайна Таджи-бая заключается именно в этом.

— А что я такого сделала?— спросила Канизяк.

— Вы... Кое у кого до сих пор щеки горят...

— Что?— удивилась Канизяк.

Заслоняясь ладонью от света, Сыдык-джан взглянул ей в лицо.

— Не знаете... А мы знаем, слышали.

— Что вы слышали? О чем вы? Что я, ударила кого-нибудь?

— А не ударили?

— Кого же?

Взглянув в сторону тетюшки Анзират, Сыдык-джан громко прошептал:

— Таджи-бая.

— Что-что? Вай, за что же мне бить его?..

— А если не ударили, то почему же вы в ссоре? Днем вы на него „подохнуть такому человеку“ говорите, а он на вас так посмотрел, как будто хотел проглотить. Раньше ведь этого не было.

Канизяк удивилась.

— А раньше как было?

— Как же ему быть...

— Вы откуда это слышали?

— Слышал, знаю. И о чем вы думаете, знаю, мои уши у вас внутри.

— Он что, сам говорил? Правду скажите, от кого вы слышали?

— Прежде вы скажите правду, а потом уже скажу я,— ответил Сыдык-джан, даже не подумав о том, какое, собственно, он имеет отношение ко всему этому.

Канизяк тоже, видно, и в голову не пришла такая мысль.

— Таджи-бай ака часто заговаривал со мной,— виновато опустив голову, сказала она.— Я молчала. Как-то он,— я, говорит, жену свою брошу, выйдешь за меня? Я подивилась, пошла и рассказала обо всем Урман-джану ака. Он рассердился. „Ты не верь его словам,— говорит.— Если он ради тебя готов бросить жену с ребенком, то откуда ты знаешь, что он тебя не променяет на кого-нибудь другого.“ Вот и все.

Если бы жена Таджи-бая услышала обо всем этом, дело могло кончиться разводом, и было ясно теперь, почему Урман-джан старался сохранить в тайне подробности этого случая, однако Сыдык-джан все же спросил:

— И за руку вас не хватал и не пытался?

— Нет,— ответила Канизяк и принялась проклинать Таджи-бая:— Чтоб его шея оборвалась, сегодня видали, что наделал. Бесовестный. И в тот раз — кетмени он запрятал. В нашем звене никто другой этого не сделает. Теперь я поняла.

— Не люблю я этого человека, — невольно вырвалось у Сыдык-джана.

Канизяк кинула на него благодарный взгляд.

Тетюшка Анзират проснулась еще тогда, когда Сыдык-джан вошел во двор, однако, заметив, как он игриво заговорил с Кани-

зык и как они шептались между собой, заподозрив их в дурном, тихо лежала, поглядывая из-под одеяла. Так как между молодыми людьми ничего особенного не произошло, она, в конце концов, не вытерпела и кашлянула. Канизяк уголком глаза взглянула на Сыдык-джана: идите, мол, ложитесь. Сыдык-джан вымыл руки и отправился спать.

Слепец посох свой теряет один раз

Несмотря на то, что работать приходилось без отдыха целыми днями, Сыдык-джан, словно нетерпеливый конь перед улаком¹, ходил, чужь ли не взбрыкивая, веселил песнями все звено, шутил, смеялся сам, смешил других. Отчего ему было так весело и почему он чувствовал себя таким счастливым, он не думал, а если и думал, то перед ним вставали Урман-джан, Ахмедов, Эргаш-бай, Зияда-хан, тетушка Анзират и другие, а в ряду с ними и Канизяк. Один из этих людей отнесся к нему с сочувствием, другой, несмотря на свое высокое положение, беседовал с ним запросто и проявил по отношению к нему дружескую заботу, третий внушил ему уверенность, что именно здесь он найдет свою долю, четвертая, вместо того, чтобы поднять на него руку возмездия, протянула ему руку дружбы, как родная сестра, пытая по-матерински обласкала его... А что сделала Канизяк? Такого вопроса Сыдык-джан себе не задавал и такой вопрос ему даже и в голову не приходил.

Насколько Сыдык-джан был весел и доволен эти дни, настолько же Канизяк была удручена. Причиной ее огорчения был номер районной газеты, в котором, как она считала, «побили» их колхоз. В номере было напечатано постановление районного комитета партии об усилении массовой политической работы. В постановлении обобщался опыт работы в передовых колхозах, таких как «Ударник», «Красный омач»², вскрывались недостатки, допущенные в колхозе «Счастливый шаг» и некоторых других и на основе этого делались выводы о способах работы в дальнейшем. Среди других колхозов, имевших недостатки в массовой политической работе, был упомянут и колхоз «Два чинара», причем особо подчеркивалось, что в этих колхозах социалистическое соревнование не стояло в центре внимания колхозных организаций и колхозной общественности. Указание это касалось всех колхозов, перечисленных во второй части постановления, однако Канизяк была уверена, что, отмечая этот грех, в районе имели в виду случаи с кетменем в ее звене и что другие колхозы попали в беду только благодаря «Двум чинарам». Она рисовала в своем воображении, как будет кричать Урман-джан на разных совещаниях и собраниях перед разными людьми и хвагалась за волосы, когда пыталась представить себе, в каком положении она окажется, если Урман-джан услышит, что при-

¹ Улак — колоورانье.

² Омач — месиная соха с чугунным наконечником.

чиной всех этих событий послужило ее недавнее обращение к Ахмедову. О своей кручине, которая с каждым часом все больше глодала сердце, Канизяк никому не рассказывала, хотя ей и очень хотелось поделиться с кем-нибудь своим горем, поплакать, облегчить сердце и услышать хотя бы одно слово утешения. Свои переживания она скрывала и от Сыдык-джана; она опасалась, как бы тот не узнался и не подумал — теперь, мол, она в моих руках. Сыдык-джан, однако, сам заметил ее подавленное состояние и, увидев момент, спросил о причине. Канизяк коротко обронила: „Так, ничего“. То же она сказала ему и во второй раз, только, как ему показалось, с некоторой долей недовольства. Беспокоясь, что ушей ее достигло что-нибудь из того, что говорилось о ней прошлый раз у председателя, Сыдык-джан спросил ее еще раз. Канизяк в это время была сильно расстроена, — она слышала, что постановление райкома будет обсуждаться на общем собрании колхозников — и потому оборвала: „Что вы пристали?“ Сказано это было настолько резко, что Сыдык-джан, не понимая, в чем дело, опешил. Канизяк тотчас пожалела о своем поступке, раскрыла было рот, чтобы попросить прощения, но глаза ее вдруг наполнились слезами, и она, вместо двух-трех слов извинения, выложила все, что было у ней на сердце. Кончив рассказывать, Канизяк вспомнила, почему до сих пор не поделилась с Сыдык-джаном, и с опаской взглянула ему в лицо. Она боялась, что он, если не словами, то видом своим даст ей понять: „Ну, теперь ты в моих руках, так и знай“. Однако лицо Сыдык-джана выражало лишь беспокойство и готовность пойти на что угодно, лишь бы избавить Канизяк от ее кручины. Идите и расскажите всю правду Урман-джану ака, — посоветовал он. — Скажите, я, мол, не знала, что так выйдет. Чем умирать изо дня в день лучше умереть один раз. Только я знаю, Урман-джан ака сердиться не будет... Не будет сердиться...“ Сыдык-джан говорил горячо и торопливо и не успокоился до тех пор, пока Канизяк не дала своего согласия сходить к председателю. И в самом деле, в Урман-джану Канизяк шла с бьющимся сердцем, а вернулась сияющая, что распустившийся цветок. Выслушав ее, Урман-джан здорово рассмеялся, а затем разъяснил смысл постановления райкома и цель обсуждения его на предстоящем собрании.

После этого Канизяк стала относиться к Сыдык-джану как к человеку очень близкому, в котором при случае можно было найти надежную опору. Это было ясно видно при каждом ее обращении к нему, однако, кроме разве одного Таджи-бая, в их отношениях никто не мог усмотреть ничего предосудительного. И в самом деле, Сыдык-джан, хотя вовсе и не потому, что в душе его еще не изгладилась память о тех двух случаях, когда он обжегся, позавидовав на женщин, всегда и при всех обстоятельствах вел себя с Канизяк до такой степени наивно, что иной женщине это, пожалуй, показалось бы даже обидным. Он искренне предпочитал всем усадкам, какие могли явиться в результате корысти в его отношениях, такого рода сердечную близость этой простой, сладкоречивой, веселой и красивой молодой женщины.

Как бы там ни было, все существо Сыдык-джана переполняла такая большая радость, словно к нему пришло огромное счастье или он стоял у порога такого счастья: каждый звук, достигавший его ушей, казался ему приятным, весь мир — розовым, как щеки восемнадцатилетней киплячной девушки, и о прежней своей жизни в доме Зуннуна-ходжи ему не хотелось даже и вспоминать.

Наступило время первого сбора хлопка. Однажды на участок звена Закира-ака явилась какая-то женщина с ребенком, раздетая в красную паранджу без сетки, атласное платье и лаковые ичиги с капишами, и спросила Сыдык-джана. Сыдык-джан в это время был занят набивкой хлопка в мешки на хирмане у дороги по другую сторону тугаев. К пришедшей мелкой иноходью засеменял Таджикибай. Оказалось — это была жена Сыдык-джана Шарафат. Канизяк знала, что Сыдык-джан разошелся с женой, и потому, полагая, что он будет доволен, мол, «жена сама пришла ко мне с повинной», бегом пустилась к хирману.

— А кто ей сказал, что я здесь? — спросил Сыдык-джан, торопливо спрыгивая с канара¹. — Зачем она пришла?

Канизяк, заметив его замешательство, усмехнулась.

— Не знаю... У вас такой хорошенький сынишка...

Сыдык-джан вспомнил, как он, уходя из дома Зуннуна-ходжи, крепко прижимал ребенка к груди, и как тот плакал, когда жена, выскочив вслед, отобрала его уже на улице. Плач этот явственно прозвучал у него в ушах и на лице его появилось вдруг выражение грусти и беспокойства. Наморщив лоб и часто почесывая виски, Сыдык-джан сделал попытку улыбнуться.

— Хош, Канизяк-хан, что нам теперь делать?

— А что же вам делать! Раз она пришла сюда своими ногами, по своей воле... поговорите. Склоненную голову и меч не сечет...

— Нет, это вы оставьте, — проговорил Сыдык-джан. — Куда бы их отвести?

— А разве нельзя к нам на двор?

Когда Канизяк сказала «двор», двор тетюшки Анзират снова, как и в первый раз, представился Сыдык-джану страшным застенком; перед его глазами встали кривые, покосившиеся в разные стороны дувалы с выглядывавшими из них красными черепками, черный от копоти навес, похожая на могилу хижина с невзрачной дверью.

— А нет ли другого места, Канизяк-хан?

— Какого места? — спросила Канизяк и, улыбнувшись, добавила: — Комнаты ведь две.

— Не о том я. Я хотел сказать — нет ли места получше. Если не здесь, может в Двух чинарах или в Низине куги...

— А чем плоха ваша хибарка? Сколько таких по всем Кансанчам...

— Что за дом у вашей подруги Маруси?

— Вай, у ней же землянка.

¹ Канар — большой мешок, чувал для транспортировки хлопка.

— А больше нигде нет? Подумайте-ка!

— Нет, Сыдык-джан ака, — ответила Канизяк и вдруг рассердилась: — Что вы так? Жена ваша с неба свалилась, что ли? Мы ведь тоже люди и живем же... Ничего с ней не случится, если она переночует одну ночь там, где люди живут всю свою жизнь. Об-бо! Если она такая щеголиха, лучше б она и не приходила. Мириться она пришла или дома смотреть?

Канизяк искривила губы и отвернулась, затем раза два взглянула на Сыдык-джана уголком глаза, хотела что-то еще сказать, но промолчала.

— Нет, Канизяк-хан, вы не поняли, — заторопился Сыдык-джан, — не поняли. Дело не в том. Щегольство ее пусть при ней останется... Сказать правду... У меня нет от вас тайн, Канизяк-хан. Я хочу, чтобы она, уходя, не сказала бы: „Так вот как ты живешь, поддохнуть тебе“. Она это может. И в лицо мне не постесняется так сказать. Я знаю се...

Канизяк метнула в него взгляд.

— А разве она не мириться пришла?

— Нет. Зачем она пришла, я не знаю, только не мириться. Пришла она, видно, или оставить ребенка или же просить на содержание.

Заметив на лице Сыдык-джана выражение сильного беспокойства, Канизяк почувствовала к нему жалость и гнев против той, раздетой в атласное платье, щеголеватой молодки.

— Не печальтесь, Сыдык-джан ака, — сказала она. — Если бросит ребенка, как-нибудь обойдемся. Днем он будет в аслях, вечером присмотрит тетюшка. Я тоже...

— Тетюшке только и недоставало, чтобы за моим ребенком ходить.

— А что же делать? Если бросит — и будем присматривать. Может, и не бросит еще.

— Если она увидит, как я живу, обязательно бросит, нарочно бросит.

Канизяк, словно беда эта свалилась на ее голову, забеспокоилась.

— Может, нам отвести ее в дом Урман-джана ака? Он из жженого кирпича, крыша, какая ни на есть, а железная, есть окна... Пойду-ка я поговорю с сестрицей Тохта-нисой. Раздобудем кое-что со стороны, приберем в доме. Я возьму у Маруси самовар. У Таджи-хан апа есть кошма с красными разводами... Сделаем так.

— Как хотите, — согласился Сыдык-джан, бросив на нее грустный взгляд. Взгляд этот выражал бесконечную благодарность.

— Можем ли мы допустить, чтобы на вас кто сказал „поддохнуть тебе“. Мы же колхозники, Сыдык-джан ака.

Поднимая пыль, Канизяк бегом пустилась по дороге, затем углубилась в хлопчатник, раза два, что мотылек, мелькнула на фоне пестревшего раскрывшимися коробочками хлопкового поля и через минуту скрылась из вида. Сыдык-джан поспешил домой сменить рубаху и штаны.

Когда он, чтобы сократить путь, прямо через тугай и песчаные холмы вышел на большую дорогу, его кто-то окликнул:

— Что ты тут делаешь?

Оглянувшись, Сыдык-джан увидел быстро шагнувшего неподалеку Урман-джана и обрадовался, словно все трудности теперь должны были разрешиться сами собой.

— Канары доставили?— спросил у него Урман-джан, большим платком вытирая лицо и шею.— Сколько штук?

— Семь...

— Завязывать канары лозой ты научился, а вот завязывать так, чтобы не рвать, не научился еще. Зачем рвешь? Не умеешь—подучись. Зачем же рвать? Что ты делаешь тут в рабочее время?

— Жена приехала...

— А-а. Зачем же она приехала?— Урман-джан отошел в тень большого карагача с шарообразной кроной.— Ну-ка, иди сюда. Мириться приехала?

— Нет... Я не знаю, пока еще не видал.

Неторопливо вытирая платком шею, Урман-джан задумался, затем вдруг спросил:

— Мириться будешь? Если она в самом деле приехала мириться и у тебя есть такое желание, мирись, на шариат не смотри. Только, если она хочет быть тебе женой, пусть остается здесь. Так и скажи ей. Покажи, как ты живешь. Только зря не пугай ее, сумей рассказать, как будет у нас из года в год улучшаться жизнь. Арык вот уже готов, осенью выкорчем тугай и у нас прибавится новой земли. Всего будет четыреста двадцать гектаров. Пустим в дело трактор... А, может, если помиришься, уезжать понадобится? Если понадобится... Если сердце к этому склонно, говори прямо, что заработал, выдадим, повезешь как подарок.

— Опять вы об этом, Урман-джан ака,— проговорил Сыдык-джан с обидой.— Оставьте такие речи.

Заметив обиду, Урман-джан поспешил пояснить:

— Нет, нет. Я другое хотел сказать. Хотел сказать— не пойми моих слов неправильно, чтоб ты не понял так, мол, «если надо отсюда уезжать, так лучше не мирись». Я не люблю вмешиваться в семейные дела. Человеку, что вмешивается в такие дела, иногда тут же, а иногда попозже приходится выслушивать брань. Я хочу сказать, что ты все это должен решать своим умом.

— Приехала ли она мириться, еще пока неизвестно, Урман-джан ака.

— А зачем же она приехала в таком случае? Чтобы показать ребенка? Нет!

— Я так думаю,— или она хочет бросить ребенка, или просить на содержание.

— Нет-нет! Нет! На содержание с тебя можно получить не так уж много. Она устыдится. Не приехала она и затем, чтобы бросить ребенка. Мать... А еще прими во внимание вот что: расспрашивал и разузнавал, где ты находишься, наверное, тесть твой... как звать его... Зуннуи-ходжа. А вовсе не жена. Не так ли?

— Так.

— Баракалла! А затем — жена твоя, думаешь, сама по себе приехала? Нет. А отсюда следует — Зунун-ходжа разузнал где ты, а затем послал сюда дочь. Это определено. Так, теперь — послал ли он ее, чтобы на содержание истребовать, или чтобы ребенка бросить? Ни то, ни другое. Вот, когда обо всем этом подумаешь, что можно сказать о приезде твоей жены? Приехала она, чтобы испытать тебя насчет примирения. Добро. Как раз то, что надо. Если бы вы помирились, было бы очень хорошо. Ты, все-таки, покажи ей, как ты живешь. Не пугай ее, но и не наполняй ей карманы пустыми орехами.

— А мы подумали, — проговорил Сыдык-джан, изрядно краснея, — что к себе ее вести не следует, и Канизяз отправилась приготовить место в вашем доме.

Урман-джан рассмеялся.

— Это сурьма для слепых глаз. Зачем вам... зачем тебе обманывать? Я же сказал...

— Нет, не по этой причине, не для обмана, а чтобы она не сказала: „так вот как ты живешь, подохнуть тебе“.

— А что тебе до того! Скажет, пусть скажет. Если она, не рассмотрев, что мы делаем глиняные колобки для кладки, станет смеяться над тем, что у нас руки в глине, и пусть смеется. Хоп, вечером увидимся.

Председатель заспешил дальше. Сыдык-джан побежал к дому Урман-джана предупредить Канизяз, а оттуда прошел к себе, передел штаны с рубахой и отправился в поле.

Если до встречи с председателем Сыдык-джан, что отбившийся от матери цыпленок, не знал, куда ткнуть голову, то теперь он выступал гордо, словно боевой петух. Только, когда вдали завиднелась знакомая красная паранджа, сердце его отрывисто застучало, и шаги сами собой замедлились. Он никак не мог представить себе, как встретится с женой, а встретившись, что скажет ей. Соскучившаяся долгим ожиданием Шарафат, заметив приближение Сыдык-джана, подхватила ребенка на руки, тут же снова опустила его на землю и, словно не зная, скрывать ей лицо или не следует, поколебавшись, чуть прикрыла лицо паранджой. Сыдык-джан сам не заметил, как, перепрыгивая через арык, вскрикнул:

— Добро пожаловать! Здоровы ли вы?

Опустившись на корточки в нескольких шагах от жены, он раскрыл объятья сынишке. Подталкивая к отцу цеплявшегося за подол ребенка, Шарафат зачастила:

— Скажи, — пожаловали. Как вы сами, здоровы ли, скажи. Хоть вы и не справились о нас, а мы пришли, скажи... Вот он, твой дада¹, иди же. Ты же мне все уши прожужжал: „Дада, дада,“ а теперь надулся, джуванмарг². Что, не узнаешь, похудел твой дада?

¹ Дада — папа, отец.

² Дословно — подохнуть тебе маленьким (ругательство).

Сыдык-джан, как во сне, ясно слышал слова жены, а смысла их уловить не мог. Заметив, что сынишка не узнает его, он поднялся, сделал два шага, и, с таким видом, будто опасался, что подойди он чуть ближе, сейчас же произойдет страшный взрыв, нагнулся вперед, потянул сынишку за высоко, на самой груди, подвязанный поясной платок и подхватил его на руки. Ребенок захныкал было, но тут же умолк, с любопытством заглянул отцу в рот, посмотрел на нос, подбородок, снова заглянул в рот и ткнул в него сладким пальцем.

— Что ж, пошли... — сказал Сыдык-джан. Заметив, как Шарафат послушно последовала за ним, он нашел нужным справиться и о здоровье тестя и тещи: — Как они... двигаются?

Шарафат, старавшаяся не отстать от Сыдык-джана ни на шаг, словно опасалась пропустить мимо ушей какое-нибудь его слово, только, видно и ждала этого.

— Много поклонов наказывали, — заспешила она с ответом.

На этом разговор прекратился. Ребенок склонил голову на плечо Сыдык-джана и уснул. После этого наступило неловкое молчание. Чтобы показать, что он молчит потому, что все его внимание сосредоточено на сынишке и дороге, Сыдык-джан то и дело поглядывал то под ноги, то на кусты по сторонам дороги, будто оберегая ребенка, нагибался даже под высокими ветками, с тысячью предосторожностей проходил по местам, где никаких предосторожностей вовсе и не требовалось.

— Ну, как там наши кишлачные? — чтобы хоть что-нибудь сказать, спросил он, когда вышли на большую дорогу.

— Сабир-джан кары умер, — ответила Шарафат, причем с такой грустью, что Сыдык-джан невольно остановился и, обернувшись, взглянул ей в лицо. Глаза их встретились. Чуть склонив голову на бок, Шарафат грустно улыбалась.

— Кто? — переспросил Сыдык-джан, не зная, что больше сказать.

— Сабир-джан кары... Вы уже забывали? Как скоро все выскочило из вашей памяти...

Выражение лица ее говорило: «Какие то были минуты! Неужели те дни, тот сад, та колючка не сохранились в вашей памяти?» Заметив это, Сыдык-джан улыбнулся и в тон ей ответил:

— Нет, я не забыл... Хороший человек был покойник.

Чтобы не упустить момент, Шарафат с горестью сказала:

— Жизнь — она такая... такая она жизнь...

Сыдык-джан ничего не ответил, да в сущности он и не знал, что надо было бы ответить на эти слова.

Они пошли дальше. Снова наступило молчание, но это молчание было уже не такое неловкое, как несколько минут назад. Шарафат ожидала от Сыдык-джана ответа на свой намек или же чего-нибудь такого, что могло бы разрешить сомнения, которые связывали сейчас язык обоих. Сыдык-джан же, будучи теперь уверен, что жена приехала мириться, раздумывал над тем, что именно надо сказать и с чего начать, чтобы нарисовать ей будущее колхоза, прежде чем он покажет свою настоящую жизнь.

Решившись, наконец, заговорить, Сыдык-джан сказал:

— Ну как, прохладные здесь места? — и показал на реку, которая белела за полосой уже пожелтевшего камыша.

Полагая, что Сыдык-джан сказал это с каким-то иным, скрытым смыслом, Шарафат задумалась и остановилась.

— Да, очень... Смотрите, река... такая красивая, такая светлая, — разочарованно проговорила она, догадавшись, наконец, что за словами мужа ничего не скрывается. — В молодости я верила, когда мне говорили, что в реке течет молоко, — вдруг снова ожилилась она. — Уже совсем большая была, а верила. Даже в те годы верила...

Вспоминая „те годы“, Шарафат имела в виду пору их свиданий в саду Сабир-джана кары и рассчитывала тем самым снова напомнить Сыдык-джану о тех днях. Занятый своими мыслями, Сыдык-джан, однако, не обратил на это внимания. Показывая на земляной вал, тянувшийся по прогалине между густых зарослей, он сказал:

— Вон... видите. Это арык. Не арык — анхор¹. В этом году вывели. Из этой самой реки... Недавно только закончили. Откроем, когда соберем урожай. Сейчас каждый колхоз делает отвод для себя. Семнадцать колхозов водой будут пользоваться... Видели бы вы, как работали люди... Все, что муравьи, цеплялись за работу. Потому — люди, которых доняла бедность...

Сыдык-джан полагал, что Шарафат будет удивлена и засыплет его вопросами о постройке арыка. Однако Шарафат лишь мельком взглянула в сторону, куда показывал Сыдык-джан, и, даже не обратив внимание на земляной вал, продолжала свое:

— Совсем взрослая девица была, а этому верила. Старшая жена Сабир-джана кары один год как-то возила нас в пески. Тогда я и увидела реку. И когда на соляные копи ездили, тоже видала. А все-таки, если говорили, что в реке течет молоко, я верила. И не потому, что я была простушкой. Нет. Я вовсе не была простушкой. Среди моих товарок не было девицы озорней и хитрей меня.

Они пошли дальше. Шарафат без умолку говорила о реке, о молоке, о том, что она в те времена — „тогда“ вовсе не была простушкой, стараясь тем самым напомнить Сыдык-джану о поре их увлечения и давая понять, что она попалась ему в руки не потому, что была глупа, а потому, что любила его.

Сыдык-джан между тем шел и думал: „Нет, насчет арыка у меня не вышло. Дело, дивясь которому, люди должны за воротники хвататься, у меня получилось таким маленьким, будто речь идет об устройстве какого-нибудь хауза². Почему же так вышло? Нет, видно, начинать надо было не с арыка. С чего же мне начать? Если я о том, что уже сделано, не смог как следует рассказать, то как же мне быть с тем, чего еще нет на самом деле?“.

¹ Анхор — большой оросительный канал.

² Хауз — водоем.

Когда Сыдык-джан, чтобы сократить путь, свернул на тропинку, проходившую по густым зарослям, Шарафат остановилась.

— Куда мы идем?

Переложив ребенка на другую руку, Сыдык-джан обернулся и, не зная как назвать место, куда он вел жену, сказал:

— Отдохните немного...

— Где? Кто там есть?

— Одна старушка...

— А еще кто?

— А еще одна женщина... она сейчас на работе.

— Канизьяк-хан? — усмехнулась Шарафат.

Всем своим видом она говорила: „А в беду я не попаду, если пойду туда?“

Сыдык-джан смутился, словно жена раскрыла какую-то его тайну.

— Кто вам сказал? Та женщина... я... вовсе... Кто сказал вам?

Сердце Шарафат встрепенулось: „Оправдывается. Значит, еще не совсем отрешился от меня. Если бы отрешился, мог бы прямо сказать: „я женюсь на этой женщине“, или „какое тебе дело“. Она вдруг нахмурилась.

— Зачем вы нас поведете туда? — сказала она вслух и протинула руку за ребенком.

Сыдык-джан ребенка не дал.

— Пусть меня аллах карает, если... — проговорил он, глядя на жену широко открытыми глазами. — Кто сказал вам?

— Один человек. Что вы клянетесь, у каждого своя воля, — искривила губы Шарафат и отвернулась, не переставая исподтишка наблюдать за Сыдык-джаном. — Мы не пойдем туда, — сказала она через некоторое время. — Парой слов с вами хотели перемолвиться, поэтому и пришли. Дядя Исамитдин ссадил вас здесь, а сам проехал в кишлак Ходжей. На обратном пути заберет. Мы должны выйти на дорогу и там поджидать.

Шарафат ожидала, что Сыдык-джан снова станет клясться, настаивать и не оставит ее в покое до тех пор, пока она не согласится пойти. Однако Сыдык-джан принял ее слова за чистую правду и, полагая, что ошибся в своих предположениях насчет примирения, довольно равнодушно сказал:

— Можно было бы туда пойти и поговорить.

Это сильно задело Шарафат, но она сдержала себя.

— Нет-нет, поговорим здесь, здесь поговорим, — сказала она, жеманясь.

— Здесь же дорога.

Шарафат опустила глаза.

— А подальше отойти нельзя? — чуть слышно проговорила она, вычерчивая на пыли узоры носком капиша.

Сыдык-джан ухмыльнулся, прижал к груди сынишку и, раздвигая плечом переплетающиеся ветви кустарника, направился вглубь тугаев. Время от времени давая о себе знать притворно-испуганным „вай!“ или „вай, пропасть тебе!“, Шарафат следовала за ним.

Остановившись под развесистой дикой джидой, Сыдык-джан дождал Шарафат. Когда та подошла, он протянул руку, снял с нее накиннутую на голову паранджу и разостлал на высокой, по колено, уже сухой траве, намереваясь положить синишку. Шарафат выхватила ребенка, прижимая его к груди, уселась на разостланной парандже, затем, кокетливо улыбаясь, указала место шагах в двух от себя. Сыдык-джан в ответ рассмеялся, опустился на корточки рядом и схватил ее за руку.

— Вы очень расцвели с тех пор.

— Что, глазам завидно?

— Я присяду здесь...

— Нет, — сказала Шарафат, отнимая руку. — Отодвиньтесь, вы теперь чужой... Хотя троекратно развод вы и не мне объявили, а все равно чужой... Не троньте. Подождите, подождите, я хочу сказать прежде... Уберите вашу руку. Вы только о себе думаете, не троньте.

— И о вас думаю, — выговорил Сыдык-джан, натужно улыбаясь и комкая в руке косу жены.

— Так-то вы думаете?

— А что надо делать? Скажите...

— Что ему надо делать, видишь ли. Тогда вы спросили у меня, что вам надо делать? Не то, что спросить, и слова не сказали. На душе у вас столько было, отец-мать вам надоели, почему бы вам не сказать: „Эй, жена, надоело мне, истомился я, давай отделимся“. Это дело прошлое, вспоминать об этом нет надобности, я к примеру говорю. Или я не человек? Ссориться, так со мной бы ссорились, и, если на то пошло, о разводе тоже мне объявляли бы. Я не хочу сказать, что объявленный вами троекратный развод не в счет. В счет он или не в счет — это другое дело... Я к примеру говорю.

— Вы же тогда сами сказали: „Дорога перед вами открыта, уходите, я останусь с отцом-матерью“.

Широко раскрыв глаза, Шарафат ухватила за ворот.

— О сила небесная! Когда? Когда я сказала: „Уходите“. Раньше у вас не было привычки неправду говорить. Было такое, чтобы вы предложили отделиться, а я отказалась бы?

— Разве тогда вам можно было так сказать!

— А почему бы и нельзя? Вы — муж, я — жена, да, только жена. Сыдык-джан рассмеялся.

— Не знал я, оказывается. Но, если можно, то я и сейчас еще могу сказать... Я собирался, как только колхоз немного выправится, съездить и перевезти вас сюда.

— Куда это? — притворно удивилась Шарафат. — Во-ей! Бросить столько земли-воды и переехать сюда! Я вовсе не собираюсь с вами мириться, я к примеру говорю. Отец состарился, мать — больная. Кто знает, сколько им еще жить осталось? А кому после них останется земля, вода, дом, усадьба? Я не такая, как вы: если мне земли-воды не надо, я не брошу и не уйду, потому что думаю о сыне. Если земля-вода, дом-усадьба мне не нужны, так сыну нужны будут. Не успеешь оглянуться, как он уже вырастет, а там и семьей обзаведется... Вам от отца ничего не осталось, вы росли в

нужде и знаете, что такое нужда. Если бы от отца вам остался хоть клочочек земли, вы бы такой нужды не испытали. Неужели же я пожелаю, чтобы сын мой рос в нужде? Вы считаете это допустимым, такие каменносердые отцы, конечно, могут так считать. А я думаю о сыне, о счастье моего дитяти думаю.

Сыдык-джан, молча слушавший жену, взглянул на нее исподлобья и усмехнулся.

— А что вы скажете, если я думаю обо всем этом и даже больше, чем вы? — проговорил он, желая этим сказать, что все, что он сейчас делает, он делает ради сына.

Шарафат, однако, поняла его по другому: „Хочет сказать, мол, в пылу гнева так вышло, и теперь я не знаю, как быть“, — подумала она, и слова эти прозвучали для нее приятней, чем даже клятва его насчет Канизяк и заверение: „Я сам собирался съездить и привезти вас сюда“. Чтобы, поспешив с ответом, не отступить от взятого ею независимого тона, она промолчала, затем, хмуря брови, сказала:

— У стариков нет других наследников, кроме этого мальчишки. Сейчас такое время, что землю продать нельзя... Или можно? Не можете справиться, продайте. Если вода кишлака, где вы столько лет кушали соль, оказалась для вас заказанной, продайте, отправляйтесь, куда ваша душа пожелает, купите там землю и запишите ее на сына. Воля в ваших руках... Отца вы сами знаете — для тяжелой работы он не годится. Время сейчас, сами видите, какое: никто ради другого не то, что из четверти, а и за пол-урожаев кетменем не ударит. Колхоз палит глаза на рисовый участок. Отца уже два раза вызывали в совет. Отец ответил, я, мол, ничего не знаю и ничего не могу, пусть зять сам отвечает. Совет еще не знает, что вы здесь... Рис сорняк задушил, на хлопок тля напала. Если на следующий год земля останется непаханной, даже не то, что непаханной, — колхоз увидит, что делается с рисом и хлопчатником, и спрашивать не станет, а прямо загонит плуг — и все. И сынок мой бедняжка останется без земли...

Сыдык-джан, — он сидел, не поднимая головы и старательно ломая попавшийся под руку стебелек травы, — чтобы скрыть улыбку, закусил верхнюю губу. Стараясь догадаться, что могла означать эта скрываемая улыбка, Шарафат, поглаживая ноги ребенка и беспрерывно, словно заученное наизусть, повторяя: „Милый мой, родной мой,“ — не отрывала глаз от губ Сыдык-джана.

— Что же нам делать? — спросил тот, окончательно справившись с непрощенной улыбкой.

— Вам лучше знать... Мне все равно... лишь бы этот ребенок...

— Значит, я должен вернуться?

Шарафат даже побледнела от волнения. Она долго всматривалась в лицо Сыдык-джана, затем негромко проговорила:

— Не знаю...

— Вы не знаете, я не знаю...

— Если вернетесь... возвращайтесь. Возьмете ли вы другую

жену, или еще как поступите... Ах, если бы можно было продать землю!

Сыдык-джан снова усмехнулся:

— Значит, вернуться я должен ради земли?

— Ради ребенка.

— Если я должен возвратиться ради ребенка, то, может быть, ради ребенка вам лучше сюда переехать. Только я не стану наполнять вам карманы пустыми орехами... Все сами увидите. Вы приехали, когда мы еще колобки готовим для кладки... И руки наши в глине... И пока из этих колобков мы сумеем возвести постройку, вы вот таких ичигов с капишами и таких платьев носить не сумеете. Человеку, который привык кушать из большой корышки, первое время может показаться страшно...

— Вай, чудной вы. Что я, собираюсь мириться с вами, что ли?

— Нет, я тоже к примеру говорю. Вы же много раз говорили к примеру. Если хотите посмотреть, я могу показать, как я живу. Ну, а если сейчас у нас так, то я вам расскажу, как будет у нас из года в год. Вот у нас уже и арык готов...

Шарафат вдруг закрыла руками лицо и заплакала:

— Несчастливая я... Вы хотите сына моего бездомным бродягой сделать... Будет он таким же бездомным, как и сами вы... Бывают же такие каменносердые отцы... Готовую землю, готовый дом бросить... Люди ради детей добывают, а вы добытое бросаете.

— Нет, вы не можете так говорить. Что бы я сейчас ни делал, все я делаю ради сына. Чтоб он не был таким, как я. Чтобы вам, как моей матери, когда вздумаете проведать сына, не пришлось собирать арбяные гвозди, джиду, айву.

Шарафат, видно, не поняла насмешки.

— Что же вы сделали? — спросила она.

— Я теперь только делаю. Сыну нужна земля-вода. Земля-вода готова. Осенью мы выкорчем вот эти тугаи, и новые земли будут у нас. Всего земли у нас будет четыре сотни да еще двадцать гектаров. Сыну нужен дом с усадьбой?

Шарафат перебила его:

— Очень хорошо. Вы и государственную казну в дар ему преподнесите... Столько упований на государственную землю. С каких это пор вы начали опираться на власть?

— С тех пор, как разум обрел.

— Там, где берут, вслед и отдают...

— Что, землю? Вы хотите сказать, — землю отберут? — спросил Сыдык-джан насмешливо. — А зачем власть станет отбирать землю? Чтоб ее в сундук складывать? Если она у нас отберет, то кому же она отдаст тогда? Вот этими местами раньше владел ишан Абдуваккас, так власть, у нас землю отобравши, ему отдаст, что ли? Конечно, если бы на место Ахунбабаева сидел такой человек, как Сабир-джан кары, он так бы и сделал. Отец ваш сидел бы, он тоже так же поступил бы. Или он не поступил бы так?..

На глазах Шарафат показались слезы.

— Что до вас, то вы отца и кулаком назвали бы. Не знаю, что

илохого сделал вам бедный старик. Он так беспокоится о вас, так беспокоится... „Не было у меня сына, и вот аллах послал мне сына“, — говорил он всегда. Наговорив вам всякого в гневе, потом, знаете, как он страдал?.. Плакал, бил себя... чувств лишился. А вы все порочите его. Никак совести у вас нет? Сердце у вас каменное. Будь на вашем месте другой, он бы, когда гнев спал, пошел бы, утешил беднягу, слезы ему утер. Отец только и знает плачет. „Крылья мои, говорит, подломились...“ С тех пор он день здоров, а три дня в постели лежит. Каждый день мать ругает, два раза избил до смерти. Хотел со мной приехать, да сил не хватило, только заплакал...

— А кто сказал вам, что я здесь? — спросил Сыдык-джан и, помолчав, добавил: — Сами вы справлялись? Через кого вы узнали?

„Ревнует,“ — подумала Шарафат обрадованно, однако, сделала вид, что очень напугана.

— Я никуда не отлучалась. Ногам моим подломиться, если я через порог переступила после того, как вы ушли. Вам то это все равно, я так, к слову пришлось... Насчет вас отец разузнавал.

Хотя и слова Шарафат и ее обращение ясно подтверждали все предположения Урман-джана, Сыдык-джан все же спросил:

— И сюда вас отец послал, привези, мол, его. — Почувствовав, что сказал он это чересчур грубо, Сыдык-джан исподтишка взглянул на Шарафат. Та сидела, низко опустив голову, и быстро-быстро свивала и развивала бахромку паранджи. Видно было, что на вопрос Сыдык-джана она отвечать не собиралась. — Если отец ваш так сказал, пусть аллах не оставит его своими милостями, — проговорил Сыдык-джан, чтобы сгладить грубость вопроса. — Каков он ко мне, таков и я к нему. И на матушку вашу я не обижаюсь. Только возвращаться мне туда после всего, что было, не подходит. Дело даже не в ссоре.

— А в чем же? — спросила Шарафат, поднимая голову.

— В чем? Что хотите, говорите, но не старайтесь казаться простушкой, я могу обидеться. Вы сами перед этим сказали, что уже в девичестве вы не были простушкой, что вы были самой озорной и хитрой из всех подруг.

Сыдык-джан помолчал.

— В чем же ему быть, — заговорил он немного погодя. — Я нашел таких же людей, как я сам. Столкнувшись с ними, я и сам себя узнал. Слепец, говорят, посох свой теряет один раз. Теперь я не уйду отсюда, не смогу уйти. Так вы и скажите вашему отцу. Если отец-мать согласны жить со мной здесь и сами вы того желаете, на шариат мы особенно смотреть не будем... Путей у шариата много, оказывается, один закрытым окажется, четыре других открыты...

Тонкие губы Шарафат посинели и дрожали, кончик носа побелел и ноздри расширились, веки, будто от большого напряжения, вздулись. Сыдык-джану показалось, что она сейчас закричит что-нибудь непотребное, затем схватит ребенка и убежит. Однако Ша-

рафат поступила не так. Она ударилась о землю и, словно укушенная змеей, извиваясь, принялась плакать и причитать:

— Что, думаете, я сюда пришла потому, что на улице оказалась? Я пришла, чтобы сын мой при жизни отца сиротой не остался, чтоб на его долю земля была записана... Если мужа захочу, тысячи толстошеих найдется. Ради судьбы своего сына пришла я... Чтобы сын мой при жизни отца сиротой не оказался, пришла я. Чтобы сын мой бездомным бродягой не стал...

— Все бродяжничество, какое есть на свете, я сам перепробовал, и сыну моему уже не осталось, — возразил Сыдык-джан.

Шарафат вдруг подняла голову, взглянула на Сыдык-джана, затем поднялась и уселась на прежнее место. Щеки ее побледнели, глаза были красные, но сухие.

— Так вы не вернетесь? — спросила она с таким видом, словно вот-вот бросится на Сыдык-джана. — Не вернетесь?

— Не шумите, услышит кто, что подумает? Я же сказал уже.

— Ваше слово твердое? Не откажетесь от него?

— Если вы хотите семью сохранить, вы и на меня должны оглянуться.

— Не вернетесь? До трех раз спрашиваю: не вернетесь? Не вернетесь? Не вернетесь?... А... Не вернетесь! Хорошо, пусть будет так. Мне что, ребенок только мой, что ли? Я, что могла, сделала, теперь грех за него пусть на вашей душе будет... Без земли ли он останется, сиротой ли останется... И, если ему сиротой оставаться, пусть будет таким сиротой... я его сделаю таким сиротой, кровью потом пусть плачет... Не я буду, если не выйду за какого-нибудь толстошею, чтобы он за каждый кусок черствого хлеба бил его кулаком по голове...

Шарафат вскочила и, словно вырывая из земли, резким рывком подхватила сына. Напуганный ребенок громко заплакал. Сыдык-джану больше нечего было сказать, но он не пожелал, чтобы жена ушла в таком состоянии: ему казалось, что уйдя она сейчас вот так, она, возвратившись домой, тотчас же нарочно выйдет за какого-нибудь грубияна и тот сейчас же сунет сыну кусок черствого хлеба и ударит его кулаком по голове. Поэтому он, будто желая успокоить сына, взял его из рук Шарафат (та охотно уступила ему) и по возможности мягко сказал:

— На сегодня вы оставайтесь, уже поздно. А завтра я раздобуду арбу и сам отправлю вас. Дядя Исаметдин уже, наверное, давно проехал.

— Вай, подохнуть мне! — воскликнула Шарафат, оглядываясь на солнце. — Ясно, что проехал уже. Не будет же он ждать меня. Ох, лучше бы умереть мне... Ох, доля моя несчастная...

Так как все слова и подходы, каким ее научил отец и какие она пустила в ход по собственному разумению, никакого результата не дали, то Шарафат решила остаться эту ночь здесь, разузнать хорошенько, что так привязало Сыдык-джана к этим местам и что давало ему такую уверенность в себе и потом уже, в зависимости от обстоятельств, метать камни дальше. Всю дорогу до самого до-

ма тетушки Анзират она не переставала проклинять себя за то, что отстала от дядюшки Исаметдина, однако это не мешало ей про себя размышлять над случившимся и делать всевозможные предположения и догадки. Ей казалось, что самым близким к истине будет предположение, что Сыдык-джан кружит вокруг этой, подохнуть бы ей, маленькой Канизак.

Все сказанное тем толстым йигитом оказалось правдой, — думала она. — Только причаровали его, видно, не одни карие глаза. Блюдо китайского фарфора — красивое, слов нет, но если бы от этого блюда не исходил запах казы¹, этот безродный бродяга не стал бы держаться за эти места. Что же это за казы такое? Законченного в землю золота у ней не могло быть, если бы золото было, она давно за любого йигита могла бы выйти. Если и есть у ней что, так может дом с усадьбой, хозяйство, оставшееся от прежнего мужа. Поэтому, видно, этот безродный и задирает нос. Он мог позавидовать на дом с хозяйством, а на что могла позавидовать та потаскуха? Она тоже, наверное, позавидовала не на одну его красоту. Только на что же она могла позавидовать? Чем мог похвастаться перед ней этот безродный? В первую голову он, наверное, сказал — я, мол, один и никого у меня нет. Что у него есть братуличный парнишка и мать-побирушка, он, наверное, не сказал. Ясно, если он сказал, что одинокий, кому не понравится такой муж?

Когда Шарафат переступала порог калитки двора тетушки Анзират, она была похожа на переполненного ядом июльского скорпиона. Однако лицо ее прояснилось, когда тетушка Анзират, встретившая ее с расprostертыми объятиями, сказала: „Вай, как может человек оставить такую жену и такого ребенка и жить где-то в чужих местах?“ Старушка провела гостью в дальнюю хибарку. В нишах хибарки уже не было ни разбитого кумгана, ни старых лохмотьев, пол был побрызган водой, на почетном месте была разостлана черная, с цветными разводами кошма, которую тетушка Анзират хранила для свадьбы Мадрайма, поверх кошмы были постелены хранившиеся с той же целью одеяла и якандоз²; в углу у двери лежало пять дынь и большущий арбуз. Шарафат, словно важный гость, осчастлививший своим посещением хозяина, не ожидая приглашения, прошла на почетное место, расселась на якандозе и, опавшая рукавом, оглядела внутренность хибарки. Сыдык-джан присел на корточки неподалеку от двери, спустил на пол сынишку и показал ему на дыни. Тот заигрался, перекачивая их с места на место. Хотя Сыдык-джан посматривал на сынишку и время от времени обращался к нему, однако все его внимание было сосредоточено на Шарафат. Когда он уверял Шарафат, что не собирается наполнять ей карманы пустыми орехами, а покажет все, как есть, у него и в мыслях не было стесняться своего положения, теперь же, когда он заметил брезгливость, с какой оглядывала хибарку Шарафат, чувство стыда появилось как-то само собой. Ему

¹ Казы — конская колбаса.

² Якандоз — плас или ковер.

казалось, что хибарка выглядит еще более жалкой, чем раньше, а все, что в ней находится, говорит о вечной нищете. Надрезав для пробы три дыни, он изрезал две из них, затем, не дожидаясь чая, отправился на работу.

Шарафат до самого вечера выпытывала у тетушки Анзират все подробности о пребывании в этих местах Сыдык-джана, но ответа на вопрос, что привязало к этим местам Сыдык-джана — так и не нашла. Пораздумав, она решила: «Эта бесстыжая старуха жжет, наверное. У ней тоже никого нет, живет она и кормится около них, разве она выдаст мне их тайну? А я по простоте своей верю ее словам. Живя в одном дворе, как может та молодка не подмигнуть ему глазом, а он ей. Она обязательно строила ему глазки, а тот, ясно, влюбился. Но неужели он так влюбился, что и на богатство теперь смотреть не хочет? Неужели бывает такая любовь? Любви-то такой, наверное, не бывает, только эта потаскуха что-нибудь, видно, сотворила над ним, приворожила его к себе, не иначе. Правда! Это сам аллах меня надушил — приворожила она его. Жалко, что я не знала раньше, я там же на месте у себя отворот заказала бы... А-а, догадалась теперь. Это мать его, подохнуть ей, наворожила и отвратила его от меня. Если бы она не отвратила, как мог смиренный, что овца, человек — и вдруг стать таким, как сейчас. Мать его, подохнуть ей, в прошлый раз приносила айву, в этой айве, наверное, все дело. И тут, видно, сам аллах надушил меня... А то, что он приглашает, — мол, сюда переедешь, помирюсь, — не больше, как хитрость: сказал так потому, чтобы я не подумала, что он на Канизьяк собирается жевиться, чтобы, погорячившись, ребенка ему не бросила. Все это сделано по общему совету, иначе он бы меня сюда не привел. Ясно, он так поступил потому, что боится, как бы я не оставила ему ребенка. Он знает, что я скорей сто раз замуж выйду, а сюда не перееду»...

Размышляя таким образом, Шарафат к тому времени, как вернуться Канизьяк, снова уже сидела переполненная злостью. Однако, чтобы не спугнуть Канизьяк и неожиданно поймать ее с полным, она старалась не показывать этого: соскочила ей навстречу с супы, здороваясь, обняла ее, проговорила: «Сестрице вашей мотылька покружиться вокруг вас.» Канизьяк, хоть такой встречи и не ожидала, ответила тем же — старалась веселой беседой развлечь гостью, ласкала ее ребенка. Шарафат расхваливала прохладу здешних мест, «красоты» кишлака Капсанчей, его зарослей, реки и вдруг, пристально взглянув в глаза Канизьяк, сказала:

— Я тоже хочу переехать в эти места.

В это время вернулся Сыдык-джан. Не задерживаясь у супы, он прошел прямо к тетушке Анзират, стоявшей у очага. Канизьяк нетерпеливо взглянула в ту сторону.

— Очень хорошо, сестрица, очень хорошо было бы... Скоро и эти места зацветут, — рассеянно ответила она на слова Шарафат и тут же проворно вскочила, подошла прямо к Сыдык-джану и что-то сказала ему. Что он ответил, Шарафат также не расслышала, но ясно увидела, как усмехнулась тетушка Анзират.

Для Шарафат, однако, было достаточно и этого: чтобы увериться в правильности своих догадок, ей больше уже ничего не требовалось. К тому же она ясно слышала, как Канизяк сказала: „Накажи аллах...“ Шарафат показалось, что это было сказано заискивающе и со слезой. Ей, потерявшей от злости разум, и в голову не пришло подумать: „Неужели Канизяк уже сейчас, при мне, может жаловаться ему на то, что я здесь осталась?“ Когда Канизяк вернулась, глаза Шарафат сверкали, как у столкнувшейся со смертельной опасностью кошки, и она сидела с таким видом, словно вот-вот готова была вцепиться ногтями в лицо своей соперницы. Канизяк, однако, ничего этого не заметила, так как Шарафат сидела боком к лампе.

— Так кого это аллах пусть накажет? — задыхаясь от злости, спросила вдруг Шарафат.

— Приемный пункт хлопок наш отказался принимать, сырой, говорит, — ответила Канизяк.

Для Шарафат было достаточно того, что Канизяк, отвечая ей, хмурилась и в голосе ее слышалось раздражение... В смысле сказанного она и вникать не стала.

— Так кого же это аллах пусть накажет? А? Дикая ты свинья!

— Вай, сестрица, что с вами? — успела только сказать Канизяк. Шарафат схватила стоявший рядом чайник и ударила молодую женщину по лицу. Канизяк вскрикнула, скатилась с супы, тут же вскочила на ноги и отбежала в сторону. Прикрывая рукой правую щеку и глаз, она стояла растерянная, не понимая, что вдруг случилось.

На голову прибежавшей с криком тетушки Анзират Шарафат обрушила обеденную чашку, затем обернулась к Сыдык-джану, и тут полетели пилалы, капиши, рукомойник. Когда на супе ничего не осталось, она снова винулась к Канизяк, но та скрылась в своей хибарке. В хибарке плакала Канизяк, у очага вопила тетушка Анзират, на суне, надрываясь, плакал ребенок. Через минуту Канизяк с белым узелком подмышкой выскочила из хибарки и, все так же прикрывая рукой щеку и глаз, выбежала на улицу. Тетушка Анзират бросилась вслед за ней, но вскоре вернулась одна, плача и причитая. Шарафат же кричала на весь двор, металась туда-сюда и швыряла в Сыдык-джана всем, что попадалось под руку. Однако было заметно, что делала она это не от злости, а из хитрости, так как адоворо напугалась, встретившись с гневным взглядом мужа. Стоя от стыда, с налившимися кровью глазами, Сыдык-джан, не защищаясь от наскоков Шарафат, долго стоял, не зная, что предпринять, наконец, не в силах сдерживать себя, с руганью бросился было к жене, но тут кто-то сдержал его. Овернувшись, он увидел Зияда хан.

— Что, бить собираетесь?

Сыдык-джан низко опустил голову.

— Пожалуйте, Зияда-хан апа, — сказал он и отошел в сторону. Шарафат не переставала вопить.

— Я там этого собаченка кормлю, а он тут диким свиньям по-

доли целует! Сначала одну жену обеспечить, а затем уже и другим руки протягивай. Враг! Духавник! Если не хочешь, чтобы я была твоей женой, освободи меня.

— А разве я этого не сделал уже? — попытался усмехнуться Сыдык-джан.

— Не сделал.

— Хоп! В таком случае я снова повторяю: трехкратный развод тебе. Теперь избавился я?

— Нет, не избавился! Сначала с отцом расплатись.

— Разве за мной еще осталось что-нибудь?

— К нашему порогу ты пришел в рваном тулуне с арканом вместо кушака.

— А с чем я ушел?

Тут вмешалась Зияда-хан.

— Оставьте эти разговоры, — сказала она. — Идем, подруга, переночуй у нас. Поговорите завтра, когда гнев пройдет. Берите вашего ребенка.

Ребенок продолжал плакать на суну. Шарафат скрылась в хибарке, чтобы взять там свою паранджу. Сыдык-джан легонько толкнул Зияда-хан.

— Зияда-хан апа, сделайте что-нибудь. Что я буду делать с ребенком?

— Не беспокойтесь, Сыдык-джан, грудь колхоза широкая. Найдется место и для вашего ребенка.

Из дома показалась Шарафат. Кое-как накинув паранджу, она направилась прямо на улицу. Зияда-хан схватила охрипшего от плача ребенка и побежала вслед. Догнав Шарафат на пороге калитки, она сказала:

— Подруга, подруженька! Нате, возьмите бедного ребенка, чем он виноват! Возьмите.

— Пусть он сам растит своего собаченка, — выкрикнула Шарафат и толкнула Зияда-хан.

Ребенок чуть не выпал из рук Зияда-хан, но у него уже не оставалось сил плакать. Подозвав тетюшку Анзират, Зияда-хан передала ей ребенка. Старушка, не переставая держаться за ушибленную голову, взяла мальчика свободной рукой и прижала его к груди. Сыдык-джан протянул было за ребенком руки, но она не дала ему. Тут подбежала Шарафат.

— Сводница! — закричала она на старушку. — Раз ты кормишь от сводничества, то и этим не побрезгуй.

— Ладно, доченька, ладно, — только и могла ответить тетюшка Анзират, унося ребенка в хибарку. — Что бы ты ни говорила, долгой жизни тебе, доченька, этого сына своего большим увидеть тебе... Пошли аллах дожить тебе...

Зияда-хан насильно увела Шарафат со двора. Из хибарки доносилось всхлипывание ребенка и причитания убаюкивающей его тетюшки Анзират.

Сыдык-джан стоял на пороге калитки, не зная, вернуться ли ему во двор или выйти и пройти по улице. Если он вернется, то что

скажет старуха, какими глазами будет смотреть на него? А что подумала о нем Зияда-хан? Что завтра скажут люди, когда все это станет известным? Кого из этих людей и как он заставит поверить, что это все напраслина. А как покажется людям бедняжка Канизяк? Что она скажет?

Сыдык-джан присел на пороге калитки. Долгое время спустя послышались шаркающие шаги тетушки Анзират. Сыдык-джан быстро встал и вошел во двор.

— А, сынок, где это ты задержался?— спросила старушка.— Пойдем, скушай свой обед. Ты сам не свой.

Тетушка Анзират направилась к очагу. Сыдык-джан присел на супу. Ребенок спал. Тетушка Анзират принесла чашку жидкого супа и поставила ее перед Сыдык-джаном.

— Кушай, сынок, кушай... Ничего, ты не печалься, бывает так. Очень она вспылчивая.

— Тетушка, — заговорил Сыдык-джан дрожащим голосом, — что мне сделать, чтобы изгладить все это из вашего сердца? Из-за меня вы... таких слов слышались...

— Ничего, сынок, ничего. Если и пришлось слышать, то ради тебя, а не ради той молодки. Сынишка твой три-четыре дня помучается, а потом привыкнет. А куда это Канизяк скрылась? Ты кушай и сходи к Марусе. Если она там, то мы будем спокойны. Родной мой, сбегай побыстрей.

Сыдык-джан проворно поднялся. Ради тетушки Анзират он готов был пойти сейчас хотя бы на край света.

На стук Сыдык-джана вышел Андрей. Канизяк была у них.

Продолжение следует.

Перевел с узбекского Н. Изашев.

ТИМУР ФАТТАХ, С. МУХАМЕДОВ

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

Литературный сценарий

ДЕЙСТВУЮТ:

- Камаа — бригадир колхоза „Ильгари“, затем председатель колхоза „Новая земля“.
- Саодат — его возлюбленная, колхозница.
- Турсункул — председатель колхоза „Ильгари“.
- Шарофат — жена Турсункула.
- Кудрат-ота — опытный хлопкороб.
- Башарат — сестра Шарофат, колхозница.
- Шариф — бригадир колхоза „Новая земля“.
- Салима — его жена, дочь Кудрат-ота.
- Атабаев — секретарь райкома.

Хлопковые поля с раскрывшимися белыми коробочками, вереницы пирамидальных тополей вдоль дорог, черные шапки карагачей над водоемом...

Под звуки песни, торжественной и величавой, медленно проплывают пейзажи.

На бахчах из-под резной листвы плетей выглядывают дыни, арбузы...

Ряды инжирных деревьев, пронизанные косыми лучами солнца...

Тенистые аркады виноградников...

Яблоневые сады, обнесенные глинобитными дувалами...

Плоды гранатов в гуще темных кустов.

Плоские кровли селений, обрамленные зеленью тополей...

И опять хлопковые поля — бескрайние, открытые солнцу, все в раскрывшихся серебристых коробочках, с которых свешивается

белоснежное волокно. Словно соперничая с ними в белизне, на гори оште сверкают вершины ледяных гор.

И в контрасте с этой цветущей, плодородной, возделанной рукой человека природой возникает безводная пустыня.

Голая степь, выжженная солнцем, изрытая норками сусликов.

Белеют стебли трав, высохших под лучами палящего солнца. Подгоняемые ветром, катятся по степи огромные клубы перекаченной пыли. На бугорке неподвижно сидит степной орел...

Мелодия стихает. И тотчас же вступает народная песня. Широкий полноводный канал прорезал пустыню. Вдоль него высятся еще молодые тополя.

В стороне от него тысячи колхозников строят головной канал, трасса которого стрелой уходит вглубь пустыни.

Ковши экскаваторов вгрызаются в землю...

По насыпи вдоль канала идут народные певцы — хафизы в ярких халатах. Они поют народную песню. Их провожают восторженными возгласами.

Они идут мимо множества мужчин, женщин, седобородых стариков, работающих на дне канала, — в их руках в ритм песни взлетают и опускаются кетмени, — мимо транспортеров, что выбрасывают грунт на высокие насыпи; мимо автомашин, которые увозят землю от канала, мимо самоваров, кипящих вдоль трассы, мимо котлов над пылающими очагами, мимо санитарных палаток, временных жилищ строителей — бараков, покрытых цыновками, шалашей. А вдали видны силуэты строящихся новых колхозных домов.

Идут хафизы...

Седобородый старик Кудрат-ота, опустив кетмень, поворачивается, долго смотрит хафизам вслед. Они уходят все дальше. Песня медленно затихает.

Перед стариком вырастает фигура Башарат. В руках у нее глиняный кувшин и пшала.

Она протягивает старику пшалу, до краев наполтую светлой студеной водой.

Кудрат-ота с наслаждением выпил воду, приосанился, крикнул работающим в глубине канала строителям:

— Торопитесь, дети мои! Еще час, два, и воду мы будем пить не из чашек. Мы будем пить священную воду канала!

А Башарат уже бежала на дно канала. Со всех сторон к ней тянутся руки. Она быстро, привычным движением наливает пшалу, протягивает ее, не глядя, одному, другому строителю. Взгляд ее прикован к Камалу. Блеск солнца то вспыхивает, то гаснет на его полукруглом кетмене.

Третий колхозник-строитель взял из рук второго пустую пшалу, протягивает девушке.

Башарат быстро наполняет пшалу и, подбежав к Камалу, протягивает ему.

Осушив залпом пшалу, Камал говорит девушке:

— Спасибо. — Затем добавляет шутливо: — Желаю вам хорошего жениха!

- Хороший жених есть, но.. — Она замялась.
— Дайте воду и нам! — зовут девушку другие колхозники.
Башарат встряхнула пустым кувшином, весело ответила:
— Вся.
И побежала вновь за водой.
Колхозники шутливо кричат:
— Для одного Камала посите воду?
— А что, если увидит Саодат?..
Башарат отвечает задорно:
— Пусть ослепнет.
-

Призывно и мощно зазвучали карнай.

Вокруг плотины сгрудились тысячи строителей: пестрые, движущиеся, оживленные группы людей в запыленных одеждах — спецовках, халатах. В самом центре плотины, у шлюза, возвышаясь над всеми, стоит Кудрат-ота. Морщинистое лицо его строго. Медленным взглядом он обидывает толпу.

Карнай умолал. И в наступившей тишине зазвучал голос Кудрат-ота:

— Братья мои! Дети мои! Некогда на месте этой пустыни шумели селения, благоухали сады, и воздух оглашался блеянием овечьих отар. Плодородие было столь велико, что брось на землю старое колесо от арбы — из каждой спицы вырастет дерево. И трудолюбие народа было превыше похвал!..

Старики слушают, степенно поглаживая бороды. Слушают девушки, косы их закручены и уложены в пучок вокруг головы.

Слушает группа районных работников, одетых в кителя защитного цвета. Среди них — секретарь райкома Атабаев.

Кудрат-та продолжает:

— Но однажды, подобно саранче, черной тучею налетели орды Чингиз-хана. Они вознамерились отнять сады у земледельцев, овец — у пастухов, дочерей — у родителей и у семей — их мирный кров и очаг. Но предки наши любили свободу. Саблями, серпами, кетменями защищали они свою землю...

Слушает группа молодых колхозников, опираясь на кетмени. В центре их Камал, рядом с ним красивая девушка — Саодат.

Слушает в толпе молодежи Башарат, искоса поглядывая на Камала.

Слушают музыканты, опершись на свои карнай.

— Однако и меж благоуханных роз вырастает колючка. Предатели, которые привыкли честь свою обменивать на ханские кошельки, открыли дорогу врагу. Лиды Чингиз-хана ворвались сюда, разрушили, сожгли и ограбили селения, обратив цветущие земли в пустыню...

Слушают народные певцы.

Вдали, на арбе, возвышаясь над толпою, стоит и слушает группа строителей.

Слушают колхозные знаменосцы.

— Текли во мраке столетия. Поколения людей мечтали возвратиться сюда. Но только теперь, в счастливое советское время, нам с вами, братья мои, дети мои, — сынам великого Сталина, выпало счастье вернуться, оросить пустыню, воздвигнуть селения и вырастить здесь плоды.

Море голов зашевелилось, зашвигалось. Несутся восторженные возгласы, крики. Кудрат-ота медленно наклоняется, открывает шлюз. Вновь зазвучали карнай, сурнай и бубны.

В русло нового канала кипящим потоком, вся в брызгах и пене, устремилась вода.

Народ всколыхнулся, с радостными криками побежал вдоль канала вслед за водой.

На полях колхоза „Ильгари“ в разгаре сбор хлопка.

Группа девушек, ловко и быстро протягивая руки к коробочкам, поет шутливую лирическую песенку.

Эту же песенку поет Башарат. В то время, как она в одном из кушетов говорит о своем возлюбленном, мы видим Камала, который подошел к Саодат.

Заметив это, одна бойкая девушка отвечает Башарат частушкой, в которой намекает, что сердце ее возлюбленного занято другой.

Башарат бросает ревнивый взгляд на Камала и Саодат.

Саодат говорит Камалу взволнованно:

— Что делать, не знаю прямо. Председатель никак не хочет меня отпустить. Говорит: „Кто же останется здесь, если все уйдут на новую землю?“

— Не унывай, — отвечает Камал. — Я поговорю с председателем.

Башарат, следившая за ними издали, раздраженно срывает недозревшую коробочку хлопка, садится. К ней подсела сестра ее — Шарофат.

— Что с тобой?

Башарат взглядывает искоса на сестру. В глазах ее вспыхивают лукавые искорки. Она говорит насмешливо:

— Ох, и проста же ты, сестра. Пригрела в своем доме змею. А я ведь и тогда предупреждала тебя...

Шарофат резко обрывает сестру:

— Опять о Саодат?! Когда ты перестанешь говорить мне о ней? Если знаешь какую-нибудь тайну — скажи. Вот уже пятнадцать лет я с мужем живу, и ничего худого от него не видала. Стыдись!

Башарат отвечает язвительно:

— Какая там тайна! Я тебе добра желаю, а ты... Придет время — узнаешь!

Спешительно встает, начинает собирать хлопок.

Шарофат сидит в раздумьи.

Степь. Тишина. Лишь звучит неумолчное стрекотанье кузнечиков. Тополя ровным строем тянутся вдоль берегов канала. Вдали видна группа домов — новые еще, не осененные листвой деревьев.

Камал и секретарь райкома Атабаев идут по улице нового кишлака. Улица безлюдна, пуста. Остановившись возле только что отстроенного дома, Камал говорит Атабаеву:

— Дом Нурмата-Ахуна. Осталось кухню достроить.

— А окна?

— Что окна?

— Почему не застеклены?

— Без стекол степь лучше видна, — шутит Камал и заключает серьезно: — Наряд получил. Послезавтра будут и стекла вставлены.

Они идут дальше.

— Дом Хашим-джана, — говорит Камал, задерживаясь возле другого дома. — Все шесть комнат готовы. Не забыл даже построить курятник.

Атабаев одобрительно улыбается:

— Хозяин!

Они подходят к третьему дому. Кровли на нем еще нет, окна без косяков.

— Чей? — кивая на дом, спрашивает Атабаев и ближе подходит к двери.

Из нее, прямо под ноги Атабаеву, стремглав выскакивает заяц. От неожиданности Атабаев вздрогнул, потом рассмеялся, присвистнул вслед перепуганному зверьку.

— Чье это обиталище зайцев?

— Шариф-джана.

— Почему же не достроен?

— Да он что-то тянет и тянет, не хочет переезжать, что-ли... Все это сделано руками его жены Салимы.

— Что же он, ленив?

— Да нет, пожалуй. Упрям.

Они доходят до края нового кишлака.

Перед ними распахируется степь, необъятная, бескрайняя, лиловатая, светлеющая к горизонту, вся в бородавках высохших кустиков и колючек.

Атабаев и Камал идут по степи. Атабаев поднимает руку, как бы простирая ее над степью.

— Слышишь, — задумчиво говорит он Камалу, — стрекочут кузнечики? Но пройдет еще несколько лет, и мы будем с тобою слушать здесь пение соловьев. Здесь будут мычать стада, возвращающиеся с пастбищ. По улицам помчатся машины. И куда бы ни взглянул, повсюду белизна хлопка будет радовать глаз...

Они идут по степи, потрескавшейся от солища.

Из-под колючки выбегает ящерица, мелькнув, исчезает в расщелине.

— И все это, — продолжает Атабаев, — построим мы с тобой. Начинать всегда трудно...

Лицо Камала строго, сурово.

— Ты — председатель первого колхоза в этой пустыне. К тебе придут разные люди из окрестных колхозов. И к сердцу каждого ты должен суметь подобрать ключ. Знай, если хоть один поселенец уйдет, погибнет все дело.

— Знаю, — тихо отвечает Камал.

Они подходят к берегу большого канала, останавливаются. Оба молчат.

Перед ними, вся в воронках водоворотов, чуть подернутая рябью от степного ветра, течет вода, закованная в крутые берега.

Желтые листья тополей, кружась, осыпаются на воду, и течение плавно и медленно уносит их вдаль.

Поздняя осень. С деревьев слетают последние одинокие листья. Сквозь голые ветви деревьев виднеется узкая полоса зари. Звонкая переключка петухов вливается в музыку.

Кривая улочка старого кишлака пустынна. В утреннем тумане проступают смутные очертания глинобитных дувалов; прямо из тумана вырастает фигура скачущего всадника.

Это Камал.

Он сдерживает коня у ворот, стучит рукояткой камчи.

— Эй, Нурмат-Ахун! Солнце взошло. Пора запрягать лошадей.

— Уже запрягаю, — слышится со двора.

Камал подъезжает к другим воротам, кричит весело:

— Вставайте, поднимайтесь, друзья! Досыпать будете на новой земле...

Он скачет дальше, скрывается на повороте улицы за глинобитным дувалом.

Ворота Нурмат-Ахуна распахиваются. Нурмат-Ахун выводит коня, идет к противоположной стороне улицы, где стоит арба. Начинает запрягать. Его сынчик приносит хомут.

Улица оживает. Одна за другой открываются резные калитки, ворота. Переселенцы выносят на улицу объемистые тюки с домашним скarbом, сундуки, окованные жестью, кровати со свергающими шишечками, котлы, самовары, охотничье ружье, репродуктор, перепелку в клетке...

Отовсюду несутся возгласы, смех. Кого-то зовут.

На улице появляются овцы, телята. Мальчишка с бечевкой в руках гоняется за курами. И их кудачанье тоже вливается в общий шум.

В доме Шарифа семейная ссора. Многие вещи увязаны, кое-что еще разбросано. Среди тюков и вещей — Шариф и его жена Салима. Салима собирает мелочи. Шариф хмуро ходит по комнате.

— Куда ты спешишь! — восклицает он. — С голоду в пустыне погибнешь. Там ведь ничего еще нет. Что тебе будут записывать на трудодни? Верблюжью колючку?

— Что будет со всеми, то будет и с нами, — спокойно говорит Салима. — Не помрем.

— Так зачем же нам родной дом покидать? — всплескивает руками Шариф. — Я понимаю конечно, ты хочешь жить поближе к отцу, но я все равно не поеду.

— Как хочешь... А я все же переселюсь.

Салима заворачивает в скатерть вещи. Выходя на террасу, говорит как бы мимоходом:

— Да и отец тут не причем...

— Знаю, как он не причем. — Шариф раздраженно идет за женой. — Это он подбивает тебя.

Положив тюк на террасу, Салима возвращается в комнату. Шариф выходит следом за нею. Заметал на подоконнике еще горевшую лампу, со злобой задул ее.

Салима снимает со стены фотографию, платком вытирает с нее пыль. На фотографии — лицо юноши в военной форме.

— Не трогай карточку! — говорит Шариф.

Салима отвечает невозмутимо:

— Он не только твой, но и мой сын.

Салима только было вышла на террасу, как в калитке появился Кудрат-огла, отец Салимы.

— Что у вас тут такое? — строго спрашивает старик. — Вас на соседней улице слышно.

Салима пожимает плечами:

— Ничего нового, Шариф опять заупрямился.

— Слушайся мужа, Салима, — говорит старик назидательно. — Переехать всегда успеешь...

— Нет, отец, — решительно говорит Салима. — Я все равно поеду.

Ободренный поддержкой старика, Шариф окончательно выходит из себя:

— Ну и пожалуйста! — вопит он. — Переезжай. Я никуда не поеду... Я... Я...

Внезапно гасдается голос Камала:

— Готовы, Шариф?

Шариф умолк. В воротах появляется Камал верхом на коне, мутит:

— Мы с Атабаевым вчера на новой земле выгнали зайца из вашего дома... Ну как, собрались?

Шариф говорит хмуро:

— Я решил не переезжать.

— Почему, Шариф?

Шариф отводит глаза.

— В этом доме жили мои деды. Я здесь родился. И отсюда никуда не уеду.

— Как хот то, — усмехнулся Камал. — Вам видней.

Езко поворачивает коня.

Ворота председателя колхоза Турсункула. Подъезжает Камал, негромко стучит.

— Кто там? — спрашивает за воротами женский голос.

— Это я, Камал... Саодат уже встала?

Калитка открывается, в ней Башарат.

— Ее нет, — говорит она. — Саодат вчера куда-то уехала.

Камал в раздумьи перебирает поводья.

— Простите, напрасно вас потревожил.

Башарат подошла, обхватила рукой голову его коня. Ее ресницы вздрагивают, — сладостно и в то же время чуть насмешливо. Она говорит тихо:

— Каждый раз вы спрашиваете или председателя или Саодат. Скоро ли придет тот день, когда вы вызовете к калитке меня?

— Кто же будет спрашивать Саодат, если не я?! — с вызовом отвечает Камал.

— Есть и другие...

— Например?..

— Например мой зять... председатель... Он решил не пускать ее на новую землю.

Камал пристально взглянул в глаза девушке. Та рассмеялась: — Загадала я вам загадку?! А вот вам и вгоря: вместо Саодат решили отправить меня. Почему? Отгадайте.

Камал нахмурился, круто повернул коня, резко сказал:

— Все равно Саодат переедет.

И, прищипорив лошадь, поскакал по улице.

Глядя вслед ему потемневшими глазами, Башарат глухо проговорила:

— Я сломию твою гордость!..

За ее спиной из калитки выглянула Саодат:

— Кто это был?

— Твой возлюбленный, — презрительно бросила Башарат. — За тобой приезжал.

Круто повернувшись, она ушла во двор.

Саодат бросила изумленный взгляд вдоль улицы, заметила спину скачущего всадника, крикнула:

— Камал!..

Рванулась за ним, побежала.

Камал едет, опустив поводья. Видно, что его мучит какая-то мысль. Сзади доносится окрик:

— Камал!..

Юноша обернулся, увидел бегущую Саодат. Стремительно соскочил с коня возле огромной облетевшей плакучей ивы, длинные и тонкие ветви которой свисают подобно тысяче девичьих кос.

Саодат подбежала и, задышав от усталости, счастливая, положила свою голову Камалу на грудь.

Звучит лирическая мелодия. Башарат вновь появилась в калитке. Увидела влюбленных.

Камал нежно гладит волосы Саодат.

Она говорит тихо:

— Председатель вконец заупрямился. Что бы ни было, возьми меня с собой, Камал.

— Ну, конечно же. Я одну тебя не оставляю.

— Я верю тебе... Я знаю... Но они... Они хотят нас разлучить...

— Мы будем вместе, Саодат. Нас не разлучит никто, никогда.

Кишлачный перекресток возле правления колхоза „Ильгари“. Меж грузовиков, меж арб, груженных сельскохозяйственным инвентарем, снуют отъезжающие. Все веселы, оживлены.

Мычат привязанные к арбам коровы.

На одной из арб сидит мальчик, обняв кудрявого ягненка с бубенцом на шее. С другой арбы рвутся на волю связанные куры.

Паренек с патефоном в руках оживленно перебегает от одной группы людей к другой. Председатель колхоза Турсункул бросил нетерпеливый взгляд на часы, кого-то поискал глазами в толпе. Потом подошел к Кудрату-ота, взволнованно спросил:

— Где Камал?

В толпе появляется Камал верхом на коне.

Поспешно соскочив наземь, он отводит в сторону Турсункула:

— Почему вы не отпустили Саодат?

— Я же тебе говорил, — спокойно отвечает Турсункул.

— Неужели вся работа колхоза без Саодат остановится?

— Ты уезжаешь, — ворчит Турсункул, загибая на руке палец, — Хашимджан-ота уезжает. Нурмат-Ахун тоже уезжает... И еще Саодат отпустить. С кем же я буду сеять хлопок?..

Послышался шум машины. Они оборачиваются.

Из подъехавшей машины выходит Атабаев.

— Что вы запаздываете? — говорит секретарь райкома, — Чинабские уже давно выехали...

Камал и Турсункул молчат. Атабаев пронизательно смотрит на них:

— Что случилось?

— Да вот, — смущенно говорит Турсункул. — Камал требует, чтобы я отпустил Саодат, а я объясню, что не могу ее отпустить. Все уедут — кто же тогда в колхозе останется?

Атабаев смотрит на хмурое лицо Камала, затем спрашивает Турсункула:

— Неужели колхоз не может обойтись без Саодат?

— Нет, не может. И так мало остается в колхозе молодых знатоков хлопка.

Атабаев задумался.

Камал поднял голову. Во взгляде его сверкнула надежда.

— Ладно, — сказал Атабаев, — пусть Саодат остается. — Он подбадривающе улыбнулся Камалу. — Ну, пора в путь, друзья. И так уж люди заждались.

Он сел в машину и уехал.

И сразу зашумела, пришла в движение толпа на перекрестке.
— Двинулись, товарищи! — громко крикнул Камал.
Послышались прощальные возгласы. Загудели машины, заскрипели арбы.

В толпе на мгновение мелькнула Саодат с большим узлом в руках. Камал увидел ее, бросился к ней.

Саодат тяжело дышит. Видно, что она бежала. Камал держит ее руки в своих, о чем-то долго говорит. А мимо них проезжают последние арбы с привязанными позади коровами. Проходит верблюд, запряженный в арбу. Старик, сидя на ишаке, сердито подгоняет его:

— Хх... Хх...

Площадь опустела. Узел лежит у ног Саодат. Камал горячо говорит ей:

— Мне пришлось согласиться. И тебе тоже на время придется примириться с этим. Поверь мне, Саодат, где бы я ни был, все равно никто не сможет нас разлучить. Все мысли мои будут с тобой — каждый день, каждый час... Клянусь тебе: скоро, очень скоро мы опять будем вместе. Навсегда.

У Саодат задрожали ресницы, по щеке покатилась слеза. Она говорит тихо:

— Хорошо, Камал. Лишь бы ты меня не забыл...

Он все так же держит ее руки в своих. Не в силах оторваться один от другого, они смотрят друг другу в глаза долгим прощальным взглядом.

Наконец Саодат, встряхнув головой, говорит:

— Ну, поезжай.

Вывав свои руки из рук Камала и подхватив узел, она пошла, не оглядываясь, вдоль улицы.

Камал мгновение постоял, затем быстро подошел к коню, вскочил на него и поскакал.

Саодат обернулась и долго смотрит ему вслед.

Калитка дома Шарифа. Прислонившись к дувалу, на короточках сидят Шариф и письмоносец. Шариф небрит, всклокочен. Он читает письмо. Письмоносец слушает, сочувственно покачивая головой. „...И если ты хочешь обрадовать своего сына, поезжай на новую землю. Не оставляй маму одну. Твой сын Аскар.“

— Хороший у вас сын, — одобрительно говорит письмоносец.

Шариф хорохорится:

— Все равно не поеду. Уж если я сказал, значит твердо.

Поднялся и, кивнув письмоносцу, идет во двор.

Во дворе грязно, слабый ветер метет обрывки бумаги, лоскутки, почерневшие листья винограда. Видно, что здесь давно не гулила метла.

Едва открыв дверь в комнату и переступив порог, Шариф мгновенно зжмуривается от едкого дыма и бросается открывать окно, — одно, затем другое. Что-то ворча про себя, он подбегает к

очагу, в котором чадят сырые дрова. Чиркает спичкой, но дрожащий огонек гаснет от густого дыма.

— Я тебе! — вслух грозит он спичке, вновь вынутой из коробки.

Спичка опять тухнет. Шариф кулаком протирает слезящиеся глаза. Тянет руку за новой спичкой, но коробка пуста. В ярости Шариф швыряет коробку и бросается к сапогам.

— Схожу, только письмо отнесу, — бормочет он, как бы перед кем-то оправдываясь.

Трое колхозников верхом едут пустынною степью. Их щеки обросли густой щетиной. Они разговаривают между собой с той степенной медлительностью, с какой обычно говорят в пути.

— Пересечь-то переехали, — добродушно ворчит один. — Да пока наш председатель все неладит — ох, много воды утечет.

— На то и пустыня, — снисходительно отвечает другой. — Однако, председатель, видно, парень боевой. В мельничное колесо его брось — выберется.

— Уж ты скажешь тоже, Карвон, — говорит третий. — Видали мы и не таких боевых. А этот... слова из него не вытянешь. Вчера на собрании сидит и молчит. Вот если б меня в председатели, за мной бы и соловью не угнаться...

Карвон отвечает насмешливо:

— Есть люди, у которых разговоров полон мешок, а как дело коснется — их в Самарканде ищи. Тебе такой, что ли, председатель нужен? Я все-таки думаю, что он деловой человек и с хорошей головой.

Навстречу всадникам по степной дороге уныло бредет Шариф. Он так же небрит, как и всадники.

Они заметили его, кричат:

— Э, Шариф! Куда путь держишь?

Не отвечая, Шариф проходит мимо.

Карвон смеется.

Всадники едут дальше.

Навстречу им, легко работая ногами, мчится велосипедист. Зверкают на солнце спицы колес.

Поровнявшись с всадниками, велосипедист останавливается, слезает с велосипеда.

— Далеко ли колхоз „Новая земля“? — спрашивает велосипедист. Вы не оттуда случайно?

— Оттуда. Так прямо и езжай.

Поглядев на обросших всадников, велосипедист улыбнулся, сказал весело:

— Ну, как ваш колхоз? Хорош?

— Да хорош... Только многого нехватает еще.

— Нехватает? А едете то куда?

— В парикмахерскую едем. Да чего ты пристал?! — раздраженно воскликнул Иргаш-Али, тот самый колхозник, что считал себя красноречивее соловья. — Куда едете?.. Чего нехватает? Каков

твое дело? Парикмахера нехватает. Вот и едем бриться в такую даль... Поехали! — решительно говорит он, обращаясь к товарищам.

Велосипедист вдруг преграждает им путь:

— Простите... Вы сказали неправду. Парикмахер у вас есть. Стоит ли вам время терять, в такую даль ехать?!

— Сказано — нет парикмахера, значит нет, — хмуро говорит Иргаш Али. — Чего встал на пути?

— Опять сказали неправду. Есть парикмахер. Давайте поспорим, а?!

В разговор вмешивается первый колхозник:

— Да я вижу, тебе снятся волшебные сны.... Хочешь спорить — давай поспорим. Я говорю: в колхозе нет парикмахера. Играю на твой велосипед.

— Дав-й, — говорит велосипедист.

Колхозники переглянулись, подмигнули друг другу, повернули лошадей.

Велосипедист едет с ними.

Улица нового колхоза, уже обжитая: бродят куры, дремлет пес у калитки, издали доносятся людские голоса. Шариф подходит к своему дому. Над домом уже возведена крыша, блестят чисто вымытые окна, журчит арык у порога.

Не стучась, Шариф входит в калитку.

Салима, подметавшая двор, увидела мужа, обрадовалась:

— Какой ветер тебе принес?

Протягивая ему тряпку, чтобы он стер пыль с сапог. Шариф вытирает сапоги, выпрямляется и лишь после этого важно отвечает:

— Вот, прочти это письмо, узнаешь, какой ветер.

Достает письмо из складок шелкового пояса, протягивает жене.

— Не беда ли какая стряслась? — испуганно говорит Салима, входя вслед за Шарифом в комнату.

— Все в порядке, — упрямо отвечает Шариф. — Но вы все будто стов рились против меня..

— Ну, как он? Жив? — тревожно спрашивает Салима, вынимая из конверта письмо. — Когда вернется?

— Не пишет, — небрежно бросает Шариф. — Этот желторотый плетенец ругает меня. Ну, сними сапоги...

Салима начинает стаскивать с Шарифа сапоги. Он продолжает:

— Ругает за то, что я не поехал с тобой.

— Молодец, — тихо говорит Салима.

— Ладно, ладно, — ворчит Шариф. — Петухов стали пылать учить.

Правление колхоза. На письменном столе стоит небольшое зеркало, бритвенный прибор, флакон одеколона.

Велосипедист, намыливая лицо Камала, весело говорит:

— Значит, теперь у меня два велосипеда, председатель. Если вам понадобится съездить в район, любой из них одолжу...

Камал нервничает, — видимо, торопится.

Парикмахер продолжает столь же словоохотливо:

— Еще д-нь, и из вашей бороды можно было бы заплетать косы. Удивляюсь, как до сих пор жена вас из дома не выгнала.

— Какая жена?

Парикмахер хитро прищурился, — говорит почти стихами:

— Верно у вас есть луноликая, черноглазая, дугобровая, с румянцем, как яблоко, личиком, стройная, как тополь, любовь которой подобна полноводной реке, губы подобны бутону розы, сладкоречивая, даже не жена, а любимая женушка.

— Нет, — улыбнулся Камал.

— Не может быть, — прорусличенно удивился парикмахер, продолжая неистинно намылывать бороду Камала. — Ну, уж в это я не поверю. А если жены нет, верно невеста-красавица есть?

Камал нахмурился.

— Поторопитесь, мастер.

— Сейчас, сейчас... Через минуту ваши щеки будут блестеть подобно двум зеркалам.

Принимается не спеша точить о ромень бритву.

Канал. Вода в нем по-осеннему чиста, прозрачна.

Чьи-то сильные руки разбивают катменем заерзшую землю — пласт за пластом.

Вспотевший Камал платком оттирает лицо. Вдали видны другие работающие колхозники.

Камал обертывает платок вокруг пояса, вновь поднимает кетмень. Слышен голос Кудрата-отца:

— Отдохни, сынок. Скоро конец...

Оба присели на землю.

Оглядывая далекий горизонт пустынной степи, Камал задумчиво спрашивает:

— Получится ли у нас что-нибудь, ота?

Кудрат-ота удивленно вскинул на Камала глаза:

— Раз начал дело — будь твердым. Землю надо любить. Как жену любить, как невесту. Сколько ты подаришь ей ласк, столько она тебе их и вернет...

Понед их глазами степь, зимняя, неприютная. Лишь недалеке, переваливаясь с боку на бок, ковыляет одинокая ворона.

Кудрат-ота продолжает:

— Трудолюбивого человека и земля уважает. Хочешь полной жизни — дерзай. И тогда даже и эта земля вознаградит тебя, сын мой.

Камал мечтательно улыбнулся.

— Земля-то хороша. Как бы только с нее соль смыть...

Они встают. Несколько ударов кетменя — и кипящие, пенящиеся воды канала, увлекаемая за собой комья земли, устремляются сквозь выемку, прорубленную Камалом и Кудратом-отца. Возникает музыка — это музыка воды.

Вода бежит в степь, растекаясь все шире и шире. Поднялась горюха и, покружившись, улетает прочь.

Над вземкой у кивала стоит опершись на кетмни, Кудрат-та и Камал. Их лица взволнованы. Они озирают взглядом степь, до гор зонта залитую водой...

В ритме той же мелодии возникает та же степь — замерзшая, блестящая как зеркало под лучами негнущего зимнего солнца.

Снова возникает степь, — теперь уже весенняя, пабузшая, как тесто. Легким пологом поднимается над ней пар...

И снова степь. Но сейчас на ней уже работают тракторы, поднимающие некую целину.

А у кивала, в тех же позах, опираясь на кетмни и озирая взглядом степь, стоят Камал и Кудрат-ота.

Поле на новой земле. Трактор тащит за собой борону. Вдали видны еще трактора.

По полю идет Камал. Его догоняет запыхавшийся Шариф, сильным рывком остаивается за плечо, возбужденно восклицает:

— Хлопок... Хлопок здесь сеять задумал? Ты погубишь колхоз и себя!

Камал насмешливо улыбается:

— До сих пор я не слышал, чтоб кто-нибудь, посеявший хлопок, губил себя.

Спокойствие понемногу переходит и к Шарифу.

— Подумай сам, братец, — начинает он жалобно. — Я тоже хлопковод... Но чтобы на новой земле с первого же года сеять хлопок? Не-ет... Ведь здесь пустыня, земля соленая, сажать в нее семена — только губить!

Камал не колеблется, берет в ладонь горсть земли:

— Посмотрите, Шариф. Земля сама просит, чтоб здесь сеяли хлопок. Ведь некогда эта земля была возделана, орошена, плодоносяща. Каждая горсть ее была на вес золота...

Он разтер землю в ладонях и легким движением руки развеял ее по ветру.

— Вот, вот. Правильно, — обрадованно закивал Шариф. — Все это было когда-то. А сейчас — просто соленая степь. Пустыня. Разве хлопок здесь вырастет? Опозоришься, братец, и нас опозорит.

Показывая на землю пальцем, сердито потрясая им, Шариф восклицает:

— Ведь это все соль, соль...

— Соль была, да нет ее, — снисходительно улыбнулся Камал. — Вас не было а мы работали. Хорошоенько перепахали, промыли землю, и вот снова вспахали. Теперь как бы только с севом не запаздать!

Они подходят к группе колхозников. Равномерно взмахивая кетмнями, колхозники ржут орды.

— Как работа? — весело спрашивает Камал. — Идет?

— Ничего, председатель... Спасибо...

— Все хорошо, — подхватывает Иргаш-Али. — Да тенистого карагача нехватает! И водоема...

— Не спеши! — усмехнулся Карвон. — Успеешь еще насладиться в райском саду.

Прямой ший было Шариф говорит мрачно:

— Нечего сказать, хорош рай. — И вдруг снова вскипает. — Все равно у вас ничего не получится. И не хочу из-за твоего упрямства терять честь хлопкороба. Не буду больше бригадиром. Освободи.

— Что же вы думаете, никто кроме вас не дорожит своей честью? — спокойно спрашивает Камал.

Кудрат-ота, степенно прислушивавшийся к разговору, неожиданно говорит:

— Сказали мудрые: „Старательный — скалу тупым гвоздем пробьет, упорный — снег в печи, как хворост, разожжет“.

Колхозники одобрительно закивали.

Шариф постоял еще секунду, потом вдруг нелепо взмахнул руками и в страшной злобе неистово и несвязно закричал:

— Бригада... Выходи-и!.. Салима... В своем кишлаке будем хлопков сеять... В своем кишлаке... Выходи-и!..

Колхозники в растерянности переглаживают. Салима смотрит с изумлением на мужа.

— Ну, чего стоишь? — прикрикнул на нее Шариф. — Идем...

Отставив в сторону кетмень, Салима спокойно подходит к мужу, тихо говорит:

— Опомнись... Ты меня перед всеми позоришь... Как я смогу людям в глаза глядеть, если вернусь в старый кишлак?.. Никуда не поеду.

Раскрыв рот, Шариф некоторое время глядит на жену, намереваясь, видимо, раскричаться, но вдруг делает гневный жест рукой и громко говорит бригаде:

— Решайте сами. Кто хочет за мной?..

Поворачивается и уходит.

В бригаде замешательство. Иргаш-Али переглянулся с Каюм-Биданой; оба нерешительно закидывают кетмени на плечи и, не глядя на Камала, уходят вслед за Шарифом.

За ними еще двое колхозников отделяются от бригады.

Камал молча смотрит им вслед, тихо, с досадой произносит:

— Ах, нехорошо... Нельзя было Шарифа назначать бригадиром.

Салима подходит к Камалу. Лицо ее бледно. Опустив голову, она говорит глухо:

— Это я виновата. Я виновата, что просила вас назначить его бригадиром вместо меня. Мне казалось — так будет лучше...

— Не горюй, Салима. — ласково отвечает Камал и оборачивается к бригаде. — Что ж, давайте за работу. Бригадиром будет...

Окидывает взглядом колхозников.

— .. оп ты Салима.

Салима вдрогнула, обрадованно взглянула на Камала.

Шариф в сопровождении четырех, покаявшихся новую землю, колхозники в походит к невысокому, под железной крышей, зданию райкома. Улица районного центра оживлена. Поодаль от здания райкома у стены к конюшням привязаны оседланные лошади. В стороне виднеется чайхана.

Шариф говорит гордо и самонадеянно:

— Будьте спокойны. Уж если я скажу — мне Атабаев поверит. Он сразу поймет... — И тоном приказа добавляет:

— Подождите здесь. Я быстро...

Он всходит на крыльцо и скрывается в дверях.

Колхозники неспеша располагаются, кто присев на скамью, кто на ступеньки, кто на корточках, прислонившись к стене.

Иргаш-Али закладывает под язык: насвой. Вдруг настораживается и, поспешно поцеловав концы своих пальцев, проводит ими по левой брови, тревожно вздыхая:

— Левая бровь задергалась... Но к добру... Вряд ли что выйдет...

— Да у тебя, Иргаш-Али, всю жизнь дергается левая бровь, — насмешливо замечает Каюм Бидана.

Третий колхозник зевнул, стал уstraиваться поудобнее.

— Пойдемте в чайхану, чаю поьем, — предлагает Каюм Бидана.

Иргаш-Али, все еще сосредоточенно поглаживая свою бровь, степенно отвечает:

— Не спеши. Сейчас Шариф выйдет, тогда и поьем...

Те же колхозники, там же. Но сидевший у стены уже полулежит. Каюм Бидана, сидя на скамье, свесил голову на грудь, дремлет. Иргаш-Али лениво жует кусок лепешки.

На пороге появляется Шариф. Он мрачен, но бодрится, делает вид, что все в полном порядке. Говорит преувеличенно весело:

— Пошли!

Колхозники встают, окружают Шарифа:

— Ну, как? Убедил Атабаева?.. Что он сказал?

— Убедил, — серьезно отвечает Шариф. — Только нам придется вернуться к Камалу.

— К Камалу? — удивляются колхозники. — На новую землю? Кто же кого убедил?

— Кто?! Кто? — раздражаясь, передразнивает их Шариф. — Вы вот попробуйте. Пойдите, убедите...

— Что же теперь будем делать? — растерянно спрашивает один из колхозников.

Шариф молчат.

Каюм Бидана бормочет с тоскою:

— Вернувшись... С каким лицом? Стыдно будет в глаза людям смотреть...

— Эх, — вздыхает Иргаш-Али. — Знал же я... Заранее знал: как ва Шарифом пойдешь — толку не будег. И как я поверил! Сам не понимаю...

— Ну вот, — ворчит Шариф. — Сразу уж я вам и разонравился. Увидите еще, кто был прав...

Иргаш-Али с досадой машет рукой:

— А-а, ладно.

Все направляются к чайхоне.

Раннее утро. Поле колхоза „Ильгари“. Колхозники прореживают молодые всходы хлопчатника. Среди работающих Саодат. Она поет песню. Это песня тоски и печали, песня о любимом: возвратится ли он, думает ли о ней, не забыл ли...

Песня Саодат замирает вдали, слов уже не слышно, звучит лишь голос ее, лишь мелодия, полная грусти.

Двор Турсункула. На террасе Шарофат убирает со стола посуду. Башарат говорит негромко, как всегда, внешне бесстрастно, но с тем острым огоньком, что на мгновение вспыхивает в ее глазах и который она так же мгновенно тушит:

— Непроста он не отпустил ее на новую землю. Без ветра макушка тополя не заколышется... Ты даже и не подозреваешь — это такая чертовка. Одним своим взглядом она любое сердце покорит. Вот так и Камала она сбила с пути. А тот простак-парень, поддался этой лисе...

Вдыхает. Продолжает, помолчав:

— Ах, Саодат, Саодат... Многим становишься ты поперек дороги... Ну, да ладно. Есть в мире возмездие. Не сегодня-завтра оно обрушится на тебя.

Шарофат замерла с пивалой в руках, говорит задумчиво:

— Не пойму, что происходит... Столько лет прожили, и неужели теперь... О боже, если я доживу до этого дня, я выколю ей глаза...

Башарат, довольная, отвернулась, скрывая улыбку. Но в голосе ее все та же серьезность, искренность, страсть.

— Ну, хорошо... Саодат он не отпустил, а меня? Меня почему он не отпускает?

Шарофат молчит. Слышна песня Саодат. Башарат продолжает:

— Шарофат, уговори его, чтобы он меня отпустил. Тебе он не откажет.

— Дя что ты?! — удивленно восклицает Шарофат, вновь прерывая работу. — К кому ты поедешь? Где будешь жить? Брось даже думать об этом. Саодат — дело другое. Не все ли равно ей, где жить?

— Нет. Не все равно, — убежденно говорит Башарат. — Она должна быть здесь.

— Что с тобой? — в полном изумлении оборачивается к ней Шарофат. — То ты говоришь — зачем ее удерживать, то — она должна быть здесь! Не понимаю тебя...

Башарат загадочно усмехается, встает, говорит на ходу:

— В том-то все и дело, что не понимаешь... Чем дальше Саодат будет от него — тем лучше...

И скрывается в дверях.

Двор старой мастерицы Кумри-хала. Ее специальность — оканчивать завершать уже вышитую тюбетейку: подшить подкладку, прошить ее нитками и т. д. Она сидит на козьей шкуре, разостланной на айване, и работает. Раздается женский голос:

— Тюбетейка Саодат готова?

Кумри хала поднимает глаза.

Перед ней Башарат.

— Нет, дочка, еще не готова... У меня срочный заказ от Карым-Понсата, он вылает дочь замуж...

Старуха достала из плетеной корзины несколько незаконченных тюбетеек и, взяв в руки ту, что вышила Саодат, восхищенно сказала:

— Очень хорошо вышивает Саодат. Молодец девушка!

Башарат с завистью взглянула на чудесную тюбетейку:

— А не найдется ли у вас другой тюбетейки точно с таким же узором?

— Такой же?

— Да, я бы купила...

Старуха удивилась:

— Так почему же тебе не заказать самой Саодат?

— Я не хочу заказывать Саодат. Она вышивает слишком долго... Мне нужно срочно...

— Что ж, дочка. Ладно. Придется для тебя постараться.

— Я заплачу вам дорожку, — горячо говорит Башарат. — Только, пожалуйста, сделайте поскорее... Когда к вам притти — дня через три?

Старуха посмотрела на нее с удивлением:

— Боюсь скорая... Да ладно уж, для тебя... — Старуха улыбнулась. — Хотелось бы мне знать, какому счастливому юноше собираешься ты ее подарить?

Башарат загадочно улыбнулась.

— Значит, Кумри-хала, через три дня я забегу. До свиданья.

На краю хлопкового поля, у дороги, стоит Шариф с ведром. Он поит коня, запряженного в арбу, и жалуется ему вслух:

— Пей, друг мой! Мы оба несчастны. Меня, хорошего хлопкороба, сделали арбакешем. Но ничего, теперь они наплачутся... Видишь хлопок? — Шариф показывает рукой на поле.

К арбе сзади подходит Салима, прислушивается.

— Еще хочешь пить? Нет... — продолжает Шариф. — Пусть смеются. Мне и арбакешем хорошо. — Однако в голосе его звучит горечь. — Мы не унываем, правда, друг?

— С кем это ты? — удивленно спрашивает Салима, подходя ближе. — С кем разговариваешь?

Шариф нахмурился.

— С кем же еще арбакешу разговаривать, как не с конем...

— Скажи спасибо, хоть арбакешем назначили! — гневно говорит Салима. — Если бы не Камал, тебя выгнали бы из колхоза! Хорошо еще, что об этом не знает Аскар.

— Ты о снне не говори! — восклицает Шариф. — Он тут не причем! В арбакеши меня превратили? А кто был прав? Какой у вас хлопок! Гляди!

Напившись, конь поднял голову, фыркнул, поглядел на Салиму, потом на Шарифа.

— Напился, друг? — Шариф ласково похлопал коня по шее, повесил ведро на гвоздь, вбитый в оглоблю, сел на коня и, опустив ноги на оглобли, говорит жене:

— Ничего, товарищ бригадир! Мне-то что с тобой разговаривать! Хлопок за меня говорит! Вот он! — И, насмешливо кивнув в сторону поля, Шариф тронул лошадь.

Арба заскрипела.

Перед глазами Шарифа проплывает поле, поросшее молодыми всходами. Зеленые пятна всходов перемежаются с огромными плосинами — это засоленные места, на которых не взошел хлопок.

На поле стоят, оглядывая его, Камал и Кудрат-ота. К ним подходит Салима, спрашивает тихо и виновато:

— Что же теперь будет?

Камал и Кудрат-ота молчат.

— А может быть... — робко начинает Салима. — Может быть можно досеять?

— Я уже думал об этом, — не оборачиваясь, отвечает Камал. — Но поздно... — поднимает глаза на Салиму. — Поздно, Салима. Наступили теплые дни. Была бы обычная земля — дело другое. А тут... соль уже начала просачиваться наверх... Эти-то всходы выдержат. А новым всходам соль подняться не даст... — Вдыхает. — Проклятая соль...

Вновь наступило молчание. Неожиданно Кудрат-ота присаживается на корточки, задает вопрос:

— Салима! Помнишь, зимой выпал снег... Мы проснулись, а за окном на сарае вся крыша в снегу. Когда это было?

Салима с недоумением смотрит на старика:

— Снег?.. Помню. Это... это было... — Оживившись. — Я же поехала в тот день в район... За три дня до нового года, вот когда это было!

Старик кивнул и забормотал про себя, чуть покачиваясь:

— Три дня да четыре — семь. Та-ак... А потом... — И, видимо, уже мысленно отвечая на что-то самому себе, повертел пальцем.

Камал и Салима изумленно посмотрели друг на друга.

— А когда, — вдруг снова спросил Кудрат-ота, — когда у нас собрание было? Помнишь, Атабасв приехал, машина его вся в грязь, а тут с крыш течет. Когда?

— Да зачем тебе это, отец? — удивленно восклицает Салима.

— Не мешай, — сурово говорит Кудрат-ота, что-то мучительно вспоминая. — Ну, когда?

— По-моему... — нерешительно начинает Камал. — Это было так числа пятнадцатого января, а может быть восемнадцатого...

— Пятнадцатого или восемнадцатого?..

В голосе старика раздражение.

— Сейчас, сейчас... — Камал вспоминает что-то. — Тринадцатого меня вызвали в райвоенкомат... А это на следующий... Четырнадцатого. Вот когда это было!

Старик опять кивнул, стал про себя что-то подсчитывать, задумался.

Салима и Камал в недоумении смотрят на него.

Старик, наконец, облегченно вздыхает, встает. Лицо его просияло.

— Будем досевать! Все будет хорошо! — говорит он уверенно.

— А жара? А соль? — удивился Камал.

— Говорю: все будет хорошо — значит будет! — еще с большей уверенностью отвечает Кудрат-ота. — Не сегодня — завтра начнется похолодание и продержится несколько дней. Я-то уж знаю погоду. Соль выступить не успеет. Давайте досевать.

Ночь. Двор Турсункула, залитый лунным светом. В небе плывет диск луны в разрывах быстро несущихся облаков. Макушки тополей шумят, трепещут от ветра.

Саодат и Башарат спят на террасе.

А на высоком шипане — террасе, что находится посреди двора, на постели сидит Шарофат, покачивая колыбель. Она тихо поет колыбельную песню. В глазах ее слезы.

Во двор входит Турсункул.

Шарофат обрывает песню, вытирает украдкой глаза.

Турсункул поднялся на шипан, пристально взглянул на жену, спросил ласково:

— Что с тобой, Шарофат?

Шарофат отвернулась, молчит.

— Что случилось?

Шарофат круто поворачивается к мужу, восклицает:

— Натворил дел, да еще спрашиваешь?!

— О чем ты? — вконец изумился Турсункул.

Шарофат показала на голову Турсункула:

— Кто тебе подарил тюбетейку?

— Как кто подарил?! Твоя дочь — Саодат. Вставай, неси кушать, — сказал он уже другим тоном, считая, видимо, разговор исчерпанным.

— Моя дочь?! — закричала вдруг Шарофат. — Она мне не дочь. Взяла в дом сироту, приютила, а теперь... Теперь она принесла мне горе... Что ж ты думаешь, я не понимаю — почему ты не отпустил ее на новую землю?! Думаешь, я...

От крика ее проснулся и заплакал в колыбели ребенок.

— Перестань кричать, — властно перебивает ее Турсункул. — Подумай, что соседи скажут...

— Пускай слышат! Пускай! — ожесточаясь, кричит Шарофат. — Скажут, что Турсункул на старости лет с ума сошел. Бросил жену и детей ради какой-то девчонки!

— Шарофат, опомнись. Как не стыдно тебе. Хватит говорить глупости. Вставай, неси кушать...

— Стыдно... — вопит Шарофат. — Пусть тебе будет стыдно. Пусть Саодат готовит тебе еду. С этого дня или я буду жить здесь, или твоя возлюбленная, Саодат...

— Замолчи! — прикрикнул на жену Турсункул, гневно поднялся и ушел с шипана.

От крика проснулись Саодат и Башарат, приподняв головы, прислушиваются.

В ярости Шарофат сбегает вслед за Турсункулом с шипана.

— Ага! Теперь, когда тебе сделалась мила Саодат, я стала плохой?!

Из за глинобитного дувала показалась женская голова, вторая.

— Если эта бесстыдница тебе дорога, — кричит Шарофат, — отпусти меня. Я не желаю с ней жить в одном доме!

Саодат подбегает к Шарофат, говорит тихо и гневно:

— Стыдно вам...

Та, словно ужаленная, обращивается к ней, вопит:

— Мне стыдно? А тебе не стыдно?.. — В бешенстве Шарофат наступая на девушку. Саодат пьтается от нее к воротам. — Если бы у тебя была совесть, ты не отбила бы пожилого человека, у которого есть жена и дети... Уйди... Видеть тебя не хочу... Уйди прочь, проклятая...

Саодат распахнула калитку, вышла на улицу.

Турсункул, ошеломленный, стоит посреди двора.

На улице у калитки — группа сбежавшихся на крик колхозников молча расступается перед Саодат. Простоволосая, босая, она идет мимо них, низко опустив голову. Вступает музыка.

Салиджан, седобородый колхозник, сочувственно посмотрел девушке вслед, нерешительно двинулся за нею. Догадал, сказал ласково:

— Не горюй, дочка!.. Остановись! Куда ты пойдешь ночью?..

Саодат подняла на него полные слез глаза, прошептала:

— Отец...

И, не в состоянии сказать больше ни слова, торопливо пошла дальше.

Тренещут, шумят макушки тополей.

Облака набегают на луну...

И сразу стало темно на улице, в конце которой уже смутно угадывается фигура Саодат.

Турсункул стоит у своей калитки на улице. К нему подходит Салиджан, говорит:

— Где у тебя совесть, Турсункул!.. Куда она пойдет одна, ночью...

— Салиджан, — умоляюще бормочет Турсункул. — Остановите ее!.. Пожалуйста!.. Если пойду я, опять подумают нехорошее... Ума не приложу, что делать... И кто все это выдумал...

Гневно взглянув на Турсункула, Салиджан уходит.

А Саодат уже идет стенью. Порыв ветра доносит до нее глухие возгласы:

— Саодат!.. Саодат!..

Девушка оглянулась, увидела позади граду темных тополей, окружающих кишлак, мгновение постояла...

И пошла по степи дальше...

Кабинет секретаря райкома. Хиурое утро. От ветра одна стена покачивается на шарнирах, скрипит.

В кабинет входит Камал.

Атааев встает из за стола, подает ему руку.

— Вы меня вызывали?.. — спрашивает Камал.

— Да, есть серьезное дело. Но прежде скажи, как у вас там дела? Досеяли?

— Досеяли, — просияв, отвечает Камал. — Как видите, — Кудрат-ота был прав. Поглядите, погодка-то! — кивнул он в окошко. — Только бы дней пять-шесть проклада продержалась, всходы выскочат, а тогда нам сам черт не страшен.

— Не страшен? — улыбнулся Атааев. — А что, если я скажу тебе, что через четыре дня ударит мороз? Тогда как?

— Мороз? — удивился Камал.

— Да, метеорологи предсказывают мороз. — Поэтому я и вызвал тебя. Сам понимаешь: все, что взошло у вас, и все, что успеет взойти, морозом будет побито. Особенно у вас, в незащищенной степи. Надо принять срочные меры, спасти хлопок.

Атааев подошел к окну, посмотрел на небо.

Стремительно мчатся низкие серые тучи.

Станция скрипит, покачиваясь на шарнирах.

Мчатся по небу тучи. Свистит степной ветер.

Саодат устало идет по дороге. По походке видно, что она прошла долгий путь. Уже светло.

Вокруг нее в степи простираются хлопковые поля, видны десятки работающих тракторов.

Под порывами ветра качаются придорожные кусты.

Саодат идет, с надеждой вглядываясь вперед. Там, впереди, появились светлые кровли нового кишлака.

Девушка радостно улыбнулась, прибавила шаг.

Камал идет по кривой улочке старого кишлака. В руке у него узелок. Останавливается у огромной плакучей ивы, возле которой они прощались с Саодат.

Тонкие в тви, покрытые нежными молодыми листьями, качаются под порывами ветра. Запахнувши плотнее халат, Камал шагал дальше.

Подойдя к воротам Турсункуля, начинает стучать. Калитка распахивается, выходит Шарофат. Удивленно вскинув на Камала глаза, она холодно спрашивает.

— Вам нужен председатель?

— Нет... Здравствуйте... Я хотел бы увидеть Саодат...

— Саодат? Ее нет. Она ушла, — все так же холодно ответила Шарофат и вдруг неожиданно захлопнула калитку.

Камал удивился, поднял было руку, чтобы постучать снова, но раздумал и медленно пошел по улице.

Поле колхоза „Ильгари“. Камалидет по дороге, ищет глазами Саодат. Башарат, увидев его, нежно улыбнулась, подошла к нему, ласково поздоровалась. Они присели под тутовое дерево. Камал положил возле себя узелок, спросил с деланным равнодушием, как он мимоходом:

— Где Саодат? Что-то не видно ее...

Башарат усмехнулась.

— А вы разве еще ничего не знаете?

— Чего не знаю?

— Как Саодат опозорилась...

— В чем? К гда?! — горячо воскликнул Камал.

Башарат опять усмехнулась.

— Слушайте, расскажу...

Двор Камала в новом селении. Его мать и Саодат хлопчут по хозяйству.

Внезапно распахнулась калитка, вошел Камал.

— Вернулся! — радостно воскликнула старуха. — А мы тебя ждем, не дождемся.

Камал, не отвечая матери и не здороваясь с Саодат, хмурый, прошел в комнату.

Старуха, обменявшись изумленным взглядом с девушкой, решительно двинулась вслед за ним.

— Что с тобой? — сказала она, войдя в комнату. — Со мной не здороваешься, гостей не встречаешься!

Камал молча стоит у окна.

Саодат, заметив, что он совсем на нее не глядит, тихо подошла к супе, постояла с минуту в задумчивости и вышла на улицу, неслышно прикрыв за собой калитку.

Поле колхоза „Ильгари“. В разных концах его видны работающие колхозники. Вблизи дороги работает Башарат. Увидав подъезжающую легковую машину, она выпрямляется, подходит ближе к дороге.

Машина останавливается. Из нее выходит Атабаев, здоровается с Башарат, спрашивает:

— Что вы предпринимаете против мороза? Почему на поле мало людей?

— Как будто из нашего звена все на работе, товарищ Атабаев.

Оборачивается, показывает пальцем:

— Ойниса здесь, Турсун-ой тоже, Карим-ата в больнице, Зухра-хон — вон она...

— А где Саодат?

— Саодат?.. — Башарат замаялась. — Нет ее... Видимо, ей работать не хочется...

— Где же она?

— Не знаю. Должно быть, на новую землю уехала к Камалу.

— Уехала?..

Атабаев нахмурился.

— Сидите в машину, немедленно привезите ее сюда. Я буду здесь на поле.

— Хорошо.

Идет к машине.

Хлопковое поле на новой земле. Вдоль края его цепью тянутся бугорки навоза, соломы, хвороста. Вокруг них хлопочут колхозники. Среди работающих и Камал.

Салима спрашивает с арбы хворост. Шариф лениво сидит на коне, постукивая по оглобле кончиком сапога.

— Еще много там хвороста? — спрашивает Салима.

Шариф уныло вздыхает:

— Какой толк от того, что много? Сама видишь теперь, кто был из нас прав...

— Уж во всяком случае не ты, — насмешливо бросает Салима, не отрываясь от работы.

— Не я? — с иронией тянет Шариф. — Поле твое и так выглядит, как общипанная курица... А вот погляжу и на него, когда ударит мороз. Никакой хворост тут не поможет. Помянешь меня: побьет мороз всходы. Все равно засею здесь арбузы и дыни...

Слышится гудок машины, Шариф оборачивается.

На дороге виднеется машина Атабаева.

Камал, увидев ее, идет ей навстречу.

Машина останавливается.

К удивлению Камала из нее выходит не Атабаев, а Башарат.

— Башарат?

— Вы же не навещаете меня, — кокетливо шутит девушка. — Ну, я и решила приехать сама. — Смеется, затем переходит на деловой тон. — Я разыскиваю Саодат. Атабаев немедленно просил найти ее и привезти обратно. Где Саодат?

— Саодат? Не знаю.

— Если вы не знаете, кого же спрашивать?

Камал нахмурился.

— Зятя своего... Турсункула спрашивайте.

Башарат улыбнулась и, придав своему голосу как можно больше сердечности, негромко сказала:

— Только ювелир может оценить качество золота. Саодат не дорожила вами. А если б я была на ее месте...

— Что бы вы сделали?

— Я всю жизнь свою посвятила бы вам... Но, увы, счастье далеко от меня...

В мучительной недовости Камал опускает голову.

— Если б я женился, то женился только на Саодат...

Не ожидавшая такого ответа, девушка вздрогнула, сощурилась и, резко повернувшись, пошла к машине.

Под старой знакомой ивой у арыка сидит Саодат.

В воде видно отражение девушки.

Губы ее чуть шевелятся. Она повторяет про себя слова своей песни.

— Саодат!

Девушка вздрагивает, порывисто поднимает голову: рядом с нею стоит Атабаев.

Он внимательно смотрит на нее.

— Что случилось, Саодат?

Девушка встала, смущенно и растерянно опустила голову.

Атабаев с мягкой настойчивостью повторил вопрос:

— Что случилось? Почему вы бросили работу?

Саодат вспыхнула, что-то хотела сказать, но неожиданно снова опустилась на землю и закрыла лицо ладонями.

— Кто вас обидел, Саодат?

Стараясь сдержать рыдания, девушка прерывисто заговорила:

— Не знаю, что случилось... Выкопали тибетейку... Говорят, что я подарила ее... Турсункулу...

— О какой тибетейке вы говорите?

— Я ее вышила для Камала...

— А где она?

Двор Кумри-хала. Старая мастерица сидит на айване, работает.

В калитке появляются Атабаев и Саодат.

Вглядываясь, Кумри-хала снимает очки, идет гостям навстречу, здоровается.

— Что у вас там случилось? — ласково говорит она Саодат. — Не идешь и не видишь!

— Моя тибетейка готова? — перебивает ее Саодат.

— Даюно готова, дочка...

Кумри-хала достает из-под кустарного деревянного пресса тибетейку, протягивает девушке.

Саодат осматривает тибетейку, на ее глаза навертываются слезы.

Атабаев весело говорит:

— Прекрасная работа. Придется попросить вас, Саодат, вышить такую же тибетейку для моего сына...

Саодат опускает голову, скрывая слезы.

Кумри-хала, снова надев очки, говорит одобительно:

— Саодат — молодец. Она может гордиться своим мастерством.

Старуха лукаво блеснула глазами из-под очков. — Моя дочка Ойни-а сказала, что на этой тибетейке вышито какое-то слово... — Кумри-хала украдкой улыбнулась Атабаеву. — А у меня глаза плохи стали, так и не прочитала, какое там слово...

Атабаев взял тибетейку в руки, внимательно и долго смотрит на узор. Ничего не увидев, бросил вопросительный взгляд на Саодат.

Девушка смутилась, показала пальцем. В узоре ясно можно прочитать искусно вышитое слово „Камал“.

Правление колхоза „Ильгари“. Турсункул открывает двери и внезапно сталкивается на пороге с Атабаевым. Секретарь райкома протягивает Турсункулу руку и увлекает его вглубь кабинета. Они садятся. Атабаев начинает насмешливо:

— Ждете, когда мороз ударит? — И вдруг неожиданно сурово: — Почему на полях мало колхозников?!

Турсункул начинает поспешно оправдываться:

— Люди все на поле, товарищ Атабаев. Для борьбы с морозом все приготовлено...

— Все, говорите, на поле? А где Саодат?

Турсункул растерянно пробормотал:

— Не знаю... Надо спросить...

— Если председатель не знает, где его колхозники, то кто же должен знать? — перебивает Атабаев.

Турсункул вповалку умолк.

Атабаев перевел взгляд на новенькую тибетейку Турсункула, одобрительно кивнул:

— Хорошая тибетейка. Где купили?

Турсункул, вконец растерявшись, сказал, запинаясь:

— Это... Это Саодат поварила...

Атабаев иронически улыбнулся:

— Тибетейку Саодат носите на голове, а где сама Саодат, не знаете... Девушка сама преподнесла вам этот подарок?

— Через Башарат передала...

Атабаев снова улыбнулся.

— Через Башарат?.. А почему не сама?

Он хотел еще что-то сказать, но дверь неожиданно распахнулась и в комнату вбежала Башарат.

— Товарищ Атабаев! Саодат была на новой земле, но сейчас ее там нет! Я не нашла...

Атабаев пристально посмотрел на девушку.

— Ничего... Саодат найдется...

Атабаев подошел к окну, распахнул его.

За открытым окном видна машина. Шофер, заметив у окна Атабаева, подходит к нему.

— Сейчас же найди и привези Камала, председателя колхоза „Новая земля“.

Заработал мотор, машина тронулась.

Атабаев осорачивается к Башарат, спрашивает, будто между прочим:

— Как там Камал живет? Вы его видели?

Башарат вспыхнула, перевела настороженный взгляд с секретаря на Турсункула.

Атабаев близко подошел к девушке, спросил, кивнув на Турсункула:

— Где вы взяли эту тибетейку?

Башарат нахмурилась, опустила голову.

— Где вы ее взяли? Почему молчите? — настойчиво повторил Атабаев.

Башарат продолжала стоять молча.

Взгляд Атабаева вдруг смягчился. Он сказал тихо:

— Зачем вы затеяли все это, Башарат?

Девушка неожиданно выпрямилась. На лице ее появились отчаяние и решимость, в глазах слезы.

— Я... Я сама подарила ему тибетейку... Саодат... Саодат не виновата... — прерывисто заговорила она.

Атабаев с упреком взглянул на Турсункула:

— Эх, вы...

Вытирая тыльной стороной ладони выступивший на лбу пот, Турсункул проговорил:

— Раяве я... Это жена... Обозлилась, выгнала ее.

— Жена, — укоризненно сказал Атабаев. — А вы сами что?

На мгновение задумался, потом говорит Турсункулу:

— Пригласите жену.

Турсункул сердито взглянул на Башарат, зло прошипел:

— Приведи сестру...

Башарат ушла, тихо прикрыв за собою дверь.

Атабаев в раздумьи ходит по кабинету.

— Неужели вы думаете, что председатель колхоза должен заботиться лишь о выполнении плана? А о людях? О людях не надо заботиться и думать! — говорит он негромко.

Турсункул подавленно молчит.

Атабаев достает из кармана тибетейку Саодат, показывает ее председателю:

— Вот тибетейка, вышитая руками Саодат для... — Атабаев насмешливо улыбается. — Не для вас, Турсункул, для Камала.

Турсункул озадаченно разглядывает тибетейку.

— Глупо, получилось...

— Глупо, — кивает Атабаев. — Но самую большую глупость сделали мы, не отпустив Саодат на новую землю.

Турсункул хочет что-то сказать, но в это время открывается дверь и на пороге появляется Шарофат.

Новая земля. Ночь. Ветер. От его порывов над полем взлетают тысячи искр. Тлеют, дымятся холмики навоза. Дым окутывает поле, ползет по нему густой сизой пеленой.

Колхозники работают в теплых халатах. Они бережно подсыпают навоз к кустам хлопчатника.

Салима разлувает дымящийся хворост. Отблески тлеющих углей играют у ней на лице.

Подходят Кудрат-ота и Камал.

Салима тревожно всматривается в их лица, говорит тихо:

— Неужели весь наш труд погибнет?

— Да-а... — вздыхает Кудрат-ота, качая головою. — В это время года я никогда не видел такого холода... Если нам удастся спасти хлопок...

— Спасем, отец! — уверенно говорит Камал.

Старик кивает:

— Должны спасти, сын мой.

Они оба идут дальше.

Салима подбрасывает хворост в тлеющую кучу. Дым валяет густыми клубами.

Кудрат-ота и Камал вышли на берег канала. И, как раньше, на этом же самом месте они останавливаются, ослепли на жетмени и взволнованно глядят на хлопковое поле, широко раскинувшееся в голый степи.

Вступает музыка. Поле окутано дымом, в разных концах его вспыхивают и гаснут искрящиеся огоньки дымовых костров...

На него наплывает то же поле, залитое яркими лучами солнца.

Хлопок уже поднялся, выравнялся, вытянулся стройными рядами. Тракторы с культиваторами работают в разных концах.

И снова наплывает то же поле, поверх которого, словно тысячи мотыльков, покачиваются на легком ветру цветы хлопчатника, а меж кустов, в бороздах, поблескивают струи воды...

И опять оно, это поле — все в крупных, серебристых, еще не раскрывшихся коробочках. Колхозным поливальщикам кусты хлопчатника по грудь — так высоки они и пышны...

А у канала на том же месте, в тех же позах, опираясь на жетмени, возле новенького небольшого шлюза, озирая взглядом поле, стоят Камал и Кудрат-ота.

Сверкающее зеркало, отражающее в себе флаконы с одеколоном, машинки для стрижки, бритвы, стаканчики, — все хитроумно оборудованное новой колхозной парикмахерской. И в центре всего этого, перед зеркалом, лицо сидящего в кресле Шарифа, повязанного ослепительно белой салфеткой. Знакомый нам парикмахер тщательно намыливает ему щеки.

Намыливает и, как всегда, словоохотливо разговаривает:

— Угадайте, Шариф: какая разница между хлопкоробом и парикмахером?

— Ну?... — заинтересовавшись, спрашивает Шариф.

— Хлопкороб превращает пустыню в цветущее поле, белоснежное, как вот сейчас ваши щеки, Шариф. А парикмахер наоборот: белоснежное поле щек с помощью бритвы превращает в пустыню.

Парикмахер смеется звонко и весело.

Шариф хмуро кривится:

— Ничего смешного я тут не вижу...

— Конечно, не видите, — с готовностью подхватывает парикмахер. — Потому что самого главного я вам еще не сказал. Пока колхозники и парикмахер работали, знаете, чем занимался один мой знакомый арбакеш?..

Подмигивает Шарифу в зеркало, берет в руки бритву:

— Если уподобить мою бритву языку этого арбакеша, то он...

И, подмигнув еще раз, начинает точить бритву о ремень.

Шариф гневно вскакивает, кричит:

— Тебя нехватало!.. Еще твоей критики не доставало!..

Он со злостью срывает с себя салфетку, одним махом вытирает ею со щек мыло, швыряет на пол и выбегает из парикмахерской.

Парикмахер весело кричит ему вслед:

— Эй, Шариф! Небритых жены домой не пускают...

Шариф, не оглядываясь, стремительно шагает по улице.

Улицу нового кишлака теперь не узнать. Вереницей выстроились вдоль нее молоденькие тополя. На электрических проводах чирикают воробьи.

За решетчатым забором колхозного детсада, среди цветочных клумб и золотистых пирамид песка, воятся со своими игрушками маленькие ребятишки...

По тротуару, вытянувшемуся под окнами новых домов, едет велосипедист. Сверкают спицы его велосипеда на солнце...

На перекрестке, в нарядной новой чайхане кипят самовар, пылают дрова в очаге под большим черным котлом. Шариф быстро подходит к калитке своего дома, громко стучит.

В калитке появляется Салима. С недоумением смотрит она на мужа.

— Идем, Салима. Ты мне нужна! — хрипло говорит Шариф, увлекая ее за собой по улице.

— Я не могу... — говорит Салима. — Мне надо на поле...

— Идем... Я тоже на поле... Идем, идем...

— Но что случилось?! — испуганно спрашивает Салима, следуя за Шарифом.

— Сейчас узнаешь... Идем, идем...

Свернув на боковую улочку, они выходят на хлопковое поле. Шариф идет стремительно, почти бежит. Салима испуганно следует за ним. Музыка нарастает.

Они проходят сквозь стену высокого хлопчатника. Тысячи коробочек с едва приоткрывшимися створками, серебрясь меж темной листвы, проплывают на уровне их плеч и груди...

Иргаш-Али, работающий с кетменем в руках, кричит насмешливо:

— Шариф! Куда путь держишь? Хлопчатник кланяется тебе!

— Будь мужчиной, Шариф! — подхватывает Каюм Бидана. — Прими хоть поклон хлопка!..

Шариф, не останавливаясь, не оглядываясь, идет дальше. За Шарифом, едва поспевая, бежит Салима.

От легкого ветерка покачиваются, блестя на солнце, коробочки хлопца.

— Эй, Шариф! — весело кричит Карвон с края поля, вдоль которого выстроились молоденькие тутовые деревья. — Если ты ищешь здесь свою арбу — не ищи! Из каждой спицы твоей арбы вырос здесь куст хлопчатника, из каждой оглобли — тутовое дерево! Не отвечая, Шариф все так же хмуро, так же стремительно проходит дальше. Музыка достигает наивысшего напряжения и внезапно обрывается...

Перед Шарифом — Камал. Шариф остановился, переводит дыхание. Камал удивленно смотрит на него, спрашивает Салиму:

— Что с ним такое?

— Не знаю, — говорит Салима.

Шариф говорит, обращаясь к Камалу:

— Я не думал, что так получится... Я ошибался... Возьми у меня арбу... Дай мне работу...

* * *

Звучит оркестр. Слышен могущественный хор голосов. Это та же песня, с которой начался фильм: торжественный и величавый гимн узбекской природе.

Кудрат-ота и Атабаев идут по хлопковому полю, белому от подпущенного волокна. Они идут медленно, по-хозяйски оглядывая поле. Лица их торжественны, сосредоточены, строги.

Словно соперничая в белизне со свешивающимся из коробочек волокном, на горизонте сверкают вершины ледяных гор. За них выкатывается солнце, устремив ввысь сноп золотых лучей.

Кудрат-ота и Атабаев выходят к каналу. Они видят сверкающую ленту воды, и на фоне ее под тополями — силуэты двух влюбленных. Они стоят на том самом месте, где так часто стояли Кудрат-ота и Камал.

Саодат, счастливо улыбаясь, тихо говорит Камалу:

— Теперь мы всегда будем вместе, Камал?..

— Всегда...

Слова их, подобно флейте, входят в мощный хор голосов, славящих природу Узбекистана.

И, словно взволнованный этой музыкой, Кудрат-ота, стоя рядом с Атабаевым, поднимает руку...

Его морщинистая ладонь, как бы осеняя, простирается над влюбленными, над серебрящейся лентой канала, над бескрайними полями хлопчатника, над всею побежденной пустыней, выше гор, темнеющих на горизонте, выше лучей солнца...

Старик говорит спокойно и величаво:

— Нам с вами — братья мои, дети мои — сынам великого Сталина, выпало большое счастье создать, орошать, сажать, выращивать и собирать плоды.

НЕВЕСТКА РОДИЛА СЫНА

Рассказ

Поезд сбросил их — маленькую, сухонькую старушку и ее внука Назир-али — на станции Хилково и отправился дальше. Старушка, поставив у ног узелок, растерянно оглядывалась по сторонам, не зная, как быть.

— И затем только родился ты, сынок, — проговорила она с укоризной. — Не мог расспросить как следует. И у матери твоей тоже сердце каменное. Три месяца, как родила невестка, а она ни разу проведать ее не подумала... Только и слышны: „В колхозе работы много, дела много“. Разве работа когда-нибудь кончится? Послала письмо, подарки, и сердце на том успокоила. Приехала б она проведать, и нам бы сумела как следует дорогу обсказать.

Назир-али, красный и надутый, слушал, не поднимая глаз. В словах старушки ему слышался упрек: „Четыре класса кончил, а не знает, как дорогу найти“.

— Она же рассказывала, — чуть слышно возразил он.

— А если рассказывала, так говори, куда нам теперь идти. Спросить: где, мол, живет Сафар-али?

— А почему бы и не спросить? Вон милиционер стоит...

— Несмышленный ты! На свете будто один Сафар-али!

— А если сказать, что у него жена сына родила?

— Ну, ты совсем разум потерял, сынок! Присядь говорили, — каждый день по тысяче человек умирает и без одного тысяча рождается. Сейчас у нас, говорят, на каждую тысячу умерших рождается полторы тысячи человек. И, самое меньшее, половина из них — мальчишки.

— А мы скажем, что сына они называли Фархадом, — по сдавался Назир-али.

— Здесь всех мальчишек Фархадами называют, а девочек Ширин. Горестно вздыхая, старушка опустила на корточки, подтанула поближе узелок.

Все прибывшие с поездом давно уехали в город. На платформе суетилась какая-то молодая женщина. Но вот и эта молодка направилась по дороге в город. Старушка подняла руку.

— Хай, доченька, подждите сюда! Мы приехали на Фархадстрой и вот дороги не найдем.

— А к кому вы? — спросила молодая женщина, подходя и здороваясь. — Фархадстрой большой.

— Ох, жертвой мне стать за вас, мальчишка вот, чтоб ему, мал еще. Забыли мы, где это самое место. Мы к Сафар-али едем. Жена его сына родила. Вот уж три месяца не могли проведать. Милая, от единственного сына только и память осталась, что они — вот он и Сафар-али. Отец их на войне погиб.

На глазах старушки показались слезы, она смахнула их конпом рукава. «И зачем она все это говорит!» — недовольно подумал Назир-али. Старуха, между тем, продолжала:

— Вот уже четыре года прошло, как внук, своевольник, перекочевал в эти места. Как-то приезжал проведать и говорит: «Мы строим большую плотину в несколько железных ворот!»

Старушка хотела сказать еще что-то, но женщина ее перебила:

— А-а, это, видно, тот Сафар-али, что работает на головной плотине? Его я знаю. Он из Ассаке?

— Вай, масла вам в рот, он самый и есть! Хорошо, что я спросила.

— Его здесь все знают. Он прославился на земляных работах.

— Вот и мама говорила: «В Беговате спросите о нем, любой вам скажет!» — вмешался в разговор Назир-али.

Старушка усмехнулась:

— Очам твоим ясными быть, теперь и у тебя язык развязался! А то все время с бровей снег сыпался.

Женщина отвела их к остановке автобуса, курсировавшего между станцией и головной плотинной строительства, и, распростившись, ушла.

* * *

Автобус доставил их к клубу на левом берегу реки. Теперь старуха держала себя уверенно.

— Сынок, — обратилась она к парню, наклеивавшему какое-то объявление на стену клуба. — Где тут Сафар-али?

— Его дом на правом берегу, — ответил тот и, вытянув руку, добавил: — Вон по той большой плотине надо идти.

Старушка с внуком пустились в путь. Когда они поравнялись с малой ГЭС, возведенной на левом берегу Сыр-Дарьи, Назир-али вдруг остановился.

— Что, заблудились? — напугалась старушка.

— Нет, — Назир-али указал в сторону белого здания малой ГЭС. — Вон он братец!

— Мотыльком покружиться мне вокруг твоего братца, где он? Я думала, он на горе Фархада золото добывает, а он в белых хортах посиживает!

Назир-али промолчал. Старушка чуть наклонилась вперед и поднесла руку к глазам: Сафар-али сидел на террасе большого белого дома за столом, а напротив него какая-то русская девушка. Близко наклонившись друг к другу, они о чем-то говорили с большим увлечением. Ветерок, доносившийся сюда с реки, ласково играл золотыми кудряшками девушки. Как показалось старушке, кудряшки нет-нет да и коснутся лица Сафар-али.

— Вай, подохнуть бы мне, а не родить таких на свет! Что это за беседа такая?!

Старушка была расстроена так, словно вдруг уронила из рук хороший арбуз. „Я беспокоилась о нем, думала — он день и ночь камни ворочает, землю копает, а он тут прячет голову свою по прохладным местам и шапками занимается!“ — думала она с горечью.

— Позвать его? — спросил Назир-али.

— Нет, нет! Не надо, не зови! И видеть его не хочу, и слышать о нем не желаю!

Старушка закрыла руками лицо. Ноги ее вдруг подкосились, и она бессильно опустилась на камень, оказавшийся рядом. Назир-али нерешительно, шаг за шагом, приближался к белому зданию; он не отрывал глаз от брата. Сафар-али поднял голову, сказал что-то русской девушке и рассмеялся. Девушка легонько ударила его по руке и тоже рассмеялась. Назир-али, не зная, идти ли ему или вернуться, остановился и, обернувшись, выглянул на бабушку. Та все так же сидела, низко опустив голову. Назир-али под конец не выдержал. „Братец!“ — позвал он негромко. Сафар-али вскинул голову и быстро поднялся. Назир-али кивнул в сторону бабушки. Когда Сафар-али опустил ногу на ступеньку крыльца, русская девушка что-то спросила у него. Сафар-али, утвердительно кивнув, направился к брату. Он прижал мальчика к груди, поцеловал его в лоб. Затем подошел к старушке и опустился перед ней на корточки.

— Рад видеть вас, бабушка, — негромко сказал он.

Старушка ответила сперва довольно холодно, но потом не выдержала. Вскинув руки на плечи внука, она сказала ласково:

— С сыном поздравляю!

Заметно было, что Сафар-али чем-то озабочен. Стараясь скрыть это, он суетился около старухи, поднял с земли ее узел, подозвал какого-то паренька и попросил:

— Проведи-ка их к нашему дому.

Отправив бабушку и брата, Сафар-али тут же возвратился к зданию ГЭС.

Шагая за провожатым, старушка недовольно бормотала:

— Когда рядом любовница, что ему бабушка — на голову ее посадить, что ли? Жена, что твоя роза, дома сидит, а он тут шапки разводит!..

Слов ее, однако, никто не слышал. Этому мешал шум воды на головной плотине. Провожатый, а за ним Назир-али со старухой поднялись на плотину. Назир-али пожирал глазами открывшуюся перед ним картину. Особенно привлекало его большое озеро, сдер-

живаемое плотинкой, которая поднимала воды Сыр-Дарьи на высоту двух топочей. Старуха, однако, ни на что не глядела. Она даже не заметила, как миновали плотину. Досада на внука заслоняла перед ней весь мир.

— Оказывается, и от хорошего отца может родиться дурной сын, — шептала она. — Отец на первую красавицу даже глазом не повел бы. А этот разбаловался, — некому руки укоротить. В тысячу раз лучше было бы ему оставаться в колхозе кетменчиюком. А все раис, во всем он виноват. „Пусть и он не отстаёт от мира“, — говорит. А теперь, видишь, что получилось? Придешь к ним, а невестки, что в судный день, завопит. Жаловаться начнет. Думаешь, не знает она! Она ведь не из таких, что только и знают дома сидеть и ничего вокруг не слышат и не видят. Она сама работает. Не сегодня услышит, так завтра. Что, ей уши заложило!

Старуха рассказывалась, что приехала. Когда она переступала порог дома внука, сердце ее сжималось от горечи.

Невестка мотыльком выпорхнула из внутренней комнаты и метнулась навстречу гостям. Она обняла бабушку, расцеловала ее в обе щеки. Старушка старалась заглянуть ей в глаза. Однако невестка сияла улыбкой, расспрашивала о здоровье свекрови, всей родни. Она постлала на ковре одеяла, принесла подушку, чтобы старушка могла облокотиться, затем взяла ворковавшего в зыбке ребенка, завернула его в белоснежную простынку и с рук на руки передала прабабке.

— Вот, бабушка, вы и правнука дождались, — проговорила она, улыбаясь.

Старушка вышла за дверь и знаками велела разувавшемуся в передней Назир-али принести узел с гостинцами. Назир-али был готов выполнить любое желание бабушки, лишь бы только отвлечь ее от невеселых мыслей. Прихрамывая на уже разутую ногу, он положил к столу, взял узел и положил его перед бабушкой. Та разложила по ковру приготовленные ею же самой подарки, увидела среди них тюбетейку для Сафар-али и нахмурилась.

— Напрасно старалась только, — проговорила она, когда невестка вышла и, даже не развернув, бросила тюбетейку на ковер. Затем достала другую, шитую золотом маленькую тюбетейку и одела ее на голову Фархада. В это время с чайником в руках возвратилась невестка. Она поставила перед гостями низенький столик, накрыла его скатертью. Затем принесла тарелку винограда, разрежала на подносе дыню. Старушка, взглянув на дыню, сказала:

— А у меня сердце болело — ребята, наверное, живут в голой степи. Дыни и виноград вам, наверное, с базара приходится покупать?

— Нет, бабушка. Вот в той низине у нас есть участок. Не беспокойтесь, у нас все найдется. Весной внук ваш работал помощником мастера на малой ГЭС, так что посевом пришлось заниматься мне самой. Внук ваш только поливать помогал. Земля очень сильная. Все так уродило, что только радоваться.

Старушка подумала: „В жизни счастье ей найти, очень терпели-

вая она женщина. Ей надо бы жаловаться, а она себя довольной старается показать*.

Невестка разлила чай. Тут взгляд ее упал на неразвернутую тюбетейку. Она радостно схватила ее и поблагодарила.

— Спасибо матушке. Это она, видно, сшила. Я все собиралась, но никак руки не доходили, чтобышить новую тюбетейку вашему внуку. Вот сегодня после экзамена придет он уже мастером и оденет обпровку.

Старуха искривила губы. Назир-али удивился:

— Разве братец учится?

— А он не говорил вам? Голова его занята экзаменом... Он, видно, и не поговорил с вами?

У старушки лопнуло терпение.

— У него вся душа в том белом доме, — сказала она с горечью. — Поздоровался и тут же исчез.

— Из того белого дома электричество же идет по всему строительству! Вот и у нас лампочки. Теперь все здесь делается с помощью электричества. А внук ваш там работает. Счастье ей в жизни пайти, одна женщина-мастер и его научила, мастером сделала. Сегодня он должен сдавать экзамен. Она и к экзамену его готовит, сегодня с утра увела.

— А ты сама ее знаешь?

— Да, она наша соседка. Вон в том доме, рядом, живет.

Старушка раскрыла маленький сморщенный рот.

— Значит, та русская женщина его учительницей будет?

— Да, ее мастером называют, а по-нашему можно и так — учительница. Словом, она обучает его!

Старушка встрепелась. Глаза ее засияли радостью.

— Ах, счастливой жизни ей! Вот какие молодые пошли. Сразу и не поймешь их. Позови ее, доченька, пусть чайку с нами откушает. И Сафар-али кликни. Я расцелую его в обе щеки.

Перевел с узбекского Н. Ивашев.

ХЛОПКОРОБЫ

О черк

Еще спит кишлак, безлюдны и тихи его узкие улочки, а из маленькой калитки двора, украшенной затейливой, старинного рисунка резьбой, выходит, держа за руль велосипед, человек огромного роста и атлетического сложения. Он приветливо улыбается наступающему дню и с минуту, как бы в удивлении, прислушивается к безумолчным птичьим песням, несущимся над садами к шлака.

Мимолетная улыбка сменяется тенью заботы, скользящей по его смуглому загорелому лицу. Он садится на велосипед и едет в поле.

Каждое утро его можно встретить на дороге, убегающей к дальним полям колхоза, где расположен стан пятой бригады.

Прежде чем добраться до бригады, он проезжает мимо хлопковых плантаций других колхозов, окаймленных тузовыми деревьями. По-хозяйски окидывая взглядом рослый и густой хлопчатник, он радуется ему так же, как если бы это были поля его бригады. Взлелеянные трудом его людей, стремящихся снять самый высокий урожай хлопка в округе.

Частенько, проезжая вот так же, как сейчас, мимо этих полей, он задерживался, прислонял велосипед к дереву, а сам шел по борозде. Внимательно осматривал первые всходы, примечал, что хорошо и плохо у соседей, а потом осторожно советовал звеньевому или бригадиру, как сделать, чтобы дружнее поднимался хлопчатник, «веселее держал голову». Бывало и по-другому. Проезжает он, а кто-нибудь окликнет его по имени.

— Муйдинджан!

Он остановится. Убеленный сединой колхозник подойдет к нему и, как у старшего, спросит:

— Муйдинджан, скажи, почему здесь плохие всходы?

Так было в соседнем колхозе имени Жданова. Обошел он поля, оглядел всходы, расспросил, когда сеяли, как обрабатывали землю, чем удобряли ее, и посоветовал дать вызывной полив. Минула не-

хеля, и зазеленели рядки дружных всходов. Будто невидимая чудодейственная рука подняла их из земли и расшила яркими переkreщающимися строчками колхозные поля. Отлегло на сердце у колхозников. Благодарили старики бригадира из колхоза имени Сталина Муйдинджана Умарова — Героя Социалистического Труда. Говорили, что умудренная старость пришла с поклоном к умной молодости. Он смеялся, приглаживая маленькие черные усики, приspущенные над уголками губ, и полусмущливо отвечал:

— Молодость любовью богата, старость — опытом.

Старики согласно кивали головами. Улыбнувшись, один из них поучительно молвил:

— Хвали, Муйдинджан, науку, которую дал тебе Сталин. Это вернее будет.

А что уж говорить про свой колхоз! Все обращались к Умарову, как к старшему, и хотели услышать его совет. Были неважными всходы на участке шестой бригады — зареженные и хилые. Не знал хмурый и озадаченный бригадир Халиков, как ему поступить, чтобы всходы стали бодрыми и дружными, радовали бы человека, надежду в него вселяли. Умаров посоветовал сделать лишний полив, подкормку и поглубже окучить посеы. Халиков удивленно выгнул дугой широкие брови.

— Когда ребенку бывает холодно, то его буют потеплее, — пояснил Умаров, — весна нынче холодная, а взрыхленная почва согревает всходы.

Весна и в самом деле была холодная, хлопотливая и беспокойная. Не раз Умаров советовался с участковым агрономом, что предпринять, чтобы уберечь нежный, только что появившийся на свет хлопчатник. Прогноз погоды показывал — должно было наступить похолодание. Тогда решили накрыть всходы сухим навозом. Легко сказать это! Чтобы накрыть всходы на площади в двадцать гектаров, закрепленной за бригадой, пришлось вывезти пятьсот арб навоза!

Бригада Умарова, старательно оберегая каждый росток, пробившийся из земли, покрывала его тонким слоем навоза. И так каждый рядок и все двадцать гектаров посева. С трудом не считались. Зато всходы были спасены.

Потом провели первую окучку, внесли фосфорные удобрения, дали полив. Опытный поливальщик Абдукадыр-ака счел необходимым выслушать мнение своего бригадира. Они договорились проводить поливы только вечером и ночью. В темные ночи, когда все в природе отдыхало, на полях пятой бригады люди бродили с фонарями. Эта была утомительная и напряженная работа. К каждой борозде надо было подвести воду, дать ее столько, чтобы не затопить рядки и пропустить влагу на сотни метров вдоль поля.

Как ни требователен был к себе поливальщик Абдукадыр ака, знал он, что завтра рано поутру его работу проверит Муйдинджан. Заметит что-либо не так, слова плохого не скажет, лишь укоризненно покачает головой. А лучше бы уж отругал за то, что прогядел в темноте Абдукадыр-ака!

Бригадира Умарова уважают в колхозе. Говорят, у него есть что показать и чему поучить других. Урожая больше него никто в колхозе не снимает. По трудодням члены его бригады получают в полтора раза больше, чем другие колхозники.

Тракторист Хашим Каримов, еще в феврале на своем мощном „Нати“ закончивший первую пахоту, говорит о бригадире:

— Неумная душа. За трактором по пятам шагал, палочкой в пласт тыкал, пельзя ли, Хашим-ака, еще поглубже запустить лемеха...

— Э-э! — протянул универсалист Шамсиев. — Я одиннадцатый год за рулем и ни одной весны не помню, чтобы он сам на севле не сидел. То одно, то другое примечает... Не может по-другому, характер у него беспокойный.

Сам Муйдинджан частенько говаривает:

— Упорный труд приносит человеку большую радость.

Давно ли здесь были бесплодные солончаки и суглинки? А в прошлом году бригада сняла по 107 центнеров хлопка с каждого из 20 гектаров.

Здесь все утверждает большую любовь к труду, к возделыванию и выращиванию хлопчатника. Об этом красноречиво говорят и взрыхленная на глубину вспашки почва, и вечерние и ночные поливы, которые укрепляют силу всходов, и удобрения, вносимые в землю по порциям, строго вымеренным и рассчитанным, и, наконец, неподдельная радость на чьем-нибудь лице при появлении нового листка, еще клейкого, бледненького, робко вытянувшегося на свет и сразу замеченного:

— Прорезался пятый...

На полевом стане, откуда видны хлопковые поля, не раз собиралась после трудового дня вся бригада. Ближе к Умарову подсаживались его помощники — зятьевые Дадаханов и Караев — один совсем подросток, другой годами старше бригадира, но оба награжденные орденом Ленина. Они научились у бригадира-героя оберегать жизнь хлопчатника с любовью матери, ухаживающей за детьми.

Прежде, чем начать говорить, Муйдинджан смахивал большим розовым платком крупные капли пота с лица, потом раскрывал записную книжку.

— Если соберем урожай по 45 центнеров с гектара, — говорил он, — то получим на трудодень по 16 рублей 80 копеек деньгами, 2 килограмма 200 граммов зерна. Это наш средний урожай по колхозу. Но мы обязались собрать по 120 центнеров...

Муйдинджан хитровато щурил черные глаза и опять вытирал платком лицо.

— Мы получим на трудодень 26 рублей 86 копеек деньгами и 4,5 килограмма зерном. Это что-то значит, а?... По бригаде только премий-надбавок получается 220 тысяч рублей и 44 тонны хлеба!..

Он закрывал записную книжку и прятал ее в карман. В этой книжке день за днем записывались дела бригады. Тут значилось

когда на крохотных ростках хлопчатника появился второй, третий, десятый лист; когда окучили, прокультивировали, внесли удобрения и полили растения в первый, во второй и последний раз.

Часто Умаров спрашивали о лучших колхозниках бригады. Он долго раздумывал и явно затруднился ответить. Как выделить на руке самый главный палец, если каждый из них незаменим и все вместе одинаково нужны, чтобы держать кетмень?..

Умаров смущенно улыбался. Назвать двадцатилетнюю Хабибу лучшей в бригаде за то, что она выработала 420 трудодней, когда от нее только немного отстала ее младшая подруга, Халима, было бы несправедливо с его стороны. Он указывал на поле, где трудились члены его бригады, и говорил:

— Все выполняют норму, как назовешь лучших?

* * *

На исходе горячий август. Еще немножко солнца, соков земли, ласки ветра — и на сильных кустах хлопчатника лопнут созревшие коробочки. В темной зелени листья заблестит серебром волокно, издали похожее на бутоны белоснежных роз.

И чем ближе становится этот день, тем большего внимания требует к себе хлопчатник. С утра до вечера колхозники не покидают своих участков. В восьмой раз они окучивают каждый куст, в девятый раз производят культивацию междурядий.

Жарко в знойный полдень. Высоко палящее солнце. Между сомкнувшимися растениями в междурядьях — сырость испарений, изнуряющая человека. А работать надо.

Обвязав голову белым платком, тяжело поднимает кетмень звеньевой Карабаев. На него смотрят члены звена, по нему равняются. Платок быстро становится влажным, по лицу струится пот, спит глаза. Отставив кетмень, звеньевой выжимает платок и вновь обвязывает им голову.

Наступили самые трудные и напряженные дни. Муйдинджан почти неотлучно находится в бригаде. Он наблюдает за звеньевыми, за каждым колхозником и видит, как им тяжело.

— Еще немножко, и будет легче.

И каждый, кому говорит это Умаров, знает: предстоящий сбор хлопка не менее труден, и все же от слов бригадира становится легче.

А Муйдинджан, склонившись над кустом, пересчитывает коробочки, отягощающие крепкие ветви. На отдельных кустах их уже до шестидесяти.

— Хороший урожай снимешь, — говорит Умаров Карабаеву и пробуждает на его усталом лице улыбку, поднимает в нем бодрость.

— Сто двадцать центнеров будет!

Он вынимает из кармана свою записную книжку.

— Помнишь мою арифметику, а?

А встретив кого-нибудь из трактористов, помогающих бригадам окучивать хлопок, шутливо бросит:

— Напахали, засеяли, на культивировали тракторами, — хлопчатник с меня ростом вымахал. Рядков не видно — сплошной ковер на поле!

И дружески похлопает по плечу:

— Спасибо, друзья!

Посмотрит вдаль, невольно подумает: не будь сталинской заботы о хлопкоробах, не красоваться бы здесь богатым плантациям, не жить бы узбеку в колхозном сытном довольстве, не знать счастья...

Кончается трудовой день. В небе зажигаются звезды. Землю окутывает ночная прохлада. На полевом стане отдыхает бригада Умарова, обьятая крепким сном. Но бригадир еще не спит. Он обходит поля знакомыми, протоптанными бороздками и любитесь хлопчатником. Гордо вскинули кусты соцветия вверх, последние соцветия, что должны принести самый поздний плод. Успеть бы собрать его до наступления осенних заморозков!

Проходит еще томительная неделя. Август сменяется сентябрем, а коробочки на растениях все еще наливаются — не пришел день их раскрытия.

Бригада с тревогой следит за Муйдинджаном-ака.

— Был бы курак — хлопок будет, — успокаивает он. Бригадир знает по опыту — запаздывает раскрытие сейчас, будет дружным потом.

Как ожидал Умаров, так и получилось. На разросшихся кустах дружно раскрылись коробочки. Пришла последняя забота — собрать созревший хлопок и сдать его государству.

И прежде чем выйти сборщикам в поле, Умаров созвал людей, показал им пышно раскрывшиеся коробочки, предупредил:

— Сбирать строго по сортам...

Все поняли бригадир — то был последний пункт социалистического обязательства. Выполнив его, они могли сказать — обещание сдержано.

Сборщики вышли в поле. В одном ряду с ними был и бригадир.

К вечеру Умаров отправил первый обоз с хлопком нового урожая на заготовительный пункт. И глядя, как удалялись поскрипывающие арбы, залитые предзакатными лучами солнца, он думал о почетном труде хлопкоробов.

Мысли о взлелеянном урожае сами по себе тянулись далеко-далеко, к великому человеку. И хотелось ему сказать в эту минуту от лица всех тружеников хлопководов — обещание ими будет выполнено. Слово чести они сдержат.

ПО ЗАКОНУ ФРОНТА

О черк

За окнами вагона свистел лютый степной ветер. Насреддин подышал на стекло, рукавом стер с него иней и далеко, в бурой дымке тумана, увидел синие очертания гор Могол-Тау.

— Значит, скоро приедем домой, — вслух сказал он самому себе и облегченно вздохнул.

И сразу воображение нарисовало маленький тихий кишлак в степи, в котором Насреддин знал каждый двор, и все жители были знакомы ему, как соседи. Вспомнилось детство, недавняя юность. Да, совсем недавняя! Школа, экзамены в семилетке — все это было, казалось, как будто вчера: ведь он, Насреддин, был на два года моложе Октября!

Три года затем учился Насреддин в сельскохозяйственном техникуме. С волнением думал, что вот скоро опять вернется он в Беговат, возьмется за работу; будет трудиться для того, чтобы заставить выжженную зноем степь приносить человеку богатства. Он горячо доказывал тогда старикам, что люди покорят бесплодную пустыню и возрастат на ее земле семена большой жизни.

Но вернуться домой тогда не удалось. В тридцать девятом году Насреддин пошел служить в Красную Армию и стал танкистом. В войне с белофиннами принял первое боевое крещение и узнал, как надо драться с врагом. В темные морозные ночи вел свою боевую машину через болотистые топи и лесные чащи, забывая про усталость и еду. В суровые дни сражений закалялись его мужество, воля и характер.

Великая Отечественная война застала Насреддина Сабирова в авиационном училище. В то время он уже летал на учебном самолете. Наша армия отступала вглубь страны. Больно сжималось сердце Насреддина. Русская женщина, стоявшая у полыхавшей огнем нивы, видела, как по обветренным щекам незнакомого летчика-узбека текли слезы. Понял тогда Насреддин, а вместе с ним, наверное, почувствовала и эта женщина, что нет большей любви, чем любовь к Родине.

— Я не могу больше летать на этой саранче, — сказал Саби-
ров командиру части, показывая на У-2. — Дайте мне боевой самолет.

— Чтобы пилотировать боевой самолет — нужно немалое время
для учебы.

— Я постараюсь сократить это время.

И вскоре к передовой линии огня летел скоростной истреби-
тель, которым управлял бывший танкист Насреддин Сабилов.

На войне Сабилов узнал и не раз испытал хороший закон фрон-
та: где уверенность и мужество, упорство и быстрота — там победа.

Семь лет прослужил Насреддин в Советской Армии. Все эти
годы в нем не остывала давняя мечта о покорении пустынной
степи.

И вот теперь знакомый ветер Дальверзьянской долины снова уда-
рил в лицо Сабилова. Демобилизованный офицер сошел с поезда
и... не узнал Беговата. Это был не кишлак, а город с большими
заводами, школами, телефонными станциями.

За городом увидел Насреддин распаханную целину и кудравые
молодые сады. В сторону Фархадских скал по недавно проложен-
ным рельсам бежали паровозы. Повсюду сновали грузовики, гуде-
ли экскаваторы, вгрызаясь железными ковшом в землю.

Люди бурили скалы, поднимали над бурлящей рекой высокую
плотину, монтировали части гигантских турбин. Узбекские хлоп-
коробы строили самую большую гидроэлектростанцию в своей
республике.

В сердце солдата с новой силой вспыхнула беспокойная, не-
истощимая жажда труда. Теперь бы Насреддину в гущу этого на-
рода! Пусть дают в руки топор, лопату, молоток, что угодно —
лишь бы работать! Сколько времени он лелеял мечту о мирном
труде, который делает землю богатой и прекрасной, а человека —
счастливым.

Коммунист Насреддин Сабилов явился к парторгу ЦК ВКП(б)
на строительстве Фархадской ГЭС.

— Вы танкист и летчик?

Парторг не случайно задал этот вопрос. На стройке часто без-
действовали мощные экскаваторы из-за того, что их некому было
обслуживать.

— Вы знакомы с машинами? Пройдете курсы экскаваторщиков
и будете машинистом.

— Согласен. Буду учиться на машиниста.

Парторг протянул руку Сабилову.

— Вот это по-фронтовому: решено быстро и правильно.

Когда Насреддин стал прощаться с парторгом, тот сказал ему:
— Впрочем, мы вас не торопим: солдату после войны полагает-
ся отдохнуть.

Сабилов остановился, удивленно взглянул на парторга:

— Отдохнуть?..

И по тому, как было сказано это слово, парторг понял, что фронтовика отдыхать сейчас не заставишь.

* * *

Главный инженер строительства и Насреддин Сабилов ехали на участок деривационного канала, где работали экскаваторы. Было решено, что фронтовик посмотрит машины и тотчас же пойдет на курум. Инженер с увлечением рассказывал, как узбекские хлопкоробы начинали сооружать Фархадскую ГЭС, как боролись они с дикими стихиями Голодной степи, с непокорным течением Сыр-Дарьи. Многие слышал Насреддин о людях, о своих сверстниках-тыловиках. Когда в пору лютых зимних морозов солдаты рыли на фронте окопы, молодые строители вскапывали мерзлую землю кетменами, прудили реку камнем. Когда воды Сыр-Дарьи ринулись в другое русло, эти же люди пошли на экскаваторы, в будки дерив-кранов и стали машинистами, техниками, руководителями участков.

— Этим ребятам все под силу, все по плечу, — говорил инженер. — Еще вчера они рыли кетменами землю, а сегодня погляди — уже мастера. Большие мастера! Труд крепко поставил их на ноги, сделал настоящими героями.

— Да, ребята шагнули далеко, — думал Сабилов. — Мне придется их догонять. Перед этой землей я в большом долгу.

И когда выходил из машины, сказал:

— Я свое наверстаю.

Недалеко от головного сооружения станции, на трассе деривационного канала стоял электроэкскаватор номер двадцать. Возле машины работали механик Абрамов и его помощники.

— Как дела, Иван Васильевич? — спросил инженер у механика.

— Дела на-ходу. Начали ремонтировать.

— А когда кончите?

— Работа большая. Машина старая. Нажимаем на все педали. Только вот людей маловато. Не мешало бы...

— Товарищ инженер, я не буду учиться на курсах, — сказал Насреддин.

Инженера смутило неожиданное заявление Сабилова.

— Почему же?

— Останусь здесь, на ремонте экскаватора. Тут будет моя школа.

— Думаете, этого достаточно?

— Да. Теорию буду осваивать вечерами по учебнику.

Инженер ничего не имел против. «Царень, как видно, настойчивый. Такие сразу берут быка за рога».

— Что ж, поедете в контору оформлять приказ.

— Пусть там оформляют, а я останусь здесь.

Насреддин подошел к механику и шутливо спросил:

— Примете фронтовика в свою семью?

Абрамов протянул Насреддину черную от мазута ладонь:

— Принимаем.

— Поможете стать машинистом?

— Поможем.

И хоть было довольно морозно и ветрено, Сабилов сбросил с себя шинель.

— Давайте работу!

* * *

В тяжелую для родины годину где-то в заволжской деревне встретились два незнакомых человека: узбекский парень и русская девушка. Подружили, полюбили друг друга.

После демобилизации Насреддин привез в Беговат свою молодую жену Галию Иванову. Сюда же приехали ее отец и мать. Они не поверили рассказам о том, что Беговат еще недавно был маленьким кишлаком.

А Насреддин, будто еще больше возмужавший и окрепший в труде, глядел на поднимавшиеся вокруг строительные леса, на высокие железобетонные стены будущего электрогиганта и говорил:

— Каким сильным и большим делает труд человека на этой земле! Работаешь и знаешь, что строишь для всей республики, для миллионов. Сколько электроэнергии пойдет отсюда в города, сколько воды пойдет в Голодную степь!.. Нет, не в Голодную. Мы превратим эту степь в зеленый сад и дадим ей другое имя...

Отец Галии кто-то заглянул на металлургический завод, что построили на берегу Сыр-Дарьи в дни войны, и начал ругать себя и жену:

— Там такие дела делаются! Люди постарше нас варят сталь. А мы сидим дома и дальше порога ничего не видим.

Отец и мать Галии пошли на металлургический завод.

* * *

Экскаватор ремонтировали почти целый месяц. Механик Гарагин, человек медлительный, вялый, сказал Сабирову:

— Это же гроб, а не машина. Сколько с ней ни возись, толку все равно не будет.

Сабиров тогда чуть не поругался с Гарагиным.

— Да ты знаешь, какие гробы приходилось поднимать на фронте? Снаряды изуродуют, исковеркают танк, а ребята поставят его на гусеницы — и машина снова летит в бой. Да еще как воюет!

— Вот и экскаватор будет воевать, — поддержал Сабирова механик Абрамов. — Вылечи экскаватор, поставь его на ноги, он стоит будет грызть землю.

И когда закончили ремонт экскаватора, Сабиров остался на нем работать. Он знал уже все винтики, все детали машины, изучил ее характер.

По существующим порядкам, прежде чем стать машинистом, предстояло еще немалое время проработать помощником машиниста.

— Да это же формальность, — негодовал Насреддин. — Говорю же, что сумею самостоятельно управлять экскаватором. Зачем время терять зря...

Ему помог неожиданный случай. Заболел машинист Есюнин. Вместо него в ночную смену остался на экскаваторе Сабиров. И когда стал возле рычагов управления — горячо закипела кровь в груди и нетерпеливо заиграли мускулы. Быстро опускалась и поднималась длинная стрела экскаватора, железный ковш со скрежетом въедался в землю и бросал ее в кузова грузовиков. Жарко было шоферам. Жарко было кетменщикам, которые выбрасывали землю с машин на дамбу. А Сабирову все казалось, что медленно движется стрела и мала сила и скорость у ковша.

В ту ночь за четыре часа Насреддин выполнил почти дневную норму.

Утром пришел принимать смену другой машинист. Сабиров не захотел уходить с экскаватора.

— Ты отдохни, — сказал он мастеру, — а я поработаю. Сам знаешь, сколько времени я ждал этого дня.

* * *

И вскоре Насреддину Сабирову прислали помощника, только что окончившего курсы экскаваторщиков, комсомольца Бабаджана Халматова. Третьим членом бригады стал молодой электрик Николай Матвеев.

— Ну, ребята, — сказал Сабиров, — работать по-фронтовому! Без перебоев, без остановок. Чтобы машина всегда была в исправности. Наше правило — быстро выполнять любое задание. А если остановимся, значит — поражение, значит, плохие мы солдаты.

Ребята не отступали от этого правила. Они ревностно ухаживали за экскаватором. Каждый день чистили, смазывали его — и все механизмы действовали в машине безотказно.

В прошлую зиму, в темную холодную ночь оборвался трос подъема ковша. Фары экскаватора освещали только забой канала. Свистела разгульная степная выюга, и ветер вместе со снегом кидал в лицо колючий песок. Пока Сабиров орудовал рычагами, он не чувствовал холода. Но едва он оставил сиденье и слез с машины, все тело пронизал морозный озноб.

Неужели стоять до утра? Нет, этого допустить нельзя! Время никогда не делает передышки, никогда не ждет.

Сабиров туго затянул поясной ремень, застегнул ворот шинели и полез на самый верх стрелы, надевать новый стальной трос. Он не ощущал холода, не чувствовал, как коченеют руки.

И лишь когда замснил трос, спустился вниз, только тогда почувствовал боль в руках и увидел, что кожа на ладонях изодрана и пальцы в крови.

Утром в забое канала сделали замер и подвели итог. Оказалось, что и на этот раз Сабиров перевыполнил сменное задание.

Над экскаватором № 20 развернулось красное знамя. Это было

переходящее знамя, завоеванное бригадой фронтовика в упорном труде. Насреддину Сабинову присвоили звание лучшего экскаваторного машиниста народной стройки.

С той поры, как Сабиров начал управлять экскаватором, он всегда стремился увеличить его производительность. Брал один ковш земли за две минуты — мало, начал поднимать ковш за одну минуту — опять мало.

— Да ты что делаешь? — кричал механик Гаранин. — Запорешь машину...

— Не запорю, — спокойно отвечал Насреддин. — Я знаю силу экскаватора и знаю, на что он способен. Все продумал, все рассчитал, и топтаться на одном месте не могу.

— Рассчитал, рассчитал... — ворчал Гаранин. — А о нормах забыл? Ведь существуют же нормы?!

— Твои нормы устарели. Мы их перекрыли вот здесь, этим экскаватором.

И машинист Насреддин Сабиров продолжал наращивать темпы высокой производительности. Вскоре он добился того, что экскаватор в одну минуту стал дважды поднимать ковш с землей. И вопреки предположениям Гаранина, сильная машина, которой управляют умелые руки, до сих пор не имеет ни одной аварии.

Двадцатый экскаватор прошел по трассе деривационного канала несколько километров. Он выбросил из широкого русла столько земли, что, если сыпать ее в одно место, образуется гигантская гора — больше легендарной Фархадской скалы.

* * *

Над четырнадцатикилометровым деривационным каналом поднималось огромное облако пыли. Оно играло на солнце миллионами золотистых песчинок и, медленно рассеиваясь, уплывало вдаль. На трассе канала сверкали тысячи кетменей и лопат. Со всех концов республики приехали узбекские хлопкоробы завершать народную стройку.

В здании ГЭС уже был закончен монтаж турбин, и с бетонных опор водонапорного бассейна снимались строительные леса.

Рядом с кетменщиками работали "железные палваны" — такое название хлопкоробы дали экскаваторам. К двадцатому экскаватору не успевали подходить грузовики. Насреддин Сабиров быстро переключал рычаги, и в две — три минуты кузов машины был уже полон земли.

Как всегда, Насреддин был одет в военную форму; крепкие солдатские сапоги, плотный комбинезон пилота и фуражка еще с авиационной эмблемой. Сабиров любит эту одежду.

— Во фронтовой форме чувствуешь себя по-фронтовому, и требовательность у тебя к себе как к солдату. Война давно кончилась? Нет, товарищ, ты и теперь не перестал быть солдатом, ты и в труде должен быть воином.

И вот совсем недавно машинист встретился на стройке с сек-

ретарем ЦК КП(б)Уз Усманом Юсуповым. Товарищ Юсупов долго беседовал с Насреддином и благодарил его за труд. Насреддин ответил: „Я не заслужил вашей благодарности, товарищ Юсупов. Я сделал очень мало“.

Товарищ Юсупов подарил Сабинову баян. Машинист признался, что в музыке он небольшой мастер. Сейчас у него уже поднимается на ноги сын — Тохир. Как только подрастет первенец — Насреддин передаст баян ему, — пусть играет на радость всей семье.

Секретарь ЦК КП(б)Уз рассказал о великом плане сталинской пятилетки, говорил о том, что Фархадская ГЭС, — только начало гигантских работ по дальнейшей электрификации республики.

— Что будем строить после Фархада? — спросил Сабиров. — Куда поедем?

Усман Юсупов поднял руку и показал в ту сторону, где лежала Ферганская долина.

— Поедем туда. Много будем строить. Очень много!

Насреддин чувствовал, как из самой глубины души его поднимаются новые неистоощимые силы.

Перед глазами вставала необъятная и плодородная земля Узбекистана — земля, покрытая бурным цветением садов и полей, земля, залитая щедрыми лучами золотых огней.

За это фронтовики воевали вчера.

Ради этого он трудится сегодня.

С. ЛИХОЛЗИЕВСКИЙ

РУССКИЕ ПОЭТЫ УЗБЕКИСТАНА

В Узбекистане живет и работает группа русских поэтов, которые в большинстве случаев вступили на литературное поприще в конце 30-х годов. Именно тогда на страницах газет, альманахов и литературно-художественных журналов „Литература и искусство Узбекистана“, „Литературный Узбекистан“ начали появляться первые стихи Владимира Липко, Андрея Иванова, Светланы Сомовой, Владимира Мильчакова. До Великой Отечественной войны отдельными сборниками стихотворений были представлены лишь В. Липко („Ода маю“, 1939) и В. Мильчаков („Стихи“, 1939).

Все это была литературная молодежь, воспитанная в годы советской власти нашей советской школой, комсомолом, впервые бравшаяся за перо. Революционная советская действительность, социалистическое строительство Узбекистана периода первых сталинских пятилеток являлись источником вдохновения молодых поэтов. Оборона советского государства, народные стройки, коллективизация деревни, комсомол в социалистическом строительстве, природа — таков круг тематики раннего творчества русских поэтов Узбекистана. Для всех их типичен глубокий советский оптимизм, пафос созидательного труда, жажда жить и творить, искренняя радость и гордость за исторические победы, одержанные народом в социалистическом строительстве. Так Владимир Липко в „Октябрьских стихах“ писал:

... В праздник Октября,
Когда оглянешься на все, что было,
На ряд побед, на славные дела,
То думаешь: везде, где наша сила,
Везде, где нас рука вождя вела,
Среди путей, как жизнь, многообразных,
Но всякий раз прямых, как честный взгляд, —
Там все чудесно превращалось в праздник
И в большевистской доблести парад¹.

¹ „Литература и искусство Узбекистана“, 1940, № 3, стр. 27.

Поэма В. Липко „Утро Таджикиата Хидирова“, напечатанная в новогоднем номере газеты „Правда Востока“ за 1940 г., прославляет трудовой подвиг старого узбекского колхозника, добровольцем пришедшего на народную стройку и ставшего рекордистом на земляных работах. Одной из первых народных строек Узбекистана — Дяганскому каналу — посвятил свои стихи В. Мильчаков. Его цикл „Синьбрь 1929 года“ составлен из стихотворений об острой классовой борьбе в деревне в период коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Коллективизация в узбекском кишлаке явилась темой поэмы А. Иванова „У снеговых Чаткальских гор“, где автору в какой-то мере удалось картины узбекского быта и природы, а также образы отдельных героев (агроном Махмуба, бай Хамракул). В поэме „Мятеж“ А. Иванов пытался отобразить события, связанные с белогвардейским заговором в Ташкенте в первые годы советской власти. В отдельных стихотворениях и драме „Конец семьи Довгелло“ В. Липко разрабатывает тему воссоединения украинского народа в едином советском государстве в 1939 году. С. Сомова воспекает счастье освобожденных Октябрьской революцией народов Средней Азии. Героем ее стихотворения „Тамды“ является простой чабан, которому

... уготована честь,
На блестящем взлететь самолете,
В краснотрудном Кремле
Званным гостем сидеть,
Говорить о любимой работе”.¹

В названных произведениях нетрудно заметить черты схематизма, упрощенного изображения положительного героя советской эпохи. Первые опыты молодых авторов далеки еще от художественного совершенства.

Серьезным экзаменом для всей советской литературы явилась Великая Отечественная война. Советская литература, как известно, этот экзамен блестяще выдержала. Созданы крупные художественные произведения, отражающие героизм советского народа в Отечественной войне, показывающие величие советского патриотизма, моральное единство советского народа, торжество марксистско-ленинской идеологии, раскрывающие превосходство восторжествовавшего в нашей стране социалистического строя перед буржуазным строем, демонстрирующие величие и передовую, ведущую характер нашей социалистической культуры. Лучшие из произведений многонациональной советской литературы — и в жанре поэзии, и в жанре художественной прозы, и в жанре драматургии — удостоены Сталинских премий.

В период Отечественной войны творчески выросли и русские поэты Узбекистана: Владимир Липко, Светлана Сомова, Владимир Мильчаков. Правда, мы не находим у них крупных художествен-

¹ „Зори Узбекистана“, кн. 1, 1941, стр. 173 — 174.

ных полотен, которые бы стали в один уровень с лучшими произведениями ведущих советских писателей, не находим произведений, которые бы завоевали всесоюзное признание, — для этого русским поэтам Узбекистана потребуется еще много усилий, упорного труда, — но и тот, пока еще скромный вклад, который они внесли в советскую литературу, достоин пристального внимания и заслуженной критической оценки.

Владимир Липко издал два сборника стихотворений: „Меч и песня“ (1942) и „Стихи“ (1946), которые, если сравнивать их с первым его сборником „Ода маю“, отличаются как более глубоким идейным содержанием, так и большей зрелостью художественной формы. Патриотическая лирика представлена здесь лучшими стихотворениями „Родина“, „Рожденный народом“ (стихи, посвященные И. В. Сталину), „Каменец-Подольск“, „Ледовая магистраль“. Стихотворение „Мать“ трактует тему сталинской дружбы народов Советского Союза. В статье „Творчество Владимира Липко“, ¹ мы уже имели возможность высказать свои соображения о творческом пути поэта и поэтому здесь приходится ограничиться лишь отдельными замечаниями о нем.

Лучшим произведением В. Липко остается поэма „Глава“, впервые напечатанная в альманахе „Литературный Ташкент“ (1945) и затем вошедшая в сборник „Стихи“ (1946). При всех ее недостатках, уже отмечавшихся нами в отдельном обзоре творчества В. Липко, поэма преисполнена искреннего уважения и любви к нашим советским людям, носителям высоких моральных качеств и подлинного благородства. Автор смело использует для завязки поэмы выдающееся достижение нашей отечественной медицины — опыты академика Филатова по пересадке роговицы глаз, однако, эта тема — тема передового, революционного характера советской науки — в поэме не разработана.

Откликнувшись на события Великой Отечественной войны двумя сборниками стихов, В. Липко в них непростительно мало уделил внимания узбекистанской тематике, великому вкладу советского Узбекистана в дело победы над фашистскими захватчиками.

Поэтессе Светлане Сомовой принадлежит сборник стихов „Ташкент“ (1944), заглавие которого не случайно: лирика Сомовой органически связана с жизнью советского Узбекистана, его столицы.

Книга открывается стихами о „светлом городе“. Перед нами Ташкент военного времени. „Улицей Пушкина едут джигиты, к Западу, к Западу, солнцу вослед“. Узбекские женщины с любовью провожают на фронт родных кавалеристов. В чайхане звучно звенит дутар, шаир поет о героизме и славе, о священной обязанности защищать родину. Стихи Сомовой говорят о единстве фронта и тыла. Советские люди, оставшиеся в тылу для славной трудовой деятельности, живут интересами фронта, охвачены благородным

¹ „Звезда Востока“, № 2 — 3, 1947 г.

беспокойством за судьбу тех, на кого обрушилась громада горя, принесенного войной. В стихотворении „Зимняя ночь“ читаем:

Горят леса. Сожженные селенья
Лежат в чистейшем трауре снегов,
И мертвые, в сугробах леденя,
Не сводят с неба ледяных зрачков.

Не может быть личного счастья в годину всенародного горя:

Мои мальчишки спят, укрыты тьмою,
В постелях белых ровненько дыша,
Но предо мною те, другие двое,
И пополам расколота душа.
Все сироты, все дети, что остались
Без материнской ласки в эту ночь,
Вокруг меня, вокруг тебя собрались,
За платье дергают и просят им помочь.

Стихотворение завершается призывом к другу:

Иди скорей! Встречай огнем фашистов,
Наотмашь бей, безудержный в бою.

Ведь человечность и доброта теперь измеряются количеством убитых врагов, обрушивших нечеловеческие страдания на мирный советский народ.

Та же реалистическая конкретность и глубокий лиризм свойственны стихотворению „Каганец“. Речь идет о немудреном светильнике, вошедшем в быт военного времени. При скромном свете каганца поэтесса пишет стихи. Над таким же каганцом в тесной землянке склонился „товарищ неизвестный“, фронтовик:

Может, он, готовясь к бою,
Греет руки над теплом...
Мой товарищ! Мы с тобою
Побратались огоньком.

Стихотворение, рисуя трудности военного времени, согрето глубоким оптимизмом, искренней верой в торжество нашего правого дела. Оно раскрывает кровное родство и единство устремлений советских людей фронта и тыла:

Мой товарищ! Зубы сцепим.
Перетерпим... И когда
Электричеством осветим
Все дома и города,
И когда веселым людям
Будет горе невдомек,

Мы с тобою не забудем
Наш полночный огонек,
Каганец наш рябоватый,
Незатейливый, простой,
И чадающий, и лохматый,
И бессмертно-золотой.

Здесь полнее всего выступает своеобразие поэтического дара С. Сомовой, поэтессы лирической, задушевной, в стихах которой непосредственность чувства, конкретность и свежесть восприятия жизненных явлений слиты воедино.

В 1943 году С. Сомова в составе делегации трудящихся Узбекистана побывала на фронте. Свои фронтовые впечатления она отлила в стихи, посвященные узбекам-фронтовикам. Вот медицинская сестра Фаина Хасанова, призванная „в горах холодных тел теплую жизнь искать“ и бесстрашная в борьбе с врагом („В тумане“). Вот „черноглазый дозорный“ Н-ского полка Саяра Шукурова, наблюдающая за врагом с высокой сосны. Саяра по-узбекски — „звезда“, „светило“, и это подсказывает поэтессе образ, венчающий стихотворение:

Ты замерзла. Ты стала от мороза седою,
Но ведь так не светила ты еще никогда.
Саяра! Ты зовешься по заслугам Звездой
И над нашим Ташкентом ты живешь, как звезда.

Вот Кучкар Кудрат, фронтовой повар, образ которого выписан с любовью и тонким юмором:

Разожжет костры он у палатки,
Все кастрюли выставит подряд.
Одевает, расправляя складки,
Белоснежный поварской наряд.
Поварешкой разливает в миски
Из своих огромнейших котлов
Щи по-русски, борщ по-украински
И шумовкой, по-узбекски, плов.

В горячий боевой день воинам не до обеда: Кучкар подносит снаряды, а когда из строя выбывает наводчик, Кучкар заменяет его.

Направляет ствол орудья низкий,
Осыпает залпами врагов:
„Вот вам, гады, борщ по-украински,
Вот по-русски. Вот узбекский плов“.

После расправы с врагом герой-повар снова деловито и весело исполняет свои прямые обязанности.

Героям фронта С. Сомова посвятила также стихотворения „На Днепре“, „Похороны летчика“, „Пехотинцу Егору Семенину“, „Герой

из Анна", „Рассказ капитана Макарова" и много других. О „горе своем большом" пишет Сомова в стихотворении „Похороны летчика". Она находит простые и задушевные слова для выражения чувств советского человека, понесшего тяжелую утрату:

... отодвинув намокший брезент
Усталою за день рукой,
Проходят в палатку, один за другим,
Друзья боевые твои.
И место твое остается пустым
На краешке серой скамьи,
И тихо сидят боевые друзья,
Стараясь туда не глядеть,
Где книги твои, где шинелька твоя
Еще продолжает висеть.

В отрывке нет ни одного украшающего эпитета, ни одного бьющего на эффект сравнения. Просто и естественно выражено искреннее человеческое чувство, которое достигает наивысшего напряжения в последующих строках:

И люди опять возвратятся в свой сад
Под звездами, в ласковый час,
Но каждый из них обернется на взгляд
Моих немигающих глаз.
И тот лишь, кто жертвовал жизнью в бою,
Не склонит на грудь головы
И правым взойдет на могилу твою
Под взглядом суровым вдовы.

Но сквозь скорбь в стихах Сомовой всегда и везде пробивается всепобеждающий луч надежды: „Над подночной Москвой золотые салюты гремят", — и они, эти салюты, символизируют наступление нашей победы, правоту нашего дела. Мечта о великом человеческом счастье, законном плоде победы, проходит через лирику Сомовой. „Есть хороший обычай: весне — возвращаться, как бы ни были зимы длинны". Весенний ликующий пейзаж врывается в строки „Обычая":

... Босиком пробегая замерзшей дорогой,
Уронила фиалки весна.
Это значит: в предгорье иль на берег речки,
Или в сад к прошлогодним цветам
Обязательно выйдут сегодня узбечки
И приложат фиалки к глазам,
Чтоб глаза просияли красою девичьей,
Улыбнулись навстречу весне...

Сборник С. Сомовой „Ташкент" в основном посвящен тематике Великой Отечественной войны. В книге представлена и интимная

лирика („Декабрь 1941 года“, „В дорогу“, „Накануне“). Стихи „Сыну“ замечательно раскрывают материнскую любовь молодой женщины к своему первенцу. Среди других следует отметить стихотворение „Улугбек“, посвященное великому узбекскому астроному XV века.

После выхода сборника „Ташкент“ С. Сомова опубликовала несколько новых стихотворений, из которых наиболее значительны „Владимир Маяковский“ и „Зиба Ганиева“.

Советский читатель хорошо знает знаменитые стихи В. Маяковского „Товарищу Нетте — пароходу и человеку“, которые говорят о великом назначении советского человека, призванного „воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела“. Эти стихи явились исходным пунктом для С. Сомовой, которая рассказывает, как советский актер-патриот, чтец стихов Маяковского, пожертвовал средства в фонд обороны Родины:

И однажды —

осенней прошел Москвой,

Громыхая броней громоздкой,

Полыхая

тяжелою синевой,

Танк —

„Владимир Маяковский“.

Это он, узнаем его...

Он — живой

Истребительными скоростями,

В небо высится

башнею броневой,

Смотровыми

глядит щелями.

Развернулся

на весь боевой

разворот,

Горделиво антенну поднял...

„Маяковский, здорово!

Куда? — На фронт.

А куда же еще сегодня?

Мне бы жить да жить...“

И в дыму атак,

По пробитому песней следу

Вдохновенный поэт —

Исполнитель танк

Мчит

безудержную победу,¹

С. Сомовой удалось воскресить правдивый образ „лучшего поэта советской эпохи“, чья поэзия в годы Отечественной войны находилась в строю, „как старое, но грозное оружие“.

¹ „Литературный Ташкент“, 1945, стр. 15.

Второе стихотворение дает поэтический портрет узбекской девушки-снайпера Зины Ганиевой, возвратившейся с фронта:

Это —
Сверстница, ставшая силой века,
Та, что прославила громче поэта
Имя прекрасное человека.
Ей бы цветы, чтоб земли не видно,
Розы пунцовые — ей под ноги.
... О, как мне стало пред нею стыдно
За немощный пролет дороги.
Стыдно за будничный город серый,
Грязь облупившихся штукатурок...¹

Величие подвига героини, хочет сказать поэтесса, является упреком тем, чья жизнь мало содержательна, кто недостаточно полно отдает свои силы на служение народу. Этот упрек поэтесса самокритично принимает и по своему адресу. Равняться на героев, быть как они — доблестными, трудолюбивыми — вот основная мысль стихотворения.

Актуальность и свежесть многих стихов С. Сомовой периода Отечественной войны — свидетельство ее творческого роста. Вместе с тем нельзя не отметить известной рыхлости в художественной форме ее стихотворений. Иногда создается впечатление, что перед нами — импровизация, не подвергшаяся тщательной стилистической и технической отделке. Случайный эпитет, бедная рифма, неудачный оборот речи нередко снижают художественную ценность стихов С. Сомовой.

Владимир Липко и Светлана Сомова в годы Отечественной войны являлись наиболее активными в творческом отношении русскими поэтами Узбекистана.

Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года и доклад тов. Жданова о журналах „Звезда“ и „Ленинград“ раскрыли серьезные ошибки в литературно-художественных журналах, развенчали враждебные советской литературе пошлость, безидейность и апатизм и мобилизовали советских литераторов на создание высоко идейных и высокохудожественных произведений, достойных героического советского народа.

Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, — говорит т. Жданов в своем докладе, — и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны.

Показать эти новые высокие качества советских людей, показать наш народ не только в его сегодняшний день, но и заглянуть в его завтрашний день, помочь осветить прожектором путь вперед — такова задача каждого добросовестного советского писателя... Со-

¹ „Литературный Ташкент“, 1945 г. стр. 16.

ветские писатели должны помочь народу, государству, партии воспитать нашу молодежь бодрой, верящей в свои силы, не боящейся никаких трудностей".

Под знаком реализации задач, выдвинутых постановлениями ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы, и проходит перестройка работы Союза советских писателей. Прошел год со дня постановления ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград", и итоги XI пленума правления ССП СССР наглядно продемонстрировали новые выдающиеся успехи советской литературы.

Чем ответили русские поэты Узбекистана на постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года? Каково их творчество за год, истекший со дня постановления?

Продолжается разработка тематики Великой Отечественной войны. И это закономерно: грозное испытание, которое выдержал советский народ в военные годы, его глубокая преданность социалистической родине, большевистской партии и гениальному вождю товарищу Сталину, его беспримерный в истории подвиг на фронте и в тылу будут и в дальнейшем вдохновлять советских писателей на создание новых величественных произведений.

Владимир Липко напечатал поэму "О юности твоей, о славе", героем которой является узбекский юноша Рузван, отдавший жизнь за Родину. Это поэма о советском патриотизме, о моральном единстве советского народа:

Война! Кто помнит твой приход, тот помнит
Как тесен стал в тяжелый этот час
Размеренный уют домашних комнат,
Как многое, что волновало нас,
Вдруг отошло на третий план, на пятый,
Как вся страна на площадях сошлась
И каждый чувствовал себя солдатом,
И чувствовал неизбежную связь
С любимым из тех, кто не остался дома.
И не было в отчизне незнакомых,
И сердцем внемля голосу Кремля
Бралась за меч Советская земля.¹

Таков лейтмотив поэмы. Рука об руку сражаются узбек Рузван и его друзья русские — Сергей Батманов и Вадим.

Поэма дает ряд запоминающихся картин сражений, в которых

... народ спасал страну от чужеземца,
Где каждый, кто поднять винтовку мог,
Вставал на немца, гнал на Запад немца,
Выбрасывал, как мусор, за порог.²

¹ "Звезда Востока", № 10—11, 1946, стр. 105.

² Там же, стр. 103.

Поэма, однако, написана неровно. Уже отмечалось, что узбекский колорит поэмы (действие многих ее частей разворачивается в Узбекистане) чрезвычайно условен, а в Рязани сравнительно мало национальных черт узбекского юноши. К этому надо прибавить, что формирование характера молодого советского человека представлено в поэме схематично, в отрыве от общественной жизни страны, влияния советской школы, комсомола. В. Липко склонен всячески идеализировать „заветные страницы детства“, патриархальный семейный быт, которые очень слабо проясняют вопрос о том, как сформировался славный советский патриот — герой поэмы В. Липко.

После поэмы „О юности твоей, о славе“ В. Липко пока не опубликовал ничего существенного.

Озорная тема занимала большое место в творчестве Владимира Мильчакова еще в довоенный период. В стихотворении „Думы“, вспоминая боевые дела времен гражданской войны, поэт писал:

Нам вперед нестись по свету,
Выше синих туч парить
И врагов любого цвета
На земле и в небе бить¹.

В автобиографическом стихотворении „Моя звезда“ поэт славит „боя яркую поэзию“, раскрывает чувства советского патриота — защитника социалистического государства.

В. Мильчаков прошел через фронты Отечественной войны. Его стихи последних лет — поэтический дневник фронтовика: „Прощание“, „Сталинский сокол“, „Прорыв“, „Бронепоезд“, „Позабудьте про жалость к врагам“, „Лучезарное слово — Победа“. „Безумству храбрых“ поэт свои песни поэт, его вдохновляет величественный подвиг капитана Гастелло:

Горят рубины на кремлевских башнях,
И шелк знамен шумит над головой,
Цветут сады на поле битв вчерашних,
В них капли крови, пролитой тобой.
Ты будешь жить в советском человеке,
В его труде, героике боев.
И никому не победить вовеки
Страну, родившую таких сынов.

Стихи В. Мильчакова рисуют героизм советского воина, преодолевающего невероятные трудности и в стремительном порыве рвущегося на Запад, в самое логово зверя — в фашистский Берлин („Родина“, „Он“). Стихотворение „Сорок пятый“ является логическим завершением военного цикла:

¹ „Зори Узбекистана“, 1941, стр. 167.

О, эти дни! В крови, в огне, дыму,
 Мы, позабыв про путь обратный к дому,
 Солдатским сердцем верили ему,
 Творцу победы — Сталину родному.
 Сейчас дорогой трудовых побед
 Ведет страну вождя великий гений.
 Пройдут года, войны исчезнет след,
 Взойдут посевы на полях сражений,
 Цветущей вишни белый лепесток
 Ватсит пушинкой в небо голубое,
 Но не забудет Запад и Восток
 Тех, кто ковал победу в пекле боя.
 Пусть вглубь времен за веком век идет,
 Но среди годов — суровых и кровавых —
 Мир будет помнить сорок пятый год,
 Суровый год простой солдатской славы¹.

В „Оптимистическом стихотворении“ автор размышляет о своем дальнейшем жизненном пути. Мечта поэта, участника великих сражений, — „войти певцом седым, но сильным в голубой, как утро, коммунизм“. Стихотворение заканчивается словами:

Ну, а если рано смерти лапа
 Стиснет сердце, полное огня,
 Как солдата, головой на запад
 Пусть хоронят спутники меня².

Высокая идейность, большевистская страстность характеризуют стихи поэта-фронтовика. Стих Мильчакова суров, мужественен, патетичен. Но поэту следует отказаться от стандартных изобразительных средств, больше работать над шлифовкой поэтического стиля.

Значительно слабее отражен в творчестве русских поэтов Узбекистана переход советского народа к послевоенному мирному социалистическому строительству. Рабочий класс нашей страны героически трудится над досрочным выполнением плана новой сталинской пятилетки. Колхозное крестьянство накануне тридцатилетней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции одержало огромные победы в борьбе за хлеб — могучий паводок писем на имя товарища Сталина об успешном выполнении взятых на себя обязательств радует сердце каждого советского человека. Велик прогресс и в области советской культуры. Вся страна в великой созидательной работе. Каждый советский патриот думает над тем, чтобы его личный вклад в дело социалистического строительства стал еще более весомым и значительным, ибо мощь Родины, всенародное благо — превыше всего.

¹ „Звезда Востока“, № 4—5, 1946, стр. 109.

² „Звезда Востока“, № 7, 1947, стр. 33.

О жизни советского общества в послевоенный период русскими поэтами Узбекистана написано очень мало. А то, что ими написано (в большинстве случаев это лишь небольшие стихотворения), не всегда стоит на высоком идейном и художественном уровне и, ясно, не может удовлетворить запросов культурно выросшего советского читателя.

Стихотворение С. Сомовой „У подножья горы Могол-Тау“ поднимает мало разработанную, но очень важную тему индустриализации Узбекистана. Речь идет о мартене, воздвигнутом узбекскими рабочими в Дальверзинской пустыне:

Блещут яркие слитки. Небесную даль

Озаряют румяной зарею.

И струится, струится узбекская сталь

Новорожденной синей рекою¹.

Поэтесса прославляет приобщение „сыновей бескрайних степей и безудержных рек“ — узбеков к „огневым ремеслам“. Но стихотворение не является большой удачей: с помощью искусственных, „космических“ образов („плавка миров“, „сердце титаническое жар“ и т. п.) нельзя показать образы советских металлургов. Когда поэтесса пишет: „Блажен, кто увидел рождение зари, кто коснулся реки этой синей“, трудно представить как вообще можно коснуться „синей реки“ — расплавленной стали... Стихотворение С. Сомовой „Изыскатели“, посвященное покорителям пустыни, отличается тем же абстрактным изображением советского трудового героизма, той же сухой декларативностью, что и стихи „У подножья горы Могол-Тау“. Это свидетельствует о том, что явления, к изображению которых поэтесса обращается, восприняты ею поверхностно, она органически еще не вжилась в свой материал. Нечетким по идее и слабым по выполнению представляется ее стихотворение „Февраль“. Трудно сказать, в какой связи с нарисованным поэтессой пейзажем находятся заключительные строки: „Но чем больше стоит человек, тем упорней борется за счастье“.

Уже в продолжение многих лет Андрей Иванов культивирует преимущественно пейзажную лирику. Бесспорно, что отдельные его стихотворения, рисующие природу Средней Азии, в целом удачны („В горах“, „Ночь в Фергане“, „Колодец в пустыне“, „Ущелье“, „Степная станция“, „На бахче“). В принципе против природоописательной лирики возражать не приходится. Но обозревая все напечатанное А. Ивановым за последние десять лет, приходишь к выводу, что природоописание являлось для него в какой-то мере убежищем от актуальной тематики социалистического строительства и Великой Отечественной войны. Андрей Иванов умудрился пройти мимо грозных событий 1941—1945 гг. Замкнувшись в заколдованном кругу природоописания, А. Иванов в годы Великой Отечественной войны ограничился публикацией малозначительных,

¹ „Звезда Востока“, № 1, 1947, стр. 2.

беспредметных стихотворений („Медросе“, „Базар“ и им подобные).

Созерцательность, описательство, эстетское любование природой приводят автора к поискам искусственных красот и пафосных образов вроде „тонкой игры шафранной светотени“, „по-фазаньи яркого“ базара, „чистого мира высоты“, „юбок елей“ и т. д. В стихах А. Иванова природописание оттесняет на задний план человека-труженика, работающего в „мастерской природы“. Это особенно бросается в глаза там, где автор обращается к теме труда. Так в стихотворении „Ночной полив“ есть и месяц — „кусочек нежной, переспелой дыни“ и свежий ветерок, качающий „ветки и плоды в зеленом до макушки (?) Андижане“, но нет главного — самих поливальщиков, а сравнение труда поливальщика с трудом поэта („О первый лист, о первые кусты!“) — маверно, натянуто. То же видим и в „Сборе хлопка“: несмотря на наличие отдельных удачных деталей в описании хлопкоуборки, стихотворение не дает реалистической картины упорного колхозного труда. Характерно, что автор охотнее концентрирует внимание не на трудовом процессе, а на „сладости отдыха“ („Отдых“, „Цирк на стройке“).

Недавно А. Иванов опубликовал поэму „Зыбь большой реки“¹. Главным героем в поэме выступает врач Алексей Краснов, который после демобилизации из армии направляется в узбекский колхоз и поднимает колхозную массу на постройку больницы. Бесспорно, показ роли сельской интеллигенции в колхозном строительстве — благодарный материал для поэта. Отдельные картины неплохо удалось автору (описание помощи врача при родах, выход „дружной колхозной дивизии“ на строительство). Поэма, однако, страдает от тех же недостатков, которые присущи и всему предшествующему творчеству Иванова: внешнее описательство господствует над реалистическим раскрытием образов героев, их морального облика, их внутреннего мира, их трудового подвига. Дважды в поэме зарисовывается базарная толпа, старательно описана покупка героем тюбетейки. Но когда А. Иванов обращается к характеристике своих героев и хочет заставить их говорить и действовать, в поэме появляются отрывки, лишенные естественности и художественной убедительности. В этом смысле показательное описание колхозного собрания, обсуждающего вопрос о постройке больницы. Выступающие в прениях зарисованы почти карикатурно: девушка-агроном Джамоль, о которой сам автор замечает: „такой бы не говорить, а петь“, начиная свою речь, все же „сдвинула брови, грозно, как судья“, „счетовод колхозный Зульфия“, голосом девичьим, тонким, как флейта, звонко закричала: „И я, и я буду работать на стройке лето“, „встал председатель — как дуб лесной“. В халате зеленном, как степь весной. Рослый, упорный“. Об актерах иногда говорят, что они „переигрывают“. „Переигрывает“ и автор поэмы, когда в описании собрания допускает выражения: „и вдруг забежали (?) десятки рук, целая дорожка (?) рук, просили слова с

¹ „Звезда Востока“, № 8, 1947.

азартом, в исступленьи". Ну для чего же здесь ничем не оправданное „исступленье"? Ведь никто не высказывается против построй-ки больницы.

Обратимся к образу центрального героя — врача Алексея Краснова. Он фронтовик, как можно судить по некоторым строкам, но фронтовой опыт молодого врача от читателей скрыт. Алексей — член партии („ведь сыночек партийный"); брошено мимоходом замечание, что „Алексей был в райкоме, в райздраве дней пять", но живая связь героя с партийной организацией, руководящая роль последней в колхозной жизни в поэме не отражена (в описании выхода на строительство имеется лишь мало значащая строка: „пришли машины от райкома, рика").

Автор крайне сбивчиво показывает и то, как юный врач овладевает врачебным искусством:

Он только начинал. Лицом к лицу с недугом
Он спрашивал себя: что в пульсе этих вен?
Все так неясно связано друг с другом,—
И боли и симптом (?), но как разрушить плен
Болезни, все ходы, узлы противоречий?

Но уже буквально через две строфы Алексей, так часто ска-зывающийся в тупике, становится „искуснейшим врачом". Харак-теристика героя обычно исчерпывается ремарками типа „находчив, сметлив и горяч", „молодость, нетронутость, сердечная тишина (?) проступили из сердца". Схематичен, бледен образ главного героя поэмы. Немного прибавляет А. Иванов и описанием любов-ного романа Алексея и девушки-агронома Джамоль, образ которой также мало удачен: мы не видим ее в труде, а ее тяжелая бо-лезнь, занимающая в поэме много места, понадобилась автору лишь для завязки любовного романа...

В поисках оригинальных изобразительных средств А. Иванов приходит к находкам сомнительного художественного качества: „солнце ярко вздуло закатный блеск", „вечер гордился речною прохладой", „небо гордилось звездами", „над карагачами, над ме-стом почетным, дуга застыла с открытым ртом", „несмолкаемо бил этот свист в бубен дня" и т. д.

Автор с успехом мог бы освободить текст поэмы от искусст-венных, надуманных образов. Ведь в поэме есть ряд отрывков, где автор не изменяет простоте и естественности и находит нуж-ные слова и образы. Можно указать хотя бы на отрывок, расска-зывающий о том, как вести об удачном исходе родов одетела кишлак:

Что оживил младенца он,
Весть, не успел одеться он,
Пошла вперед, высокая,
В горах копытом цокая.
И в чайханах, за чайником,
В пути, за разговорами,

Шла весть необычайная
Вперед шагами- скорыми.
С верблюдами двугорбыми,
Тропой верблюжьей длинною,
Шла в кишлаки межгорные,
В колхозы шла долинные.
Над каменистым крошевом,
Над горными вершинами
Неслась она, хорошая,
С попутными машинами.

Думаем, что А. Иванов поспешил с опубликованием незрелого произведения.

Небольшими стихотворениями ограничивается пока поэт-фронтовик Михаил Быкадоров. Ведущая тема его последних стихов — переключение героя Отечественной войны на мирный труд. В стихотворении „Голубь“ представлено возвращение солдата в родные места:

Вот трона на огород,
Вон и клен кудлатый...
Только нет во двор ворот
И раз ита хата.
Обворована она,
Сожжена, родная,
И торчит одна стена
Да труба печная..
Затуманились глаза,
Загвердели губы...

Печаль естественна, но она преодолевается: „немец наши хаты сжег — нас не поломали“. Надо трудиться, надо восстанавливать разрушенное. И стихотворение завершается оптимистическим аккордом:

Будет вся земля новой.
Над трубою голой
Заиграй по синево
Белокрылый голубь.
Паренек повеселел,
Подмигнул ребятам:
— Если голубь уцелел —
Будут голубята.

Герой стихотворения „Кузнец“ четыре года беспрестанно тосковал по кузнечному молотку. И вот он снова берется за свое любимое дело:

Сбросил куртку — и с размаху
Молотком колотит плаху:
Как ударит, как приварит, —

Искры мечутся кругом.
Молоток чечетку жарит
И кокочет петухом;
Ляжет на бок, топнет пяткой,
Зазвенит на сто ладов,—
Так и кажется — в присядку
Сам кузнец пойти готов¹.

Не забыв „былой сноровки, трудовой гвардейской хватки“, гвардеец-фронтовик становится героем трудового фронта.

Насколько можно судить по стихам, опубликованным М. Быкадоровым („Пастушонок“, „Стихи о новой весне“, „Мы снова мастера“ и др.), его родной стихией является колхозная жизнь, деревенская природа, и в этом направлении перед ним открыты большие возможности.

В последнее время в печати Узбекистана появились новые имена: С. Данилов, Д. Захаров, А. Сечко. Все они пока представлены лишь незначительным количеством стихотворений.

В стихотворениях С. Данилова „Каспий“, „Журавли“, „Встреча“ запечатлены отдельные эпизоды из фронтовой жизни, а в „Моей родословной“ автор повествует о своих предках, героически отстаивавших честь и независимость Родины.

Д. Захаров ранее печатался в газетах и альманахах Урала („Стихи и проза“) и Дальнего Востока („К бою готовы“, „На штурм врага“). В большинстве случаев это стихи об Отечественной войне („Зое Космодемьянской“, „Суворов“, „Последний бой“ и др.). У него же находим стихотворение „Голос народа“, посвященное выборам в Верховный Совет УзССР.

А. Сечко, наряду с фронтовой лирикой („Возвращение“), написал стихи о колхозной деревне и стихи для детей.

Творческий облик названных авторов еще не определился с достаточной ясностью, а отдельные замечания об их стихах читатель найдет в статье С. Сомовой „О поэзии, рожденной войной“².

Значительное место в творческой работе русских поэтов Узбекистана занимают переводы из узбекской литературы. Не приходится много говорить об огромной важности перевода в деле ознакомления массового читателя с достижениями братских литератур.

Современная узбекская литература является одним из боевых отрядов всесоюзной советской литературы. Ряд узбекских писателей за свою литературную деятельность награжден высокими правительственными наградами, а книга стихов Г. Гулама „Иду с Востока“ и роман Айбека „Навои“ удостоены Сталинских премий. Многомиллионный советский читатель, воспитанный в духе сталинской дружбы народов, проявляет живейший интерес к узбекской советской литературе, к узбекской классической литературе.

¹ „Звезда Востока“, № 2—3, 1947, стр. 69—70.

² „Звезда Востока“, № 6, 1947 г.

Многие переводы из узбекской литературы осуществлены крупнейшими поэтами и переводчиками Москвы. Не последнюю, однако, роль в этой области играют и русские поэты, постоянно живущие в Узбекистане. Переводческая деятельность является органической частью их поэтической работы, прямым гражданским долгом, могущим фактором в дальнейшем укреплении дружбы советских народов нашей Родины.

Через переводы С. Сомовой русский читатель знаком с лучшими стихами Гафур-Гуляма („Ты не сирота“, „Жду тебя, сын мой“, „Праздник на нашей улице“, „Время“, „Моя золотая земля“ и др.), Х. Алимджана („Москва“, „Сталин“, „День твоего рождения“ и др.), Т. Фаттах („Ахмед Далиев“, „Последняя слеза“, „Осень“ и др.), Уйгуна, Миртемира, Шейхзаде, А. Умари, Зульфий и других. С. Сомовой принадлежит перевод каракалпакского народного эпоса „Кырк кыз“ и ряда стихотворений современных каракалпакских поэтов (Ж. Аймурзаева, С. Нуримбетова).

В. Липко перевел многие стихи М. Шейхзаде, Г. Гуляма („Сначала ученье“, „Золотая медаль“), Т. Фаттах („В пути“, „Бессмертие“), Миртемира („На свадьбе Айсанам“, „Речка“, „Рассветной порой“ и др.), Д. Шарипова, Зульфий, Х. Пулата. В. Липко принял участие в переводе узбекского эпоса „Раушан“.

Переводы В. Липко и С. Сомовой из современных советских поэтов печатались в альманахах и вошли в отдельные сборники, изданные „Советским писателем“ и УзГИЗом („Избранное“ Х. Алимджана, „Поэты Узбекистана“, „Иду с Востока“ Г. Гуляма, „Сааз“, „Грозой рожденные“ и „Сердце говорит“ Шейхзаде, „Новолунье“ Уйгуна и др.). В выходящей в издании Гослитиздата „Антологии узбекской поэзии“ представлены также переводы В. Липко и С. Сомовой из узбекской классики.

В последнее время в качестве переводчиков выступают В. Мильчаков (стихи Миртемира, Мириухсина, Тураб Тулы, Шухрата и других) и М. Быкадоров (стихи Шейхзаде, Шуккураллы, Мириухсина, Янгия Мирзы).

Конечно, художественный уровень перечисленных переводов не одинаков. Следовало бы специально заняться вопросом о качестве русских переводов из узбекской поэзии, посвятить этому вопросу статьи в журналах, сделать его предметом обсуждения в ССПУз. Но то, что сделано русскими поэтами Узбекистана в области переводов, заслуживает, несомненно, положительной оценки. Через их переводы широкие круги советских читателей знакомятся с лучшими достижениями узбекской советской и классической поэзии.

Обзор творчества русских поэтов Узбекистана приводит к выводу, что оно еще далеко не соответствует тем задачам, которые поставлены перед писателями в решениях партии по вопросам идеологической работы.

Поэты слабо связаны с живой действительностью советского Узбекистана, не знакомы с жизнью и трудовыми подвигами его

знатных людей — героев народныхстроек, заводов и фабрик, колхозных полей. Они игнорируют такую важную работу, как работа в газете, забывая этим самым великий пример Владимира Маяковского и крупнейших советских поэтов наших дней. Своими произведениями они не откликаются на актуальные темы из современной действительности, их творчество часто лишено политической остроты и злободневности. А ведь они в большинстве случаев не являются новичками в литературе и пишут уже в течение многих лет.

Все это выдвигает неотложную задачу коренного улучшения работы русской секции ССПУз, создания деловой творческой атмосферы, оживления большевистской критики и самокритики.

М. ВЕРХАУКИЙ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ УЗБЕКСКОЙ СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Драматургических произведений в узбекской литературе до Великой Октябрьской социалистической революции не было.

Драматургия в Узбекистане родилась как новая литературная форма только после Октября и под влиянием русской реалистической драматургии.

До 1917 года по Узбекистану бродили группы „кызыкчей“ — скоморохов, подобные скоморошьям ватагам на Руси. В репертуаре этих народных театров первое место всегда занимали сатира и фарс, объектом которых обычно являлись представители ханской власти, бай, а в XIX веке и царские чиновники. Представления кызыкчей строились как миниатюры на 10—15, редко на 30—40 минут, с очень ограниченным количеством действующих лиц, причем действующими лицами были маски. Количественно довольно богатая драматургия кызыкчей была изустной и безымянной. Язык ее — народный, меткий, яркий, часто грубый, но всегда остроумный. Однако обобщенных типов эта драматургия не создала. Она брала под обстрел какой-нибудь частный факт, событие, выхваченное из жизни, и выносила ему сатирический приговор. Драматургия эта не переросла в литературную форму и не получила дальнейшего развития.

Тем более не могли завоевать место в литературе в качестве самостоятельного жанра „правоучительные“ пьески, которые строились для немногочисленных узбекских любительских кружков из буржуазной молодежи и националистической интеллигенции. Репертуар таких кружков был рассчитан на вкусы местной купеческой верхушки.

Октябрь 1917 года открыл перед узбекским народом неограниченные возможности для подъема культуры. Первым откликнулся на события 1917 года передовой, демократически настроенный поэт из числа узбекской интеллигенции, Хамза Хаким-Заде Ниязи. Он выступил с пьесой „Отравленная жизнь“.

Сочувственно относясь к угнетенным и эксплуатируемым, Хам-

ва в этой пьесе, однако, еще не вскрыл причин социального зла: он осуждал мракобесов, которые тормозили развитие культуры, искал выхода в просвещении. „Невежественность — самая страшная причина народного горя, а просвещение — путь к уничтожению всех бед“, — говорил Хамза.

Великая Октябрьская социалистическая революция помогла Хамзе увидеть настоящие причины социальной несправедливости. Батрак Гафур в новой пьесе Хамзы „Бай и батрак“ не обращается с призывом сеять просвещение, как Махмуд в пьесе „Отравленная жизнь“, а становится на путь борьбы против угнетателей и эксплуататоров — местной буржуазии и царских сатрапов.

Напомним вкратце содержание этой пьесы. Бай Салибай решил взять в жены Джамилю — жену своего батрака Гафура. Казий, эликбаши и муллы уговаривают Гафура отдать баю Джамилю и получить за нее деньги. Гафур не соглашается и обличает их, как подлых и низких людей. Его ссылают в Сибирь. Джамилю насильно выдают за баю; вскоре она умирает. Гафур в Сибири сближается с большевиками. После Февральской революции он возвращается на родину и присоединяется к борцам за Октябрьскую революцию.

Путь Гафура — это путь простого человека, восставшего на защиту своей личной чести и дошедшего затем до сознания необходимости бороться против угнетателей за свободу народа.

„Бай и батрак“ стала одной из самых популярных пьес и удержалась в литературной редакции К. Яшена на сцене до сегодняшнего дня.

И в „Отравленной жизни“ и в пьесе „Бай и батрак“ жертвой старого строя является женщина (в первом случае Марьям, во втором — Джамиля). И это понятно, ибо бесправное положение женщины в Узбекистане наиболее ярко отображало социальную несправедливость того времени, уродливость быта, крайнюю степень произвола. Хамза же был не бесстрастным бытописателем, а прогрессивным общественным деятелем, для которого драматургия являлась острым политическим оружием.

Живой отклик на волнующие вопросы современности характерен для всего творчества Хамзы. Так в пьесе „Ферганская трагедия“ (1918—1919 гг.) Хамза показал борьбу большевиков с басмачами. Стремление женщины к свободе нашло свое отражение в пьесе „Наказание клеветников“, тема выборов в Советы — в пьесе „Прежние выборы“, обличение носителей мракобесия и торжество над ними народной мудрости — в пьесе „Проделки Майсары“ и т. д.

Хамза Хаким Заде суровыми, правдивыми красками изображал современный ему быт. Его реализм был бытовым реализмом. Но вместе с тем герои его пьес часто переживали глубокую внутреннюю трагедию (в качестве примера сошлемся на Джамилю).

Буржуазные националисты, с которыми до конца своей жизни боролся Хамза, в явности препятствовали постановке его пьес и делали все, чтобы захватить в свои руки театр, чтобы, прикрываясь внешне революционной фразой, творить свое черное дело. Однако

на смену Хамзе скоро пришло новое, молодое поколение писателей-драматургов.

В области драматургии выступает писатель Яшен (Камил Нугманов). Его пьеса „Два коммуниста“ сразу же завоевала все сцены узбекских театров и привлекла широкие слои зрителя.

Драма „Два коммуниста“ разоблачала предательские действия буржуазных националистов, прикрывавшихся маской друзей народа, в период борьбы с басмачеством и отражала рост сознания простых людей и преданность узбекского народа, в лице его лучших сыновей и дочерей, партии и советскому государству. Воскрешая в памяти события недавних лет, автор не ограничивался отображением внешних сторон борьбы. Он пытался отразить расстановку классовых сил, вскрыть подлинные цели главарей басмаческих банд и их вдохновителей и показать коммунистов как истинных представителей народа, как народных героев.

В узбекской советской драматургии, таким образом, появляются новые герои — большевики-узбеки, смелые и преданные народному делу, стойкие и бесстрашные, как Арслан, комиссар красноармейского отряда. Героиня пьесы узбечка Дильбар, жена Арслана — это уже не покорная и страждущая Марьям из „Отравленной жизни“, не Джамиля из „Бая и батрака“, которая ищет выхода в смерти. Это женщина-воин, которая не остановится ни перед какими препятствиями.

В эти же годы появляются пьесы о борьбе с врагами народа: „Вредители хлопка“ У. Исмаилова, „Янтрамиз“ Яшена, „Маска сорвана“ З. Фатхуллина (на тему о борьбе с врагами народа, окопавшимися в научно-исследовательском институте).

Молодые драматурги, как мы видим, продолжают традицию Хамза Хаким-Заде; основной темой их творчества является тема укрепления советской власти в Узбекистане. Большая часть драматургических произведений тридцатых годов отражает борьбу с классовым врагом, стремившимся сорвать строительство колхозов. Драматурги создают образы рядовых дехкан. Следует, однако, отметить, что образы этих героев недостаточно ярки для описываемых событий и тех задач, которые они разрешают. Объясняется это, главным образом, тем, что бурные, напряженные события этого времени зачастую заслоняли от драматургов духовный облик их героев. В пьесе „Вредители хлопка“, например, 44 действующих лица, не считая дехкан, рабочих, милиционеров, пожарников, но характеры ни одного из действующих лиц не разработаны. В пьесе „Два коммуниста“ образы героев схематичны, плакатны, внутренняя жизнь их не раскрыта, характеристику дают себе сами герои. События и явления в большинстве пьес того периода не претворяются в художественной форме, а переносятся в пьесу из жизни в неизменном виде. Сюжеты пьес порой наивны; драматургическая техника их слаба.

С течением времени молодые узбекские драматурги приобретают опыт; они изучают жизнь и глубже познают внутренний мир творцов событий. Авторы иногда возвращаются к своим старым пье-

сам с тем, чтобы „дописать“ характеры своих героев, раскрыть их мир. Так было с Яшеном, серьезно переработавшим в 1934 г. пьесу „Два коммуниста“ (в новой редакции „Тар-Мар“ — „Разгром“). Так было и с З. Фатхуллиным, переработавшим пьесу „Маска сорвана“ (в новой редакции „Предатели“). Насколько серьезна была такая переработка, можно видеть на примере пьесы „Два коммуниста“. „Разгром“ — это по существу новая пьеса. В нее введены новые герои — командир отряда Семенов и др.; глубже, художественно интереснее, полнее раскрываются образы Арслана, Дильбар. Автор находит психологические и логические мотивы возникновения и развития событий.

Большую помощь как в подходе к явлениям жизни, так и в совершенствовании мастерства оказало узбекским драматургам изучение образцов русской драматургии и сотрудничество с драматургическим театром им. Хамза, в репертуаре которого русские пьесы начинали занимать видное место. Один из ведущих узбекских драматургов — Яшен к концу тридцатых годов создает пьесу „Намус ва мухаббат“ („Честь и любовь“) и, совместно с Музафаром Мухамедовым, музыкальную драму „Гульсара“. Образы действующих в этих пьесах лиц художественно убедительны, поступки героев психологически мотивированы и социально обусловлены, духовный мир их так же богат, как богаты их дела. В пьесе „Честь и любовь“ автору удалось убедительно показать, что победа колхозного строя произвела серьезный переворот в сознании бывших батраков и бедняков-единоличников, что в наше советское время люди даже в далеких от центра колхозах стремятся к просвещению, усваивают передовые идеи и вырастают в активных творцов жизни. Колхозный бригадир Анорхан борется с патриархально-феодалными пережитками в психологии своего мужа Гульма и колхозника Яхшибаля. В пьесе немного основных действующих лиц, но все они очерчены выукло и ярко.

„Гульсара“ — музыкальная драма. Она была показана на декаде узбекского искусства в Москве и заслужила признание театральной общественности.

Тема пьесы — борьба узбекской женщины против несправедливости, против беспроектной жизни в ичкари — для того времени (1938 г.) не нова. Но решение этой темы представляет немалый интерес. Гульсара уже не носит паранджи. Ее возлюбленный комсомолец Кадыр тоже против паранджи. Отец Гульсары, старик, над которым еще тяготеет невежество, предрассудки и власть ишанов и баев, категорически запрещает дочери ходить с открытым лицом. Гульсара на пороге гибели. Защищая Гульсару, гибнет ее мать. Но Гульсара в конце концов побеждает. Музыкальная драма „Гульсара“, отразившая лучшие стремления женщины-узбечки того времени, стала одной из самых любимых пьес узбекского зрителя. Имя ее героини Гульсары сделалось нарицательным.

Авторам удалось вскрыть в этой пьесе сложность борьбы за новый быт, борьбы против старых, отживающих обычаев и пред-

рассудков, они наделили своих героев — Гафура, Арслана, Дильбар, Анархон и Гульсару мужественными чертами борцов за новое.

Эти герои вошли в быт узбекского народа — ими гордились, им стремились подражать. Так искусство драматурга помогало народу строить новую, основанную на социалистических началах жизнь.

Узбекские драматурги, знакомясь с лучшими образцами русской драматургии, изучая окружающую жизнь, совершенствовались свое мастерство. В начале сороковых годов появляются новые пьесы: „Аваз“ А. Хидоятова, „Уйганьш“ Сафарова, „Бахадыр“ Туйгуна, „Наше племя“ Нуретдинова (о восстании 1916 г.), „Ярылташ“ Ш. Сагдуллы, „Кинжал Тахира“ Хамраева, „Тахир и Зухра“ С. Абдуллы и другие.

Узбекский народ любит поэзию, а поэзию Навои особенно, и поэтому естественно, что драматурги часто обращаются к произведениям великого поэта. Были инсценированы замечательные, полные драматизма поэмы Навои „Фархад и Ширин“ и „Лейли и Меджнун“. Особенным успехом пользуются в драматургии трагические образы героического Фархада и нежной и мужественной Ширин.

Следует признать, что авторы инсценировок этих поэм, в частности Хуршид, нередко толковали содержание их в корне неверно, искажали образы героев, сводя действия, поступки, характеры к любовно-лирическим переживаниям, пронизывая свои пьесы мистикой, эротикой, безысходным пессимизмом. В то же время всячески затупевывались все те черты народности, стремления к новаторству, неистощимой жажды деятельности, которые столь свойственны героям произведений Алишера Навои.

В пьесе Хуршида было очень много слез и тоски, но было выброшено все, что могло бы характеризовать Фархада как человека ищущего ответа на вопрос „что есть истина“, как героя, преодолевающего трудные препятствия, всегда готового на подвиг и на труд.

В период, предшествовавший Великой Отечественной войне, большинство узбекских драматургов чрезмерно увлекались разработкой исторических тем или тем по народным легендам и сказкам. Так Туйгун написал драму „Бахадыр“ на основе народной поэмы „Зульфизор“; сюжет народной сказки был положен в основу пьесы для детей „Ярылташ“, легенда о Тахире и Зухре была инсценирована и дополнена С. Абдуллой и т. д. Большинство пьес исторического содержания страдало рядом серьезных недостатков. Основным из них являлось стремление авторов пьес объяснить поступки и поведение героев не общественными, а сугубо личными мотивами. В „Бахадыре“ источником подвига положительного героя Аваза служит только стремление соединиться с любимой. Такая трактовка событий не давала зрителю материала для понимания истории и приводила самих авторов к разным степеням идеализации прошлого.

С первых же дней Отечественной войны с немецкими фашистами узбекские драматурги обратились к зрителю с пьесами, которые звали и воодушевляли его на борьбу, укрепляли в нем

волю к победе, отражали готовность всего советского народа стать на защиту Родины. Создаются новые пьесы (музыкальные драмы) о моральной стойкости узбекского тыла, об узбекской семье, о патриотах-отцах, поддерживающих желание сыновей идти на фронт („Даврон-ота“, „Шерали“); о героях-узбеках („Курбан Умаров“, „Кучкар Турдыев“). Всенародный подъем был запечатлен в патетической драме „Меч Узбекистана“ Н. Погодина, Х. Алимджана, Г. Гуляма, С. Абдуллы. Позже появляются пьесы: „Месть“ А. Умари, „Мать“ Уйгуна, „Смерть оккупантам“ Яшена, „Наш боец“ Ш. Сагдулла, посвященные героизму узбекских воинов (Эльвар в „Мести“, Балтабай в „Матери“), укреплению братской дружбы в боях за Родину (Чумак и Эльвар), патриотизму советской матери (Умри из „Матери“).

Все эти произведения страдают общим недостатком — на них лежит печать спешки. Образы героев и героинь в пьесах этого периода больше иллюстрируются косвенными характеристиками, — декларациями, чем раскрываются в поступках и действиях. Психологическая и логическая мотивировка во многих событиях отсутствует. Но несмотря на серьезные недостатки, эти пьесы в сценическом воплощении оказывали большое впечатление на зрителей, на ярких примерах, на патетических речах героев воспитывали его волю к борьбе с врагами.

В годы войны узбекские драматурги снова обратились к прошлому своего народа, причем искали такие события, которые являлись бы примером героизма и самоотверженности, воспитывали бы молодежь в духе преданности родине, народу. Гражданская война и разгром басмачества в Фергане явились темой пьесы И. Султанова „Полет орла“. В ней драматург в лице талантливого полководца М. В. Фрунзе попытался показать великую роль русского народа в разгроме басмачества и упрочении советской власти. Тему борьбы с иноземными захватчиками пытается разрешить Шейхзаде в пьесе „Джалалетдин“ (герой ее — один из шахов Хорезма периода монгольского нашествия). Поэт Хамид Алимджан пишет драматическую поэму „Муканна“ о Хашим-ибн-Хакиме, возглавившем в VIII веке народное движение против арабов, завоевателей среднеазиатских земель. Яшен пишет музыкальную драму „Нурхон“ — о талантливой девушке-узбечке, посвятившей свою жизнь театральному искусству и убитой за свободомыслие своими подставленниками. Он же в содружестве с Амином Умари написал пьесу „Хамза“ о поэте-демократе, первом советском драматурге, общественном деятеле, композиторе Хамзе Хаким-Заде, убитом в 1929 г. в Шахмардане. Уйгун и И. Султанов в 1946 г. закончили пьесу об Алишере Навои — великом узбекском поэте и государственном деятеле XV века. Как и пьесы на исторические темы предыдущего периода, большая часть исторических пьес военного времени, хотя они и сыграли определенную положительную роль, имеют немало недостатков. Так в пьесе „Полет орла“ автор не сумел показать социальную природу басмачества и причины, способствовавшие быстрому его разгрому. В пьесе „Джалалетдин“

идеализирован главный герой ее — хорезмский шах Джалалетдин. Тем же недостатком страдала пьеса Уйгуна и Н. Султанова „Навои“.

Исторические постановки ЦК ВКП(б по идеологическим вопросам помогли развитию критической мысли (серьезному анализу и критике подвергся ряд пьес: „Полет орла“, „Навои“, „Джалалетдин“, „Рискованная шутка“, „Фархад и Ширин“) и сыграли огромную роль в обращении узбекской драматургии к современной тематике, к острым вопросам современности. Так, Яшен создает музыкальную драму „Офтобхон“ (о героизме колхозников в борьбе за хлопок), Туйгун — пьесу „Любовь“ (о колхозном строительстве), Х. Гулям — пьесу „Ота розы“ (о дружбе народов), Уйгун — „Песня жизни“ (о благородных качествах советских людей, героев фронта и тыла, о дружбе между представителями братских народов нашей страны).

Рожденная в огне борьбы за установление советской власти, испытавшая на протяжении 30 лет благотворное влияние русской драматургии, узбекская советская драматургия стала орудием воспитания зрителя в духе идей большевистской партии, стала источником удовлетворения культурных запросов нашего народа.

УЗБЕКСКИЙ ОПЕРНЫЙ ТЕАТР

Одним из основных принципов ленинско-сталинской национальной политики в вопросе развития национальных культур является принцип использования национальных форм, как базы для строительства нового, социалистического искусства.

Мощным средством для создания новой советской узбекской музыкальной культуры явились узбекские народные песни и классическая узбекская музыка, с их высокими художественными достоинствами. Музыкальные деятели первых лет советского строительства, используя музыкальное искусство, как орудие пропаганды новых идей и нового быта, привлекают к этому делу через созданные уже в 1916 г. первые ансамбли и театральные кружки лучших знатоков и исполнителей народной музыки. Талантливый писатель и поэт Хамза Хаким-Заде Ниязи пишет новые стихи к мелодиям, знакомым всем с детства, сочиняет новые мелодии и сам становится во главе первых, организованных им, художественных коллективов. Один из таких коллективов положил начало выдающемуся теперь театру республики — Академическому театру имени Хамзы, другой — Государственному Этнографическому Ансамблю, из которого затем вырос оперный театр, именуемый ныне Узбекским Государственным Ордена Трудового Красного Знамени театром оперы и балета.

Родная и понятная всем народная музыка использовалась не только в концертном плане, но и как средство музыкального оформления театральных представлений, и это уже в течение первого десятилетия подготовило почву к созданию музыкального театра, основанного, как известно, в 1928 году. Исполнительскими кадрами вновь созданного театра явились те же знатоки и носители народной музыки, до этого объединенные в этнографическом ансамбле и в драматических театрах Ташкента, Коканда, Андижана и др. Соответственно с требованиями нового вида исполнительства происходит дифференциация наличных сил на актеров, режиссеров, музыкантов. В то же время принимаются меры к повышению их общей квалификации путем направления на обучение в театральные студии Москвы (студия при театре Вахтангова) и Баку, в студии Москов-

ской консерватории и в ташкентские музыкальные школы. Старшее поколение актеров и музыкантов в силу обстоятельств проходит эту учебу без отрыва от производства или с отрывом на короткие сроки, так как рост общего социалистического строительства требует их участия в деле создания собственного музыкального театра и не позволяет освободить их от практической деятельности. Однако молодое поколение, вступившее на подмостки в тридцатых годах, получает возможность уже более планомерного обучения. Ряд молодых музыкантов, обучавшихся в научно-исследовательском институте в Самарканде и в Ташкентском музыкальном техникуме, становится дирижерами, композиторами и оркестровыми музыкантами. Музыкальный театр с 1929 года начинает постепенно переходить от унисонной народной музыки к многоголосию с сопровождением симфонического оркестра. Постепенно изменяется и метод работы над созданием новых пьес: первое время в создании музыкальной пьесы принимал участие весь коллектив, начиная от автора пьесы, часто указывавшего, какие именно народные мелодии он считает подходящими для данной драматической и сценической ситуации, режиссера, музыкального руководителя и кончая исполнителями отдельных ролей. В программах этого периода не было обозначения автора музыки и обычно указывалось: „музыка народная“. С появлением же квалифицированных композиторов, которые гармонизируют мелодический (народный) материал, появляется обозначение „обработка“, а позднее „музыка композитора такого-то...“

Развитие узбекского оперного театра прошло те же стадии, какие наблюдались в истории любого национального театра, только, соответственно общим темпам нашего социалистического строительства, в сроки, на много превышающие движение развития театра в условиях феодального строя. Эволюция русского театра, например, заняла период в целое столетие (от первой придворной оперы Ф. Арая „Сила любви и ненависти“ — 1736 г. до „Ивана Сусанина“ Глинки — 1836 г.). Узбекский же музыкальный театр, начав свою деятельность в 1926 г. с этнографического ансамбля, к 20-й годовщине Советского Союза достиг такого актерского, мастерства, что, участвуя в декаде узбекского искусства в Москве, вызвал восторженный прием слушателей и получил высокую оценку, выразившуюся в награждении его орденом Красного Знамени и награждении орденами и другими правительственными наградами целого ряда артистов и музыкальных деятелей. На сцене театра за эти годы прошло до 20 пьес, из которых наиболее значительные в художественном и идейном отношении прочно закрепились в его репертуаре. Вместе с общим ростом театра эти пьесы постепенно усложнялись, перерабатывались и в конце концов стали операми в полном смысле этого слова. Показателем в этом отношении путь развития опер Узбекского театра „Фархад и Ширин“ и „Лейли и Меджнун“. Они ставились в первые годы после Октябрьской революции как драматические пьесы, написанные по поэмам Навои. Затем, с организацией музыкального театра, пьесы эти пополняются музыкой и идут под унисонный оркестр народных инструментов.

Позднее (после 1934 г.) эти пьесы постепенно гармонизируются и исполняются с симфоническим оркестром. В настоящее время „Фархад и Ширин“ — опера, музыка к ней написана Успенским и Мухомедовым; „Лейли и Меджнун“ — опера, музыка Глиэра и Садыкова.

Наряду с этим, в музыкальном театре, с первых же лет его существования, сосредоточились все лучшие танцевальные силы. В каждой музыкальной пьесе отводилось значительное место танцу. Оо успехах в этой области можно судить уже по тому, что в 1935 году в Лондоне на международном фестивале народного танца узбекские танцы получили высокую награду.

После декады узбекского искусства в Москве в 1937 году, получив признание союной музыкальной общественности, Узбекский музыкальный театр поставил перед собой задачу освоения оперы и балета. Написание первой оперы было возложено на композиторов Ашрафи и Василенко, которые избрали для этой цели либретто Яшона „Буря“. В период написания оперы „Буря“ театр сделал опыт освоения оперной формы, поставив (в 1938 г.) казахскую оперу „Ер-Таргын“ (музыка Брусиловского) и в 1939 г. азербайджанскую оперу „Нергиз“ (музыка Магомаева). Обе эти оперы были освоены очень успешно и явились хорошей школой для исполнителей-вокалистов. Еще до этого, в 1938 году, был сделан и первый опыт постановки балета „Шахид“, специально написанного композитором Талем и поставленного средствами узбекского народного танца. Постановка балета выявила творческие (актерские) возможности танцоров, предоставив им случай не только танцевать национальные танцы, но и воплощать идею произведения в сценических образах. Позднее, в 1940 году, театр поставил второй балет „Гульандом“, специально написанный композитором Брусиловским по либретто Тамары Ханум и Уйгуна.

Опера „Буря“ была поставлена в 1939 г. Она предъявила к исполнителям большие требования, так как в ней имеются и речитативы, и арии, и оригинальная композиторская музыка. В опере в значительной степени привлечен и русский элемент, характеризующий русскую „самодержавную“ власть и русскую братскую помощь. За создание и постановку оперы „Буря“ театр и получил имя Театра оперы и балета.

За оперой „Буря“ последовали оперы: в 1940 г. „Лейли и Меджнун“, переработанная из музыкальной драмы композиторами Глиэром и Садыковым; в том же 1940 году опера „Великий канал“ (музыка Ашрафи и Василенко), посвященная героической народной стройке Большого Ферганского канала. Основное в этой опере — многоголосные хоры, — то новое, что осваивает узбекский хор, в прошлом унисонный. В эти же годы была подготовлена опера „Удубек“ (музыка Козловского), постановка которой была осуществлена уже в дни Отечественной войны — в 1942 г. Опера эта посвящена славному прошлому узбекского народа; по всем требованиям, предъявляемым к исполнителям-певцам, музыкантам и дирижеру, она чрезвычайно серьезна, и овладение ею является свидетельством большого роста всего коллектива театра.

В годы же Отечественной войны была написана и поставлена еще одна историческая опера — „Махмуд Тараби“ (музыка Чишко), в которой есть хорошие арии, прекрасный дуэт и интересные хоры.

Балетный репертуар театра обогатился в годы войны балетом „Авбиял“ (музыка С. Василенко). Сказочный сюжет балета позволил композитору дать, помимо узбекских фольклорных мелодий, много оригинальных фантастических номеров, блестяще инструментованных. В этом балете уже имеются отдельные попытки применения классического танца, но, в общем, танец все же остается в тесных рамках хореографического фольклора. В настоящее время, в новой постановке 1946 г., балет „Авбиял“ значительно обогатился классическим танцем, как сольным, так и в кордебалете.

Кроме того, в дни Отечественной войны театром были поставлены в виде музыкальных драм три пьесы, посвященные героизму узбекского народа в борьбе с немецкими захватчиками. Это — „Даврон-Ота“, музыкальная драма в 3-х действиях, музыка Т. Садыкова и Козловского, по либретто Яшена; „Шерали“ — музыкальная драма в 3-х действиях, музыка Ашрафи, Василенко и Козловского, либретто Х. Гуляма и В. Халил и „Меч Узбекистана“ — музыкальная драма в 4-х действиях, 5 картинах, музыка Т. Садыкова, М. Джалилова, М. Бурханова, Клумова и Вайнберга, либретто Погодина, Х. Алимджана, Уйгуна и С. Абдуллы.

11 июня 1944 года Театр оперы и балета праздновал свое пятилетие и ознаменовал его постановкой оперы Бизе „Кармен“. С трудной задачей освоения сложной европейской оперы театр успешно справился, особенно в отношении актерского мастерства, как отдельных исполнителей, так и в массовых сценах. Прекрасно показал себя хор. Достижением следует также считать хорошо исполняемые многоголосные ансамбли во втором действии: квинтет контрабандистов, трио цыганок, дуэты Кармен и Хозе, Хозе и Микаэлы.

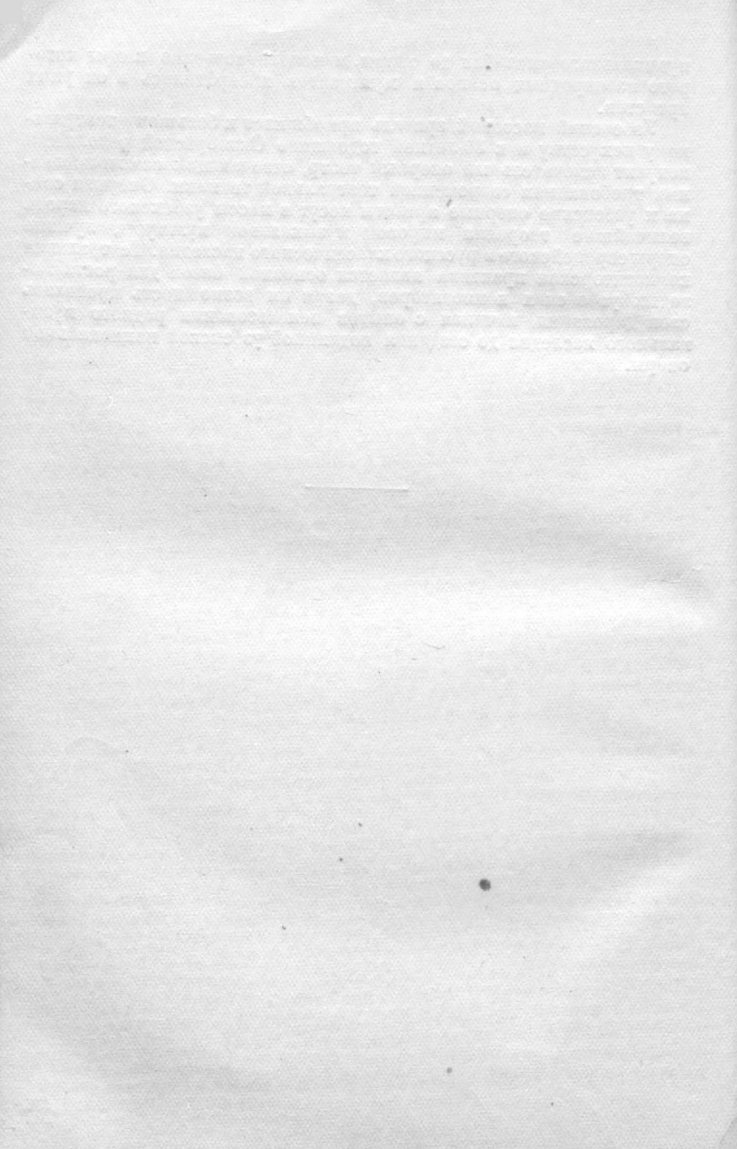
В целях освоения русской оперной классики театр поставил в 1945 г. балет Б. Асафьева „Бахчисарайский фонтан“, в 1947 г. оперу „Пиковая дама“.

Путь, проделанный Узбекским оперным театром, огромен. За 20 лет своего существования театр вырастил своих композиторов (лауреат Сталинской премии Ашрафи, Садыков — они же дирижеры своих постановок) и талантливые актерские кадры, из которых многие вошли в творческие коллективы других театров республики. Ведущая актриса театра, лауреат Сталинской премии Халима Насырова, носит звание народной артистки СССР и представляет собой замечательную актрису и самобытную певицу. Во главе балета стоит лауреат Сталинской премии, народная артистка УЗССР Мукарам Тургунбаева, одна из прекрасных носительниц традиций узбекского народного танца. Оркестр театра состоит из двух групп — национальных инструментов и симфонического. В ряде опер — „Великий канал“, „Улугбек“ — композиторы используют оба состава.

Тридцать лет Советского Социалистического строительства в Узбекистане оказались весьма плодотворными для развития узбекского музыкального театра, который за это время прошел путь от

музыкального ансамбля до оперы, и исполнительские кадры которого из народных певцов и музыкантов превратились в оперных артистов.

Узбекский массовый зритель приобщился к большому театральному искусству и к 30-летней годовщине Октябрьской революции получит замечательный оперный театр, отвечающий самым последним требованиям современной театральной техники. Оперная сцена и узбекские оперные артисты несут в массы узбекского народа величайшие творения мировой музыкальной культуры, лучшие оперы европейского и русского классического наследия. Театральная композиторская практика является основной базой для роста молодых узбекских композиторов, давая им возможность проявлять свои дарования, начиная с опытов использования родного музыкального наследия до создания подлинной узбекской национальной оперы.

СОДЕРЖАНИЕ

Уйгун. Поступь веков. Музыкальная драма. Перевел с узбекского Н. Ивашев	1
Аскад Мухтар. Статевар. Поэма. Перевел с узбекского В. Мильчаков	36
Абдулла Каххар. „Два чинара“. Роман. Продолжение. Перевел с узбек- ского Н. Ивашев	53
Тимур Фаттах, С. Мухамедов. Новая земля. Литературный сценарий	81
Айдын. Невестка родила сына. Рассказ. Перевел с узбекского Н. Ивашев	111
Ал. Шманов. Хлопкоробы. Очерк	116
Михаил Быкадоров. По закону фронта. Очерк	121

СТАТЬИ

С. Лиходзневский. Русские поэты Узбекистана.	123
М. Верхацкий. Основные этапы развития узбекской советской дра- матургии	146
Е. Романовская. Узбекский оперный театр	153

Типография изд-ва „Пр. Вост.“ и „Кзыл Узб.“, г. Ташкент, ул. Дзержинского, 8